

K 1451610

02

КОЛОКОЛ ЗА ЛЕСОМ

Колокол за лесом

ПРОЗА

Великий Устюг
2012 г.

В книге вы познакомитесь с прозаическим творчеством авторов-устюжан, представителей Великоустюгского районного литературного объединения «Северок».

Книга подготовлена к 865-летию со дня основания города Великого Устюга. Авторы благодарят за поддержку в издании администрацию Великоустюгского муниципального района.

Составитель и редактор: Ольга Кульневская

Иллюстрации: Мария Цвеченко

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

*Полюбил райцентры я глухие,
Древние святые городки.
В них ещё жива душа России,
В них её грядущего ростки.
Больше в них людей, душой открытых,
Меньше — равнодушием больных.
Помнят земляков здесь даровитых,
Бога чтут средь стольких дел земных...*

Автор этих строчек — поэт Валентин Суховский (он родом из Архангельской области, одно время работал в Великом Устюге, сейчас живёт в Москве). Очень верные строки, правда? Хочется верить в это. Хотя, может, и субъективно относимся мы к райцентрам, поскольку сами — райцентр; может, слегка преувеличиваем, говоря об особенных душевных качествах обитателей райцентров, но ведь это от любви к родной земле!

И всё-таки зерно истины в этих строчках есть. И это подтверждают постоянные встречи с нашими друзьями — представителями литературных объединений районов-соседей из трёх областей: Вологодской, Архангельской и Кировской. Это встречи людей, искренне влюбленных в родную землю, в такие вот райцентры. Только не поворачивается язык назвать их глухими, когда слушаешь стихи, родившиеся под пение ветра в деревенском поле, под птичьи звоны в кронах сельских деревьев...

Такие встречи нужны всем. Любителям литературного слова — для знакомства с новыми авторами, самим авторам — для нового вдохновения и профессионального роста, для подпитки чудесной энергетикой искреннего взаимопонимания, для обмена книгами и опытом; городу, селу — для объективной оценки своего места в литературной и культурной жизни области и региона, для сохранения традиций и создания традиций новых; для познания своих возможностей, в конце концов — для работы над ошибками, если таковые имеются, если землякам-авторам уделяется мало внимания.

Книга перед вами — тоже такая встреча. Новая встреча с авторами-устюжанами.

...Как-то в телепрограмме «Разночтения» на телеканале «Культура» я услышала очень заведшее меня выступление одного из молодых столичных поэтов, рассуждавшего о современной поэзии. То и дело звучали в его речи выражения «маргинальная культура», «провинциальное маргинальное творчество». Этот самый поэт прочёл собственные стихи, и мой слух больно резанули строки — что-то вроде: «Провинциальные рыбы плавают, широко раскрывая рты, похोजие на нули, но мы почему-то их не слышим...»

Возможно, провинциальные поэты, не испорченные столичными вывихами и умоизвращениями, наивны, как дети, и кому-то их искреннее душевное творчество кажется устаревшим и смешным. Но в этой наивности и чистоте — спасение русской души от пошлости и грязи, души, которая русской-то остается лишь, по сути, на окраинах России.

Разве унизительно быть окраиной?

Первый Северо-Двинский губернский съезд пролетарских писателей состоялся именно в Великом Устюге 12 июля 1929 года. Это сейчас Великий Устюг — удалённый от областного центра лесной угол. А тогда, в 1929 году, город был центром обширной Северо-Двинской губернии. Съезд поставил перед собой задачи объединить начинающих писателей в один общий союз, осознать свои силы. Северо-Двинская ассоциация пролетарских писателей тогда издавала даже собственную газету — «Северные огни».

Что касается Великоустюгского районного литературного объединения «Северок», то в нынешнем составе он ведёт отсчёт своей творческой жизни с 1993 года, когда вышел в свет первый коллективный поэтический сборник «За северным перевалом». Название с двойным значением: первое — буквально географическо-топографическое: перевалов на Севере хватает, второе — историческое: с 1925 по 1935 год в нашем городе существовала литературная

группа «Северный перевал», и первым своим сборником устюжане сделали о себе заявку как о последователях «Северного перевала». В книгу вошли стихи Василия Ситникова, Веры Багрецовой, Валентины Синяковой, Ольги Чернорицкой, Андрея Климова, Ольги Кульневской, Галины Плетнёвой, Татьяны Коковиной, Николая Фокина из Нюксеницы и многих других.

Возглавила «Северок» поэтесса Ольга Чернорицкая, сейчас живущая в Москве. Первые книги увидели свет благодаря её энтузиазму и настойчивости. С 1995 года возглавляет литобъединение член Союза журналистов Ольга Кульневская.

Потом были поэтические книги уже авторские — маленький сборник лирики «Жаворонки» Валентины Синяковой, «Побережья» Василия Ситникова, «Цветы и звуки» Анатолия Мартюкова. После издания своих книг Василий Ситников и Анатолий Мартюков были приняты в ряды областной писательской организации.

В 1995 году вышел новый коллективный сборник «Жизнь моя». В нём появилась проза Анатолия Мартюкова и Юрия Опалева. Следующие книги открыли новые имена, сегодня хорошо известные устюжанам: Николай Алешинцев, Татьяна Ядрихинской, Елены Виноградовой. В 2005 году увидел свет небольшой сборник прозы и поэзии «Золото калёное», посвящённый 60-летию Великой Победы.

Благодаря отчасти поддержке администрации района, отчасти спонсорам были изданы книги отдельных авторов — Николая Фоминского, Андрея Реутова, Андрея Климова, Елены Виноградовой, Ольги Кульневской, Веры Багрецовой, Анатолия Мартюкова, Николая Алешинцева, Василия Ситникова.

Произведения устюжан ежегодно публикуются в альманахе «Звезда Поюжья», выходящем в рамках межрегионального фестиваля народного творчества «Славяне Поюжья» (участники — Великоустюгский, Кичменгско-Городецкий, Никольский районы Вологодской области и Подосиновский — Кировской области). Кроме этого, представители «Северка» стали постоянными участниками еще двух традиционных фестивалей — «Восток литературный» (проходит ежегодно в Нюксенице и собирает авторов восточных районов Вологодской области и гостей) и «Солонихинские зори». Последний проходит раз в два года на курорте Солониха Красноборского района Архангельской области. В его рамках — мастер-классы под руководством членов Союза писателей из Архангельской области с участием нашей знаменитой землячки Ольги Фокиной. Несколько раз участвовала в них Инэль Яшина, много лет возглавлявшая Архангельскую писательскую организацию.

Стихи и проза отдельных устюжан неоднократно публиковались в журналах «Вологодский ЛАД», «Автограф», областных газетах, детском российском журнале «Мурзилка», журналах «Север», «Молодая гвардия», «Молодые голоса Севера», в рекламно-художественных брошюрах и буклетах о вотчине российского Деда Мороза, в краеведческом альманахе «Великий Устюг», других изданиях.

В марте 2008 года при поддержке районной и городской администраций «Северок» отметил свой 15-летний юбилей большим литературным праздником с участием многочисленных гостей из соседних районов и выходом в свет коллективного литературного сборника «Я вижу этот мир таким...». В нём устюжане познакомили читателей в основном со своим поэтическим творчеством. В сегодняшней книге, вышедшей к 865-летию Великого Устюга, мы говорим на языке художественной прозы...

«Колокол за лесом»...

Чудится мне в этом названии дальняя гребёнка косматых елей, старая церквушка на высоком зелёном угоре на семи ветрах... А дальше, за этим угором, да ещё за десятью такими же, по склонам которых рассыпали свои избы северные деревушки, — далёкая Сухона, а по берегу её в дрожащем летнем мареве белеет дивная вереница устюгских храмов...

*Ольга Кульневская,
член Союза журналистов России.*

*Поклон вам,
люди добрые*

ПРОЗА

«Земное бытие — мерило нашей нужности...»

Николай Алешинцев

Самое главное для человека — вовремя родиться. Чтоб хлеба было вдоволь, не было революций, войн, реформаторских опытов над народом.

Мне повезло. Мои родители, Клавдия Сергеевна и Созонт Александрович, подарили мне жизнь в мае 1950 года. В семье тогда уже было пятеро детей, так что моё явление было окружено особым вниманием и любовью родителей и неудовольствием старших братьев и сестер, вынужденных со мной нянчиться. Так получилось, что на их долю пришлось все тяготы и лишения военного и послевоенного времени. Каково было маме, да и всем женщинам того поколения, трудно передать словами. Боевая и военная служба папы затянулась почти на семь лет. И была прервана мамой, которая, несмотря на голод и разруху, поехала с двумя детьми на север в воинскую часть, где большой военный чин, восхищенный её поступком, немедленно издал приказ о демобилизации старшего лейтенанта Алешинцева.

От того голодного и холодного времени остались, как горькая память, слова моего брата: «Мама, на свете, наверное, нет ничего вкуснее чёрного хлеба».

Сельское хозяйство и учительство переплелось в нашей семье плотно. Старший брат всю жизнь проработал в землеустройстве. Шестьдесят лет директорства в совхозах района отработала мужская половина нашей семьи, в то же время родители и три моих сестры положили на алтарь отечественного учительства более ста пятидесяти лет добросовестного труда. Кроме того, мои братья и сёстры работали на стройках Череповца и Волго-Балта и получили высшее образование.

Мой дед и прадеды по отцовской линии были священниками. По маминой линии наш род происходил от зажиточных крестьян Латынцевых. Все испытания, выпавшие на долю России, в полной мере прокатились и по нашим родам. Кто-то остался замёрзшим на Шипке, кто-то погиб в боях за Сталинград. Оставшимся в живых тоже было несладко. Труд и щедрая природа

От первого лица

помогли не погибнуть. Что, кроме уважения и благодарности к старшим, могли чувствовать мы, послевоенные дети?

Мы уже рождались в больницах, нам покупали кое-какую новую одежду, а в 1956-м в сельмаге появился настоящий белый хлеб, такой вкусный, что донести до дому буханку целиком удавалось не всегда. Открывались детские сады, расширялись школы...

Мне даже тогда повезло: в анисимовском детсаде я крестиком вышивал кошечку с мальчиком, оказавшимся потом большим начальником и спасавшего меня от многих бед, связанных с моей энергетической безграмотностью. А ещё в садике работала воспитательница, при одном взгляде которой робко замирало сердце. Она была самая лучшая на свете, и ради неё всё время хотелось совершить подвиг. Это не мешало мне и моему другу Володе убегать за речку Стрельну и целый день предаваться поеданию гороха и лежанию на горячем камне. Расплата не заставляла себя ждать и приходила на стреленский берег в виде мамы с вицей в руке. Давно нет сада. Да и деревня Анисимово, бывшая когда-то в километр длиной, тихо умирает.

... Папу перевели в Кичугу директором совхоза. Мне было девять лет. Совхоз то укрупняли, то расформировывали вновь. Одно время его протяжённость была более шестидесяти километров. Страшный нравом жеребец Карагез уносил отца издали на целую неделю. Запомнилось, что в какое бы время папа ни уезжал или приезжал, чаще всего это было или поздно ночью, или ранним утром, мама всегда собирала его и кормила горячим.

Редко, но и у нас бывали праздники. Собиралась вся большая деревня Нижняя Кичуга. Папа добывал к празднику дичь и обязательно крупную свежую рыбу. Какой бы длины не была рыбина, в пирог её клали целиком. Иногда такое блюдо было более метра в длину. Вкуснятина, я вам скажу, невероятная.

А как пели мама с папой! У них были совершенно вливающие друг в друга голоса. Да и песни пелись, где каждый звук, каждое слово — драгоценность.

Первая крупная рыба, первый добытый рябчик и тетерев, первая усталость от сенокосного дня и всамделишная горячая и горячая любовь насмерть... Всем этим щедро одарила меня маленькая русская деревенька Кичуга. Не оттого ли щемит сердце, не оттого ли не проходящее чувство вины, когда встречаюсь с ней, почти умирающей? Разве могли мы подумать, что будем могильщиками родных деревень, отдавших нам самое лучшее из своих заветных кладовых. Не защитим?

...После окончания десяти классов в Полдарской школе поступил в Великоустюгский совхоз-техникум на агронома. Через год был взят в армию. Не считал и не считаю, что армия — школа, которую лучше пройти заочно. Не всё в ней было хорошо — подонки, наглецы и бездари пытались сделать из солдат рабов. Но там, где офицеры не зря ели народный хлеб, вся эта шушера забивалась в тёмные углы и больше действовала исподтишка. Мне «не повезло»: за два года службы я ни разу не сидел на гауптвахте и даже наряды вне очереди получал только в первые месяцы службы. Может быть, за серьёзное отношение к службе

От первого лица

при демобилизации и поместили мою фотографию в книгу Почёта части.

Может, в благодарность за честное отношение к ратному делу и встретил я жарким летом 1972 года свою будущую жену...

Другое дело, что мы не сразу способны понять ценность некоторых подарков судьбы и не всегда относимся к ним подобающим образом. Ни перед Богом в большей мере грешны мы, а перед людьми, за нас страдающими и нас любящими. Только наше отношение к жизни и даёт нам возможность встречать на жизненном пути красивых и добрых людей или вталкивает в смрадные, вечно ноющие толпы бессовестных и мыслями грязных изгоев. Надежда на Бога, как и упреки его за несложившуюся жизнь явно не по адресу. Можно, конечно, надеяться на рай и бояться ада, но земное бытие — единственное мерило нашей нужности и ценности.

Пропуская через сердце прошлые дни и события, я с грустью понимаю, как много хороших и совсем еще молодых людей сошли с земного пути глупо, словно без конца играя в проклятую русскую рулетку. Не представляю их, с детства вкусивших радость своим трудом выращенного хлеба, бездельничающих в райских садах. Жалею.

Не во всех жизненных боях получалось быть победителем. Не для всех людей хватило сил стать другом. Но если через многие годы ты встречаешься со знакомыми ранее людьми, и они тебе рады, значит, ты не зря прошёл трудный путь, названный жизнью.

За окном декабрьское холодное солнце. Верю, что добрым и отзывчивым людям и от него тепло. Знаю, что таких людей большинство и именно они спасают землю для будущих поколений.

НИКИТИНО СЧАСТЬЕ

Повесть

Надежда на чудо живёт в каждой русской душе с детства.

Да и как не жить: еще в пелёнках лежишь, еще писаешь под себя и пузыри пускаешь, глядя на незнакомый мир, а тебе уж, пожалуйста, сказку о богатырях, о царевне-лягушке, о Емеле, как он «по щучьему веленью, да по своему хотенью» на печи к царю ездывал.

Подрастёшь, а и впрямь кругом чудеса: из малюсенького зернышка хлебушек в поле растёт, да такой вкусный, особо пока горячий, да с молочком. В реке рыбы плавают. Никто не кормил, не поил, а на тебе — плывут себе по каким-то рыбьим делам, пока на сковородку не попадут. Вкуснятина тоже.

Или возьми того же жеребёнка, едва родится, а через час-два уже взбрыкнуть норовит. Так у него это забавно получается, что самому тоже взбрыкнуть хочется.

Родившемуся в далеком 1881 году в деревне Печерза, что по Сухоне, мальцу по имени Никитка оснований для веры в чудеса было достаточно. Его мать, добрая, всегда немного уставшая женщина, могла читать по складам и даже немного писать. Научилась этому в детстве, когда работала нянькой в Устюге в половском доме. А его тётка Анна, имевшая неугомонный характер и страстно любящая Бога, ушла пешком в Иерусалим к Гробу Господню. Было тогда Никитке пятнадцать лет. Вернувшись через два года осенью, тетка, «чайку не попив», унеслась в поскотину и принесла корзину сырых груздей.

Сказывали, как долго она их отмачивала и сортировала, как в семи водах перемывала, как укладывала каждый груздок в полупудовый бочонок, не забывая солить и крестить каждый слой. Не было в тот бочонок уложено ни одного грибка больше царского пятака. Уж по снегу, с первым обозом замороженных рябчиков, отправила заветный бочонок в Москву царю — в благодарность как наместнику Божьему на земле, за благополучное возвращение.

До сих пор жива легенда, что царь, попробовав тёткин подарок, встал, многозначительно посмотрел в сторону министра финансов Сергея Юльевича Витте и произнёс, любуясь поднятым на золотую вилку хрустальным грибом: «Каждый груздок стоит пять рублей».

Говорят, бедный Витте едва не подавился куском заливной телятины от щедрости Николая Второго, поскольку корова в то время стоила 45 рублей.

История умалчивает, получила ли Анна царские деньги. Но отношения между Николаем Вторым и Сергеем Юльевичем испортились навсегда. Наверное, всё-таки не получила. А может, вполонив облапошили. Анна по доброте своей груздей не считала. Верили ещё царям.

Никитка не раз слышал эту историю с груздями и искренне горевал, что тёткино богатство, обещанное восхищённым царём, так и не состоялось.

«Эх, приехал бы царь к нам на Печерзу, посмотрел, как муну мучают его обездоленные крестьяне, и, наверно бы, сказал: «Чего это раньше мне о своём горе горьком не говорили?» Заплакал и распорядился бы всем дать по куску счастья и холста на порты. А я бы лучше корову-холмогорку выпросил. Кто его знает, какое оно, счастье-то, и к чему применить, а с коровой Лидке не привыкать. Справилась бы за милую душу».

Каждое утро, натягивая на голое тело скользкий холодный кожан и с трудом всунув ноги в подсохшие за ночь поршни, он уходил на Сухону, отталкивал лодку и поднимал льняную хребтину оставшегося от отца самолова. Каждый раз, когда уды там, в глубин, цеплялись за что-то тяжёлое, сердце, словно взбесившись, пыталось вырваться из груди, а ноги становились ватными. Верилось и не верилось, что вот она, та самая пудовая стерлядь, продав которую, можно купить (как посчитала мама) корову, бьётся в каких-то трёх аршинах речной воды.

Но вместо желаемой рыбины чаще всего вылезал из-под лодки скользкий суковатый то-

пляк или увитая корнями торфяная кочка. Попадали и крупные, до полупуда, налимы, редко щуки. Стерлядки по пять-шесть фунтов помогали разнообразить скудную крестьянскую еду.

Вообще-то Никита родился под той несчастливой звездой, во время мерцания которой человеку катастрофически не везёт.

Так получалось, что два десятка ребятишек могли перелезть через осек, возвращаясь со сбора грибов совершенно целёхонькими, а Никитушка обязательно зацепится штанишками за сухой еловый сук и разорвёт не только их, но и ногу распорет.

Пойдут ребятишки купаться, прыгают, визжат, брызгаются — и хоть бы что. А Никита на острый камень, а то ещё хуже — на ерша какого-то безголового наступит. Кровь, рёв. Не бывало дня, чтобы с ним какая-нибудь оказия не случилась. Так и ходил, как в войну, то тут, то там забинтованный. И бык его бодал, и собаки кусали, и с черёмух он падал, разбиваясь до полусмерти, но жил, словно назло своему несчастливому року. Хуже всего стало, когда к девкам потянуло. Ни одна самая распоследняя растрёпа не хотела оставаться с ним после игриш, снималась, как заразного.

Но всем бедствиям назло вырос Никита в крепкого коренастого парня. Тёмно-русые волосы, отрастая, то и дело сваливались на красивые, с едва заметной раскосинкой зеленоватые глаза. Пришлось, выпросив у мамы голубую атласную ленточку, подвязать их чуть выше лба. На молодых всё красиво, и ленточка эта, словно родившаяся вместе с Никиткиной головой, снималась им разве что в бане.

Люди по-разному относятся к горестям в своей жизни. Никитины несчастья сделали его отзывчивым на чужую боль, и стоило увидеть ему облишавшую собаку или лошадь с покалеченной до кровавой мозоли спиной, он, не спрашивая хозяев, втирал в поражённые места дурно пахнущую мазь, которую подарил ему проезжий коновал за помощь в лечении крестьянского скота:

— Береги. Она от всех болезней наружных надёжное средство.

Так оно и оказалось. Не только лошадей лечил Никита, но пользовал мазь и на людях при гноящихся ожогах и ранах.

Однажды весной в поисках старой супони или ремешка, годного на ошейник недавно притасченному им щенку, он обнаружил старую, с разорванными мехами гармонь. Вытащил её на свет божий, осмотрел и, забыв о щенке, тут же приступил к её мытью и ремонту.

Через неделю удивлённые жители Печерзы услышали первый наигрыш, который в простонародье называется «отвори да затвори». С тех пор едва появлялась у парня свободная минутка, он брал с залавка кусок «мягкого», выпивал кринку молока, подхватив гармонь, убегал на крутой бережок, что ниже по течению Сухоны. В тихие вечера слышны были гармонные наигрыши, часто словно натякающиеся на непреодолимую преграду. Но Никита упрямовствовал и вновь, как поводырь слепого, выводил их на сухонский простор.

А однажды майским вечером гармонист, уже никого не таясь, вышел на речной берег, сел на громадный валун, притасченный могучим паводком, и развернул меха.

Прости, золотой мой читатель, сентиментальные строчки, на которые я обращаю драгоценное внимание твоё, во славу русской гармонии. Нет — поверь мне! — нет в человеческой душе чувства, которое не мог бы выразить этот бесхитростный инструмент. Горе ли, радость ли, встречи ли, проводы, рождение человека и рождение новой вещи — всё происходит под удалую или грустную мелодию на родном языке говорящей гармонии.

Как не поклониться ей и как забыть? Наши слёзы и смех, каким-то непостижимым образом облагороженные, именно с нашими чувствами согласованные музыкой, взлетают над полями, лесами, реками и устремляются к далёкому невидимому Богу, рассказывая ему о наших тревогах и надеждах. Мы живы, храни нас, Господи, таких, какие есть. И тех, кто, подвыпив лишнего, орёт на всю деревню: «С вином мы родились, с вином мы умрём. С вином похоронят, и с пьяным попом!». И тех, кто, потеряв надежду на земных покровителей, на одного Бога уповая ищет защиту и опору.

...С того майского вечера редко случалось так, чтобы не собирала Никитина гармонь деревенский люд. Только непогода мешала иногда.

В Кичуге, в большом пятистенном доме, что недалеко от часовни, — там-тарарам. Вернувшийся с Анисимова хозяин дома Иван Семёнович гонял по деревне жену и девтерых дочерей с требованием найти медвежьего или барсучьего сала. Причина была проста: анисимовский одногодок хозяина еще вчера выгодно выпихнул одну из своих дочерей гостящему у родни тотемскому мещанину в жены. И девка-то перестарок, правда, здорова как лошадь и к хозяйству способная, да и хрен бы с ней! Но то, что мещанин оказался себе на уме и подарил отцу своей новоявленной жены пару лошадей в кожаной сбруе с колокольчиками, выбило Ивана Семёновича из колеи. Чёрная зависть и раньше доводила мужика до того, что он, припаяв к блюдцу свечу, зажигал её и подставлял к пламени свою огромную, как лапоть, ладонь, надеясь утихомирить душевную боль телесной. Иногда зависть долго не проходила, и Иван Семёнович прожигал руку до пузырей. Тут-то и нужно было звериное сало.

В последние разы он находил его у охотников заранее. А сегодня не оказалось. Может, мыши съели?

Тихонья Парасковья да девять дочерей знали окаянный завидущий характер мужа и отца, а потому даже рады были убежать по другим избам. Но сала не нашли. А руку-то Иван Семёнович снег полишка. Появившиеся было пузыри лопнули, и показалась кровь. Завязал чистой тряпичей, но к утру рука потемнела и загноилась. Пришлось отправить на Печерзу, за Никитой с его мазью, старшую дочь Лиду. Лодка соседа всегда была на ходу. Не было бы счастья, да несчастье подвезло.

Насмотрелись тогда Лида и Никита друг на друга. А всего скорее — не могли насмотреться.

С тех пор повелось: Никита на левом берегу басы переберёт, а Лида на правом начнёт песню. Да так басно у них получалось, что даже с окрестных деревень выходил народ к реке их послушать. В августе, уверенный, что ему откажут, отправил Никита мать да тётку-пошехонку, что рыжики царю посылала, на Кичугу — Лиду сватать.

Сурово сдвинув брови, встретил свах Иван Семёнович. Парасковья собрала на стол нехитрую крестьянскую снедь, но разговор к делу не приставал. Свахи, выполнив Никитину просьбу, сидели, как на шильях, под тяжёлым взглядом хозяина. Так бы и ушли не с чем, да вбежала Лида, бросилась отцу в ноги и заплакала:

— Отпусти, папенька! Люб он мне!

И ведь уговорила. А может, вспомнил мужик Никитино лечение.

Только и сказал:

— Поди. У меня еще восемь ртов, окромя тебя, останется. Только запомни: от жениха твоего мне ничего не надо, но и сам за тобой ничего не дам.

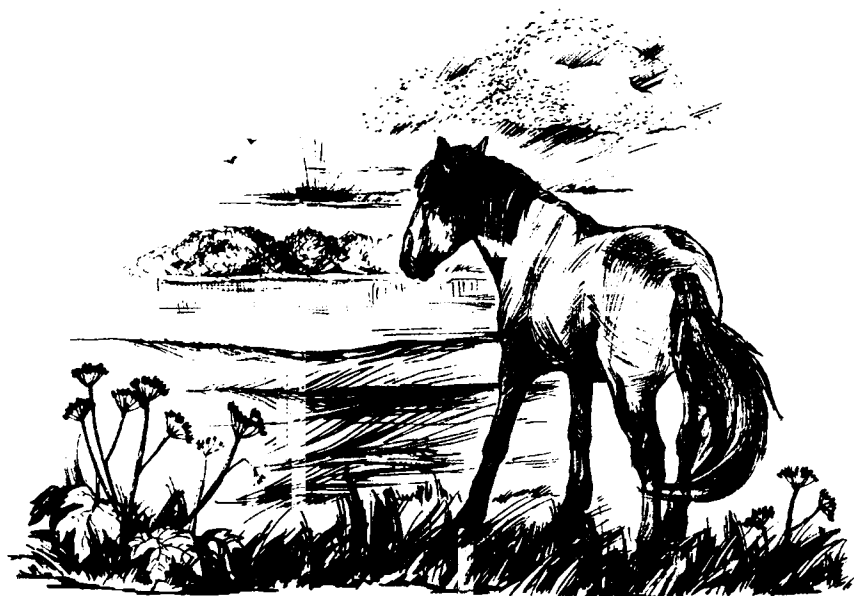
— Не надо, не надо! Даром приданое-то. Сами все наживут! — одновременно выкрикнули свахи и выскочили на улицу. Вздохнули так, будто воз дров до крыльца довели.

На том и кончились Никитины злосключения. Правда, как-то зимой, ни словом не обмолвившись, ушёл он добывать медведя из берлоги. Рогатину в дровянике нашёл. Видимо, от отца осталась. Ну и лопнула та рогатина в неподходящий момент. Скомкал медведь охотника, да изловчился тот и ударил зверя ножом под передний пах. Сокрушил громадину. Но и сам только ползти мог. Удивился, когда увидел, что одна нога в другом направлении смотрит. Да на руке рваная рана жжёт, кровью снег поливает сквозь дыру в зипуне. Сорвал с головы поясак, перевязался с помощью зубов — учить не надо, опыт с детства нажит. Теряя сознание, горько подумал: такая уж, видимо, у меня судьба несчастная.

Очнулся уж дома. Потом узнал, что Лида, почуяв неладное, встала на лыжи. И, несмотря на надвигающуюся ночь, пошла припорошенной мужниной лыжней. Нашла его умирающим, кое-как приспособила на связанные лыжи и тащила семь бесконечных километров.

И он опять выжил, приобретает после того случая хромоту и непроходимую благодарность к жене. А может, это была любовь.

Всё бы ничего, но, несмотря на все ухищрения супругов, рожала Лида исключительно девок. Никиту новость о рождении очередной дочери совершенно выбивала из колеи: он напивался с мужиками на гумне, а, перебив, то горько плакал, то, вырвав кол из огорода, пытался крушить всё, что попадало на пути, подтверждая народную молву об особой драчливости ерогодских мужиков.

Говаривали, что самые горячие из них в праздничные дни приходили к старосте с вёровкой и просили себя связать заранее, чтоб выпивши не натворить чего. Брагой же просили поить — праздник всё-таки. У Никиты такой моды не было. А потому, побузив для приличия с мужиками, он приходил домой совершенно опустошённый, в душе ругая себя. Лида знала, что в таком состоянии муж готов простить ей рождение очередной дочке.

Сделав вид, что ей обязательно надо сходить к соседке, она отскакивала под присмотр Никиты новорождённую, подкрадывалась с улицы к окну и заглядывала в дом. Муж, достав очередной «подарок» из зыбки, наклонившись, нежно его покачивал и даже напевал.

Бывает так. Страшно озаряя окрестности, сверкнут молнии, и Илья-пророк пронесётся на гремящей колеснице в чёрном небе, словно намереваясь раздавить маленькую деревеньку со всеми её вздрагивающими и крестящимися обитателями. Хрупкие незабудки у болотца, что посреди деревни, обречённо склонят голубые цветочки. Ожиданием беды наполнится воздух. Но вдруг налетит удалой ветер, смахнёт с небосвода грозные тучи, и ни одна капелька не упадёт на шошенный луг и готовое к жатве поле. Воистину милостив Господь.

Жизнь продолжалась. Дочки росли быстро. Уже не каждый год хватало до нового урожая хлебушка. Две коровы, хоть и съедали за зиму двадцать пудов сена, доили худо. Река и лес выручали. Но без «живой» копейки жить — нужду с собой влочь.

Сказочная рыба, способная исполнить все мужицкие желания, в Сухоне, наверное, не водилась. А Никита, едва вскрывалась река, все ловил её. Своё единственное желание, которое он попросил бы исполнить рыбу-волшебницу, таил даже от жены.

Как-то ездил он на ярмарку в Устюг. Продать было что: рыба копчёная, солёная, сушёная. Грибы сухие и солёные. Капустка свежая да княжика мочёная. Сам бы ел, да девки во-корень обносились. Нехорошо стало от народу в старье латанном-перелатанном их на улицу выпускать. Да и обуток прикупить. Чоботы хоть али боты — не век в лаптях ходить. Того гляди — заневестятся. А в лаптях и жених лапотник будет! Как всегда, голову сахара, ну и Лида платок фулярный в подарок надобно. Любо смотреть, что она, как дитя малое, радуется пустяшному подарку. Все невзгоды нелёгкой жизни, горечь ссор и упреков покидали крестьянскую душу в такие минуты. Хотелось, как в годы юности, прижаться к горячему телу, целовать алой нежностью наполненные губы и без конца всматриваться в сияющие робкой радостью милые глаза. В радости все бабы красивые, а его-то Лида и в работе, и на празднике никому не уступит.

Никита ходил по торговым рядам и вдруг увидел то, что искал.

В конце рынка за возами сена стояла, привязанная к телеге, большущая, как печь, чёрно-белая корова и медленно с достоинством жевала лежащее прямо под ногами сено.

Узнал на всякий случай цену и, охнув, отошёл подальше.

В конце августа, когда росы особенно щедры и холодны, Никита, верный своей цели, ушёл в белый речной туман, привычно оттолкнул лодку и нацупал багром бечеву. Страшной силы рывок едва не выбросил его из лодки, но Никита, на мгновение ослабив шест, резко рванул его на себя и подтянул скользкую хребтину самолова. Он знал, что в то время, когда шест скользнул в ладони, подчиняясь силе подводного чудовища, не менее трёх стальных крючьев впились в бронированное его тело.

Словно ужаленное, чудовище вновь рвануло лодку вверх по течению, едва не перевернув ее. Никита, удерживая бечеву, бросился в «нос» своего судёнышка, и оно выпрямилось, но с ещё большей скоростью понеслось на середину реки.

— Если рванёт вниз, лодку перевернёт на натянутой бечеве, как скорлупу, — успел подумать рыбак и почувствовал, что рыбина пошла по течению. Выло одно мгновение, которое отделяло Никиту от гибели, и понимая это, он, обрезая руки и надрывая спину, нечеловеческим усилием перевёл тетиву самолова через корму лодки. Не бывало в его жизни такого страха. Обычно наколовшаяся на уду стерлядь вела себя спокойно.

— Отпущу, чёрт с ней, пусть уплывает. Жизнь дороже.

Но другой голос обиженно вопрошал: «Всю жизнь стремился поймать чудо-рыбину, а сейчас отпустить? Вот она, в трёх аршинах под водой бьётся, пытается изорвать снасть. Один удар ножом — и нет её. И вместе с её уходом несбыточна будет мечта о черно-пёстрой холмогорке».

Никита вновь потянул за бечеву. Стерлядь неожиданно легко поддалась на его усилие и вдруг вынырнула у самой кормы во всю длину и уставилась на рыбака порос्याчим круглым глазом.

Оторопев от увиденного, Никита хватанул воздуха открытым ртом и сел прямо в воду на дне лодки.

Не вытаскать. Буди багром по башке шмякнётся.

А живая — стерлядь в пять раз дороже. За такую в Устье и впрямь на корову дадут. А! Будь что будет!

Рыбак выдернул воткнутый в борт нож и резанул бечеву, идущую к якорю, затопленному у дальней стороны реки. Испуганная стерлядь метнулась в глубину и, есть же Бог, потянула лодку к родному берегу.

Вот уж послышался скрежет гальки, и рыбаина, мощно ударяя хвостом, попыталась развернуться, чтобы вновь уйти в глубину.

Никита, забыв о возможности зацепиться за крючья самолова, бросился в воду и лёг на извивающееся чудовище всем телом.

Разорванные костяным панцирем руки сразу закровили, но рыбак держал добычу и угловаривал её, как баба непослушного телка, ласковыми словами, то обзывал её «сволочью» и даже пытался ударить кулаком по голове, но неудачно. Рыбина вдруг завалилась на бок, Никита бухнулся рядом, но тут же вскочил и что есть силы потянул за бечеву к берегу. Стерлядь не сопротивлялась и тащилась окровавленным двухаршинным кражем, хватая воздух почти на животе расположенным ртом.

— Сдохнет ведь, — спохватился Никита и, намотав бечеву на лом, за который всегда призывал лодку, ухватил колючий окровавленный хвост и потянул стерлядь обратно на глубину.

Рыбина пыталась сопротивляться, но, почувствовав боль, затихла.

Рыбак бессильно повалился на камни и какое-то время просто лежал, стараясь удержать в себе пьянящую радость победы.

Без умолку кричали чайки. Раскалённой сковородой выкатилось из-за горизонта солнце, и клубящиеся синие облака бежали к нему, словно желая обогреться. В деревне давно проснулись: скрипело колодезное колесо, переговаривались бабы, на убранном клеверище коротко, словно здороваясь, проржала лошадь. Всё шло своим чередом. Только чайки, кружащие над затаившейся стерлядью, как-то особенно отчаянно то ли плакали, то ли смеялись. Кто их разберёт?

Лидя, прибежавшая на берег, увидела мокрого, жалкого, но чему-то улыбающегося мужа, нелестно взревела и унеслась в деревню.

И пяти минут не прошло, как она уже бежала обратно, зажав под мышкой узелок с сухой одеждой, а в руке — бутылку с оставшейся водкой и солёный огурец.

Переодевшись и перекусив, Никита отправил Лиду за братом на Конявицу, а сам прилег на сухой овчинной безрукавке и задремал.

Какой истинный рыбак не знает, как ласков сон, когда, вернувшись с удачной ловли, выпадет возможность вальнуться в мягкую постель на часик-другой. Может быть, только младенец, ещё не ведающий земных забот и тревог, убаюканный мамкиной колыбельной, спит столь сладко и беззаботно.

Вот так же, свернувшись калачиком, спал под нежарким августовским солнцем наперевивавшийся Никита.

Камень скользнул под лаптем спускающегося от деревни мужика.

Обойдя спящего рыбака, он подошел к лодке и, взглядевшись в тёмную воду, увидел молчаливую затаившуюся рыбу.

— Вот фарт так фарт!

Почёсывая голову, мужик присел на большой камень и решал, чтобы он сделал, если б ему так повезло. Конечно, в Устюг на рынок сплавил бы стерлядь живём. Лодку надо щелеватую, да туда — рыбину, да налимками обложить, чтоб бока не истёрла. Мужик повернулся и крикнул:

— Никита! Рыба-то сбежала.

Рыбак вскочил, но увидев соседа Кузьму, вечно привирающего и не упускавшего возможности кого-то подначить, успокоился. Да и по бечеве было видно, что стерлядь на месте.

— Ну, Никитушка, привалило тебе счастьеце-то. Непременно в Устюг на базар вези. Бесценна рыбина твоя. На Скорятине девка такая была. Отец все говорил: «Бесценна у меня дочь Танька». Годы идут, а к девке всё не сватаются. Так и состарилась. А два парня за ней ухлёстывали. Отец уж под старость одного спросил: «Чего Таньку не брал?» — «Так ты же сам говорил, что она бесценная, подумал, раз ничего не стоит, худая, поди, характером или какой другой изъян есть. Такую и бесплатно не надо». Второго спросил, а тот отвечает: «Сам хвалился, что бесценная у тебя дочка, ну, думаю, дорогая шибко. А у меня откуда такие день-ги...» Вот и с рыбой твоей так. Здесь никто её не купит, поскольку денег таких нет. А в Устюге, батюшко, денег у купцов не меряно. Слыхал даже, что в старых валенках солят. Потому не продешеви. — Кузьма усмехнулся. — Им чем боле цену загнёшь, тем они ярее покупать станут. Чтоб, значит, перед другими выпендриться. Только солёных денег не бери. Хрен его знает, под дождь попадёшь, вымокнут. А ведь тепло ещё. Не ровён час — прокиснут... Так вот, Никитушка, лодку и налимов я тебе ссужу. Вернёшься из Устюга — заплатишь, сконо не жалко. Только, как денешку выручишь, сразу домой. Шпаны много развелось. Вишь, кака в государстве неустойчивость. Два года назад царь в народишко пальнул в Питере, да и ссыльных на баржах боле стали возить. Такое время для шпаны самой раз. Так что, домой! И в набак — ни-ни. Обдерут до нитки.

Кузьма громко высморкался и скомандовал:

— Пошли лодку и налимов смотреть.

Действительно, в затопленном, из ивовых виц сплетённом садке вальяжно переваливались полдюжины крупных тёмно-зелёных налимов.

— Бери двух покрупнее. Да давай я тебе помогу. Тащи мою лодку. Она, как решето старое, но для этого дела в самой раз.

Кузьма не зря торопил Никиту. Отдумает рыбак, и пропали его надежды сбыть по схожей цене дрянную лодку и налимов.

— Да, чуть не забыл. Торгуйся лучше с купцам пожилыми, у которых борода поширше и подлинше. У этих кой-какая совестьишка ещё осталась, да и о царствии небесном более опасения имеют. Загреметь в ад даже самому распоследнему мародёру неохота. Вот они совестью и начнут проявлять. Знают, что там деньги не наши, не откупиться. Бог не урядник и не прокурор. А молодым кажется, что ещё рано с совестью возиться. Опять же на Бога свалить свою наглость надеются. Было, говорят, посылал Господь апостола совесть народу раздавать, а я как раз в соседней деревне водку пил. Дня три пил. Не дождался апостол-то. Вот теперь без совести и приходится жить...

Разговаривая таким образом, Кузьма времени не терял. Вдвоём перевернули лодку и просмолили низы её изнутри и снаружи. Садок отпихнули на глубину. Пусть налимы поплавают, пока смола сохнет. Вернувшись к рыбине, с трудом пропихнули линёк ей под жабры и завязали свободной петлёй снаружи. Достали из тела потемневшие от крови уды.

Кузьма, осматривая рыбу, ахал, по-бабы хлопая себя по бедрам:

— Ну, Никитушка, и чуду-юду ты поймал. Век доживаю, а такой не видел. Не продешеви хоть.

Кузьма, не переставая ахать, отправился в деревню. И пяти минут не минуло, как на берег сбегалась все, кто не ушёл в поля начинать пробную жатву. Никита сел на камень и нехотя отвечал на вопросы любопытных односельчан.

Пришли Лида и брат. Решили, что плыть надо с вечера, чтобы успеть на утренние торги.

— Мне-то нельзя, — сокрушался брат. — Вчера сжали четвертинку полосы. В суслоны заложили. Сегодня, пока сухие, на гумно возить хотел.

— Да, ладно, — ответил Никита, — один справлюсь. Ты лучше навечеру помоги Лиде от-аву к хлеву свозить. Тяжёлая шибко.

На том и порешили. Лида ушла собирать вещи и снедь в дорогу.

Вернулся Кузьма. Вместе заполнили водой его лодку, вполонину, чтоб не затонула. Запустили в неё налимов и с большим трудом завалили между ними стерлядь. Вывели загруженную лодку на глубину. Просело суденышко до полукорпуса, но осталось на плаву.

– Вот и слава Богу! — перекрестился Кузьма. — Не торопись, Никитушка. Да пароходов бойся.

Подогнали вторую лодку и накрепко привязали плавучий садок к ней. Оставив старшую дочь сторожить рыбину, поднялись в деревню.

Нищему собраться — только подпоясаться. Пообедали. Посидели на дорожку и вновь спустились к Сухоне. Лида торопливо пихнула узелок с едой Никите в руки и ушла, боясь расплакаться при народе. Мужики оттолкнули лодки на стругу, и резвое течение тут же подхватило их. Никита взялся за вёсла. Солнце уже цепляло за вершины высоких елей на горизонте, а впереди был трудный и долгий ночной сплав. Задняя лодка послушно скользила за рыбацкой.

«Как корова на привязи, — вспомнил про свою мечту Никита. — Неужто за стерлядь могут на корову денег дать? А с другой стороны, говорил же Кузьма, что купцам денег девать некуда. Дай-то Бог!»

Хлопанье шлиц сбило мысли. Надо было уходить к берегу, чтоб волной не захлестнуло притопленную лодку. Без всплеска, как в масло, опускались и поднимались золотеющие от закатных лучей вёсла. Искрящиеся волны лишь слегка качнули маленький караван.

Никита подъехал к пленнице. Стерлядь показалась ему мёртвой. Захолонуло сердце. Но увидел, как неторопливо поднимаются жаберные крышки на голове рыбы, и успокоился. Встал. Потянулся, разгоняя кровь в уставшем теле, достал «узелок» с провиантом и не спеша развязал его.

Доплыву тихонько. Только бы погода не подвела, успокаивал себя.

А между тем в перевернутой чаше темнеющего неба одна за другой загорались звёзды. Вот уж одна из них сорвалась вдруг и, оставляя за собой светящийся след, долго падала в тёмную бездну.

Хороший знак. Господь просто так звёздами разбрасываться не будет.

Именно в такую августовскую ночь первый раз ходили они с Лидой к мысу Бык. Тогда тоже падали звёзды, но не успевали они заказывать им желания. На сухую, протоптанную тропинку собралось много-много светлячков. Лида поймала одного из них и положила ему на ладонь. Лишь на мгновение пальцы её коснулись, а обожгло, как будто уголёк, а не светящаяся букашка оказалась в руке. Расстались тогда под утро. Никита перевёз девушку на кичугскую сторону. Вернулся, через сенной проём забрался на поветь, укрылся с головой старым овчинным тулупом и раскрыл ладонь. Мягкий зелёный свет озарил стебли сухой травы, и она зазеленела, ожила. Светлячок упал с ладони и пополз по ней. Никите было сладко от мысли, что ещё совсем недавно эта малявка освещала тёплую Лидину руку. Положив светлячка рядом с собой, он восхищённо следил за ним, пока не уснул.

...Река осторожно, как зыбку, покачивала лодки. Пленница всё также шевелила крышками жабр. Никите вдруг стало жаль её, и он уж нагнулся к борту, чтобы развязать линёк. Но мысль о том, что вместе с ней уйдёт в небытие мечта о холмогорке, остановила.

Прошептал даже:

– Прости уж! Такая, видимо, выпала тебе Господня воля. Прости.

Отпустил вёсла, и лодки, подхваченные его усилиями и попутным западным ветром, резво побежали к далёкому и желанному Устюгу.

Звёзд на небе не стало. В кромешной темноте Никита почувствовал себя маленьким и беззащитным. Каждый звук, всплеск воды пугали его. И, чтобы отвлечься от нехороших мыслей, он приналег на вёсла. Когда же на востоке появилась узенькая полоска зари, сон победил его.

Проснулся от озноба и чих-то голосов. Стайка ребятишек с берёзовыми удочками окружила лодку со стерлядью и о чём-то спорила. Увидели, что рыбак проснулся, тут же забили его вопросами.

– Дяденька, а чё она налимов не съела?

– А она человекa съест может?

– А как её зовут?

– А зачем вы её привезли?

Осмотревшись, Никита с радостью обнаружил, что находится в Устюге, чуть выше Прокопьевского собора.

Попросил ребятешек сбежать до Сенной площади и всем сказать, что мужик из деревни продает большую живую стерлядь. Пообещал копеечку на сладости. Ребята бросили удочки и убежали, крича что есть сил:

– Мужик привёз большую стерлядь! Мужик привёз живую стерлядь!

Прошло примерно с полчаса. Весёлая раскрашенная пролётка на рессорном ходу, пражённая парой белых рысаков, резко, аж кони присели, остановилась напротив Никитины лодок. От неё, бросив вожжи показывающему на Никиту мальчонке, сбежали два дородных, одетых в красные рубахи мужика. Придирчиво осмотрев рыбу, пошевелив ее за линёк, мужик, что повыше и красивей, спросил:

– Сколько?

Вопрос застал Никиту врасплох. Всю дорогу подсчитывал, сколько он выручит за стерлядь, да выходит, так и не посчитал. Да и Кузьма, тоже шалопут, не подсказал. Горазд только байки травить. Не скажешь ведь, что рыба бесценна.

Увидев, что рыбак замешкался, второй мужик выкрикнул: «Рубль — и по рукам!»

У Никиты в глазах — чёрные круги, но справился:

– Я за рубль её обратно отпущу.

– Так говори, сколько?

– А чтоб корову купить холмогорскую, — удивляясь своей смелости, выпалил рыбак.

– Ну, ты загнул на холодную, на горячую не разогнёшь. Сиди тут со своей стерлядью до морковкиного заговенья.

Рослый мужик махнул рукой и, что-то коротко бросив напарнику, пошёл к лошадям. Второй едва успевал за ним.

Уехали. Зато подступили мальчишки:

– Обещал ведь. Давай на пряники.

Рыбак порылся в кармане и, не вставая из лодки, бросил на берег двухкопеечную. Удивлённые щедростью мальчишки подошли ближе и один из них, приехавший с приказчиками, сказал:

– Не боись! Купят у тебя стерлядь. Недавно приехал к нам военный, большого чину. С семьёй. Отец в его доме ремонт делал. Щедрый, говорит, и резонный, а завтра дочку замуж выдаёт. Это его приказчики на пролётке были. Баяли, что хорошо бы такую рыбину на свадьбу закупить.

С разговором и смехом ребятня побежала за гостинцами. Полчаса не прошло, как знакомая пролётка вновь вылетела на набережную. Высокий, стройный господин бодро выскочил из неё и начал спуск.

«Безбородый, — с неудовольствием отметил Никита, — облапошит как пить дать!». Приготовился к худшему.

Барин, как окрестил его рыбак, поздоровался и, полюбовавшись стерлядью, просто сказал:

– Покупаю всё. Стерлядь, налимов и лодки.

Убрал со лба сидящую прядь, улыбнулся красивой, белозубой улыбкой и добавил:

– Сейчас ко мне в гости. Сделку закрепить надо.

Подхватил Никиту под рукав, и они вместе поднялись к пролётке. Барин сам взялся за вожжи.

– Ты, Стёпа, — обратился он к слуге, — покарауль пока всё рыбацкое хозяйство. А я за тобой пошлю подводу. Всё и привезёте. Лодки можешь продать. Половина барыша твоя. Но рыба чтоб живая была. Родне жениховой покажу. Им такая и не снилась. Да, как тебя зовут-то, рыбак? Никитой? Хорошее имя. Ну а меня Владимир Александрович величают. Погнали!

И барин, как заправский ездовой, понудил лошадей. Через десять минут они уже выходили у красивого, с балконом, голубого дома. Владимир Александрович распорядился насчёт обеда и пригласил Никиту на веранду, обвешанную картинами каких-то военных батальи. Посредине веранды стоял большой стол с резными ножками и четыре венских стула.

– Садись, — распорядился барин, показывая на стулья. — Выручил ты меня, брат. Уж так выручил, что и выразить трудно. Так хотелось гостей удивить. А чем? Неделю голову ломал, а ничего не придумал. А тут ты с чудо-рыбиной, как яичко ко Христову дню! Как умудрился её живьём привезти? Ну и молодец! Давай хватанём по маленькой, за твоё здоровье.

Владимир Александрович сам налил красивые узорчатые рюмки. Чокнулись, выпили. Хозяин рассказал, что он из отставных военных, в полковничьем чине, приехал в Устюг, чтобы, как он выразился, «проникнуться чистыми чувствами любви к своей, ещё в юности покинутой родине». И надо же, именно здесь нашла его приёмная, вечно всем недовольная дочь какого-то хлюста из купеческих и воспылала трепетной высокой любовью. Отставник усмехнулся:

— Мы с матерью её пятый год замуж выдаем. Замучились вокорень. Таких женихов находили: орлы, красавцы, один мундир двадцать рублей стоит. А она, едва познакомится, как завизжит, хоть святых выноси: «Вы кому меня сплавить хотите? У него, окромя мундира, ничего и нет. Да ещё начитанный, шибко умный. О странах мне разных рассказывал, о фортификациях. А мне это зачем? Я при нём всё время в дурах ходить буду». Мы опять в поиски. А она — воистину неисповедимы пути Господни! — увидела на рынке этого купчика с Лальска и согласилась выйти за него замуж. Хорошо, что она мне приёмная, а то всыпал бы я ей перцу под подол за такой выбор. Офицерство купцов не жалует. Для них чем народу хуже, тем веселей. В войну, помню, всю душу из интендантов высосут, чтоб содрать подороже. А мы их шкуры спасаем, на онопы вражи в полный рост «не щадя живота своего». Да и слава Богу! Завтра торжественно сдадим её в дело, и, как говорят, баба с возу — кобыле легче! Ох, напёмся мы с тобой, Никитушка, по столь радостному событию.

Разговаривая, барин не забывал доливать опорожненные рюмки. Хмелея, Никита с горечью думал: «Напоит меня говорун несчастный и отпустит на все четыре стороны. Вот тебе и холмогорка».

— Ну, давай, Никитушка, за мужиков русских — опору отечеству и основу армии! Ночуешь у меня. Завтра на свадьбе званным гостем будешь. Нас не стесняйся. Все одним способом рождены... Стёпка! Уведи молодца в людскую! Пусть отдохнёт с дороги. А завтра чтоб представишь его на свадьбу по парадному уложению. Это спаситель мой, а значит, друг. Утрём нос купчишкам.

...Сон быстро сморил выпившего рыбака. Проснулся в темноте, только у образов теплицы свечка. Вышел во двор.

Город спал. Лишь иногда в подворотнях влзаивали кем-то потревоженные собаки.

«Как-то там дома? — тоскливо подумал Никита. — Жатва, а я тут на чужой свадьбе гулять буду. Ой, худо! Сбежать может? Всё равно обманет скалозуб. Напоит и прогонит. Некому защитить!».

Брякнула щеколда:

— Эй, рыбак! Как ты? Иди, давай! А то хозяин мне голову снесёт, — взволнованным шёпотом позвал Степан. — Не бойся, не обманет. Сполна выдаст. Добрый он до нашего брата. Пошли.

Утром все носились как оголтелые. О Никите, казалось, забыли. И только в десятом часу прибежал в людскую приказчик и со словами «переодевайся скорей» бросил на лежак тёмный костюм, белую с позументами рубаху, у кровати поставил новые яловые сапоги. Никогда не брал в руки рыбак этанкой ценности, а потому оробел и долго смотрел на подарок, не прикасаясь к нему. Как одевать на пропахшее потом тело эти дорожные вещи — подумать было страшно.

Заскочил Степан и, видя растерянность Никиты, скомандовал:

— В баню марш! Там и переоденешься.

Вывел на улицу, показал что к чему. Через полчаса Никиту было не узнать. Русые волосы сыпались на лоб, нос, щёки, уши блестели от чистоты. Казалось, что промылись даже глаза, так светились они мягким голубоватым светом. Степан прибежал в баню и как ошпаренный выскочил. Окликнул стоящего вполоборота Никиту:

— Эй, ты рыбака часом тут не видел?

И вдруг захохотал:

— Ну ты даёшь, красавец! Я тебя не узнал. Сбежал, думаю, из бани. Ладно, пошли на свадьбу.

Как во сне шёл рыбак Никита между столов, украшенных цветами, уставленных яствами и разными напитками. Сел на показанное место и присмирел, какмышь. Хорошо, хозяин его увидел. Поздоровался через стол, протянув крепкую сильную руку.

— Ты, Никита, не церемонься, хлопни пару рюмок для храбрости. Это жениху и невесте

надо этикет держать. Первый раз, с непривычки — волнительно. А нам-то с тобой какое устройство? Выпей, всё веселей эта канитель пройдёт.

Люди приходили и приходили. Невеста уж вспотела и обмахивалась веером, отчего перья тетеревов, поданных на серебряных блюдах, шевелились. Жених был невелик ростом, про таких говорят — метр с шапкой, чрезвычайно упитан, угрюмо рассматривал входящих. Казалось, что он вот-вот не выдержит, схватит невесту в охапку, выскочит из-за стола и со словами: «Вам тут и без нас хорошо!» — утащит её на поветь.

Но наконец-то все собрались. Терпение жениха и невесты было вознаграждено красивыми пожеланиями и подарками. Уж пятый раз прокричали: «Горько!». Батюшка третий раз пытался голосить «многоя лета», но его останавливали.

Полковник встал и трижды ударил вилкой по хрустальному фужеру. Все стихло.

— Друзья мои! — обратился к гостям хозяин. — Много хорошего сказали мы нашим детям в этот памятный для всех день. Добавлю только одно: чтоб с добрым сердцем и уважением относились они да и мы к тем кто до кровавого пота растит хлеб, строит дома, посылает детей своих защищать Отечество. Ничего бы не было ни в государстве нашем, ни на этом столе без русского мужика. Без русских баб, которых мы порой и за людей-то не считаем. Вот рядом с почётными гостями сидит деревенский мужик Никита. Не по себе ему видеть нас, расфуфыренных и жеманных, мелочными обидами да сплетнями жизнь заполняющих. Давайте выпьем за народ и поклонимся так, как я сейчас это сделаю...

Хозяин подошёл к рыбаку и низко поклонился. Растерянный Никита вскочил и, не зная, как себя вести, вдруг наклонился к «барину» и уж чуть было не заревел от навалившейся душевной боли, как вдруг двухстворчатые двери в зал открылись, и двое разодетых в красные охотничьи камзолы слуг вкатили украшенный цветами и фруктами стол. Никита не поверил своим глазам: в глубоком стеклянном подносе, наполненном голубой прозрачной заливкой, лежала во всей красоте и громадности его стерлядь. По тёмному телу её извивались золотые нити, а голову украшала усыпанная драгоценностями небольшая серебряная корона.

Все встали и с изумлением рассматривали чудо-рыбу. Невидимый оркестр старательно выводил какую-то необыкновенно красивую музыку. И вдруг все заоплодировали. Все пытались пожать руку полковнику и Никите. Восхищались стерлядью и любовались ею. Оставленные без внимания жених с невестой налили алой настойки из княжики. Крикнули сами себе «Горько!», выпили и долго целовались, забыв этикет. Свадьба вошла в то разудалое русло, когда поют, пляшут, ругаются и милуются одновременно.

Отломить от стерляди аппетитный кусочек смелых не нашлось. Протрезвевший было батюшка подошёл к хозяину и прогудел:

— Пусть на холод увезут, Владимир Александрович. Завтра ещё полюбуемся и уж отведаем рыбицы. Жаль такую красоту да в утробу.

Никита ещё видел, как торжественно увозили нетронутую стерлядь, помнил, как кто-то налил ему пивной бокал шипящего вина. Всё остальное покрылось таким тёмным мраком, что, даже проснувшись ночью на своём месте в людской, вспомнить ничего не мог. Ощупав на себе скользкую материю пиджана, подумал: «Вот ещё и раздел ного-то. Дрался, поди, с кем-нибудь? Вспомнил ерогодскую привычку. Стыдоба. Полковник про народ такие хорошие слова говорил, а я обрадел как поросенок, допал до дармового. Сматываться надо, чтоб в глаза людям не смотреть».

Вздохнул тяжело.

— Не вздыхай тяжело, не отдадим далеко, — шумно поворачиваясь, бодро сказал невидимый Степан. — Там на столе вино кислое да капуста обваренная. Выпей и закуси. Пройдёт помалёху.

Упоминание о вине вызвало отвращение, но, преодолевая себя, Никита выпил кружку на удивление вкусного вина. Прилег. Сразу стало легче. Спросил в темноту:

— У чего, раздел кого вчера? Бузил? У нас без драки — не праздник. Не томи, Степа, раскнажи.

— Да не переживай. И пиджак это твой, ещё до свадьбы подаренный. Я тебя увёл. Хозяин тебе конверт в потайной карман сунул и велел увести.

— Так ничего я не натворил? — присев на лежанке, недоверчиво спросил Никита.

— Я тебе говорю, порядок, — ответил Степан, зажигая свечку. — Барин велел тебя сегодня

ня домой увезти, так что долго не залёживайся. На рынок заедем. Гостинцев домой купишь. Ещё что по хозяйству и благословесь поедем.

– Да уж какой рынок? У меня и денег-то с собой нет. Домой надо. Жатва.

– Не рыбак ты, Никита, а дурак. Князь пустой конверт тебе в нарман положил, что ли? Хоть посчитай. Может, и хватит на гостинцы-то?

Дрожащими руками Никита достал конверт и, не веря в происходящее, осторожно надорвал его. Бумажные деньги выпали на пол. Степан собрал их и поддал:

– Считай!

Никита перебрал бумажки, складывая их на стол, и вопросительно посмотрел на Степана:

– Много. Мне столько не сосчитать.

– Чудак ты ей-Богу, мужик. Как это деньги не сосчитать? Смотри. Четыре бумажки по пятьдесят рублёв. Сколько стало?

Никита вопросительно смотрел на слугу хозяина.

– Двести рублёв получается. Понял ты? Дуб стоеросовый! Забирай. Да на рынке зря-то ими не верти!

Никита опустил на лежак и тупо смотрел на Степана:

– Это сколько же коров получается?

– Четыре с половиной, чудо гороховое. Подожди, я коней напою да овса дам. Попей еще винца-то. Пойло заграничное, вкусное, но у нас квас крепче. Чтоб в голове зашаяло, надо ведро дёрнуть. Так что пей, не сумлевайся.

Степан ушёл. А Никита, выпив ещё кружку вина, всё не мог прийти в себя. Не одна, а целых четыре холмогорки паслись перед глазами. Надо бы радоваться, а не получалось. Вспомнил свои детские злоключения. Прошпетал:

– Всё равно чего-нибудь случится. Потому что так не бывает, чтобы ни хрена не было — и вдруг алтын.

Достал конверт, но деньги выкладывать не стал. Посмотрел на свет свечи и положил обротно. Лёг. Так и пролежал, пока в людскую с полными ведрами воды не зашёл Степан.

– Карета подана, ваше сиятельство. Не соизволите ли встать?

Было уже светло, и Сенная площадь гудела от приезжего и местного народу. Привязали лошадей, и Никита бросился туда, где он раньше всегда видел скот, пригнанный для продажи.

Но дойных коров и нетелей в это утро не было. Нашёл Степана, вместе вернулись в торговые ряды. Глаза разбегаются. Продавцы, одетые кто во что горазд, за руки хватают, к себе волокут. Отбивался как мог и уже чувствовал в себе некоторое перед ними превосходство. Обвешался калачами — одна голова торчит. Картуз купил кожаный. Дородно будет по деревне пройтись, заломив его ухарски. Приценивался, торговался, что никогда с ним раньше не бывало. Спросил Степана:

– Ты чё, и впрямь меня до дому довезёшь? До самой избы?

– Знаешь, Никита, чем дураки от нормальных отличаются? — вместо ответа ухмыльнулся ездовой. И сам же ответил: Их второпях строили. А в таких случаях недоделки и упущения всякие — не редкость. Сказал же тебе: велено до дому доставить. Покупай, что вздумается. Увезём.

Не верилось рыбаку. Но отошёл в сторону, достал из конверта второй рубль. Пятидесятку Стёпа еще на входе на рынок разменял. Направился в шорный ряд. Сбрую купил с кожаной шлей, хомут, медными пуговицами украшенный, седёлко нарядное, с потником. Гвоздей кованных три фунта — пригодятся в хозяйстве. Ну и подарки всем: четыре шали цветастые да платки цвета летнего неба, велюровые, да обрезы материалу на сарафаны, да себе на порты. Боты опять же двемка и Лиде — каучуковые, продавец сказал, что носить — не износить.

В другой лавке купил пряников облитых да медовых, конфет разных по фунту, печенья коробочку картонную. Прикинул на ладони: монеток от первого и второго рубля ещё осталось.

– Ну, Стёпа! — обратился он к своему помощнику, везущему на ручной тележке купленное. Выбирай себе, чё по нраву, без тебя бы я пропал.

– Ишь богачей выискался! А я, может, такое загну, что никаких денег не хватит. Лавку посудную или дом с мезонином. Эх, добрая твоя душа, Никитка. Ничего мне с тебя не надо.

Возьми вон штоф наливки смородиновой — всё веселей дорогу ехать. Да муки купи заводской. Со своим помолом пусть хозяйка смешает — хлеб вдвое вкуснее будет. Вот увидишь.

Купили. Погрузили в пролётку, тронули.

...Бывают в августе такие благословенные дни, когда солнышко ласково, ветерок лениво перебирает листья деревьев и на высоком синюющем небе ни облачка, но самое главное — не донимают оводы и комары, уже побитые августовскими росами. В такое время радостно не только людям, но и лошадям, намучившимся в летние месяцы от этих кровососов.

Широкой рысью бежали лошади по накатанной тысячами колес сухой дорожке.

Позади Яиково и Красная гора. Вот-вот Благовещенье распахнётся за поворотом. Весело было Степану мчать по накатанной дорожке счастливого Никиту. Сам он никогда не был в достатке, что и говорить — сирота. Хорошо хоть полковник, когда от какой-то заразы в неделю умерли родители Степана, бывшие в услужении, не выбросил мальчишку в беспризорность, оставил при доме. Не у икон и священников научился ребёнок доброте и жалости к слабым. Хозяин его, мало того что сам был бессребреником, приучал к этому и всех близких ему людей. Героическое военное прошлое давало пенсион с возможностью жить более-менее безбедно. Но главное его материальное благополучие упало на него всего каких-то десяток лет назад. Отец его, успешный помещик в Ярославской губернии, отходя в мир иной, отписал всё наследство сыну Володе, поскольку других сыновей у него не было, а две дочери и без того были устроены за хороших и богатых людей.

Не все богатые щедры, не все бедные независимы, но Степан никогда не мучился этим пороком и, наверное, от этого жил, как он говорил, добро.

Проскочили и Благовещенье, перекрестившись истово на черновный лик. Лошади приустали, и, когда поравнялись с придорожной некошеной луговиной, Никита попросил:

— Давай перекусим! Да и укачало что-то. В голове шат. Лошади опять же отдохнут.

Отвернули на луговинку. Отпустили распряжённых лошадей, привязав на длинные вожжи. Разложили снедь, разлили вино в купленные для этого случая стаканчики. Выпили! Эх, что бы ни говорили бабы, а для умной и продолжительной мужской беседы «за жизнь» нет ничего полезительней винца или сладкой водочки. Всё приобретает какой-то совсем другой, красивый и радостный смысл. И умнее сам себя мнишь, а главное, всё, что изо дня в день надрывало душу, куда-то отходит. И жить хочется с новой силой, и всё непреодолимое становится доступным.

Словно читая мысли Никиты, Степан, приложившись второй раз, сказал:

— Никогда не надо отчаиваться, рыбак. Никогда! Я вот тонул дважды, ножом меня резали шпанята городские, да это полбеды. Девка, которую больше жизни, казалось, любил, ушла к другому. Вот уж хотелось повеситься. Но словно кто-то сидит во мне, Никита, и когда уже всё тюк на крюк, говорит мне: живи! Там впереди ещё много чего, тобой не виданного и хорошего будет. И девки от тебя не все сразу ушли. Живи. И каждый раз, Никита, превозмогал я себя и выживал. Если б мамка знала, что пришлось в жизни испытать, сожгли бы её слезы тех, кто в испытаниях моих виновен. Ну и мне бы, конечно, досталось. Ты вот, Никитушка, сам подумай. Ну, допустим, попали бы мы в рай. Ты кумекаешь, а! В рай! — Степан при этом поднял палец левой руки. — Ну и что? Чего бы мы с тобой там делали? Там всё есть, яблоки райские, к примеру, другая пища. Землю пахать не надо. Мне коней чистить не надо, подметать двор, возить таких, как ты, богатеев, не надо... Ну и чего? Водку, наверное, там не подают. К монашкам, понятно, не прикаснись, а других баб там, поди, нет. Ну и как тебе такой расклад? Да сдохнешь от тоски. Нет, давай нальём за здоровье... Да и, к примеру: откинули мы копыта. В рай, видите ли, захотелось, бездельничать. А скажи мне, мил человек, кто земную работу за нас делать будет? Другие? А они тоже в рай сбегут! Вот и погибнет Земля-матушка! Так что мы с тобой не хухры-мухры, мы целую Землю, — Степан опять задрал палец к небу, — на себе держим. Давай за нас! Да и поехали с Богом!

Запряглись. Ещё легче и быстрее зарысили кони. Ещё веселей и добрей казались придорожные деревья и кусты, ещё прозрачней и выше небесная голубизна.

— Эй, родимые! — весело крикнул Степан, и лошади, чуть прогнувшись в спинах и вытянув шею, ускорили рысь.

Перед чистой каменистой Ёргой остановились. Распрягли, попоили коней и отпустили

пощипать прибрежной сочной травы. Присели на обрывчик, свесив ноги. Выпили, закусили купленным салцем.

— Я вот всю дорогу думал над твоими, Стёпа, словами, — продолжил прерванный дорогой разговор Никита. — Вот смотри. Смерть вроде бы как радость, освобождение от земных забот и невзгод, от мороза, к примеру, или пожаров. А зачем тогда больницы разные, знахарки, лекарства? От радости, выходит, нас спасают? Опять же, как рассужу, вот куплю я холмогорку, так зачем мне рай-то? Мне и тут ладно. Хорошая-то корова, Стёпа, это ведь тоже радость! С пастбища идёт, помыкивает, молочком попереёд её пахнет... А потом Лидка сядет под неё, доит. Ты хоть слышал, как падают струи молочные в подойницу? Вот как будто поёт кто-то тихонько... А как в кружки девкам нальёт молоко тёплое, пенистое, сладкое... Выпьют — и полдня к столу не заглядывают. В обед уже другое молочко из крынки да с подвалу, холодит и вкус у него такой!.. Да не объяснишь мне — это надо самому пробовать. Так вот, Стёпа, я эту радость как-то больше почитаю. Смоюсь я, примерно, в рай, а кто холмогорке на зиму сена наносит? Другое дело, по старости. Человек как занеможет, и всё ему, поди, в зависть становится, ни рыбки половить, ни поохотничать, ни с женщинами совладать... Кому хошь станет обидно. Вот чтобы эту зависть без конца не копить на Земле, и приборёт Господь. Ну а уж там — по делам, кого в рай, а кого в ад — на перековку. Видел, поди, как старый ржавый лемех кузнец бросит в горн, накалит докрасна, а потом десяток раз кувалдой хлопнет — и лемех опять как новенький... Нудно, конечно, похороны. Радость, говорят, а не поют, не пляшут. Но худое надо убирать — куда деваться? Двор вон каждый день метёшь. Поехали, давай, к Лидке. Она у меня только чужим грозной кажется. А когда одни, то и лучше её не надо. Последнее это дело — родных людей похоронами заботить. И так с утра до вечера крутятся, что белки в колесе. Начальство или урядник, к примеру, тут другое дело... Слуг столько. Обиходят, да если ещё за казённый счёт, милое дело...

Помолчали. Степан наполнил стаканчики. Выпили. Вытирая рукавом рот, ездовой продолжил разговор:

— Эх, лучше не думать, а то такого в голову придёт: вот царь, к примеру, или заводчик все радости имеют и ни хрена делать не надо. А слышно, нет-нет да опять в «ящик» — и к райской радости с рёвом везут. Ничего не понять. Не наших, видно, умов это дело.

Уж вечером, когда берегом подъезжали к Печерзе, остановились на минутку, выпили по стакану, запили из ладоней сухонской водичкой, лошадок попили. И стукнула в голову Степану шальная мысль:

— Ты спрячься, Никита. А я к дому подъеду, ну и хозяйке твоей наговорю, что утопили тебя в Устюге шпанята, и вот добро только везу, которое от тебя на постоялом дворе осталось. Вот и посмотрим, что на том свете — радость или горе.

Никита не согласился:

— Я только, буди, в сторонку отойду, а то вдруг ей худо будет.

Так и решили.

Никита оделся во всё новое, натянул картуз и обвешался баранками и калачами. Как только кони встали перед калиткой дома, соскочил и отошёл в сторону.

Лида высочила моментально. Пристально взглянула на Степана, ослабляющего на лошади подпругу, и спросила:

— Ты там, на дороге, мужика мово не видел?

— Никиту, што ли? Не видел. Да и ты уж не увидишь, — напуская унылость, промолвил Степан. — Искалечили его устюгские шпанята. Вот что на постоялом дворе евоного было, ты привёз. Радуйся, баба. Много тут всякого добра. Я, говорил мне Никита, уж не жилец, а ты мужик здоровый, вот и поезжай, приголубь Лидку мою. Да и живите со Христом.

Не поверило бабье сердце. Закричала несуразное:

— Не верю! Ты, поди, убил, да совесть заела! Говори, где мужик? — побежала в калитку. Тотчас высочила с вилами, да так и села: перед ней стоял её Никитишка. Разодетый, правда! В баранках весь, но разве можно не узнать родную, чуть застенчивую улыбку?

Сказывали, что Степан увидел в тот момент между ними что-то очень похожее на счастье, но в связи с тем, что раньше он его не видывал, засомневался.

..Грозная туча наседала на солнце с запада. Низовой влажный ветер поднял рябь на сухонской воде. Сам воздух всё более наполнялся тревогой.

Шёл 1911 год.

Я пишу этот рассказ в 2011-м. Прошел век, и в его громадности небесные грозы не были так страшны, как грозы земные четырнадцатого, семнадцатого, сорок первого года. Но, видимо, столь велика тяга человеческой души к счастью, что до сих пор жива легенда о везучем рыбаке, которого щедрая мать-природа наградила неожиданным счастьем в виде огромной сухонской стерляди.

«Не люблю всё бездарное,
ненастоящее, самонадеянное...»

Зера Багрецова

Бог дарует поэтам жизнь, полную вдохновения, поисков и обретений. Каждому — своё! Поэты слышат стихи!

Слышу стихи и я. Они перекликаются с детством. Ведут нас по широкому полю жизни, сеют семена любви, надежды и вдохновения, чтобы это поле радовало и питало нас во все остальные дни жизни нашей.

«Первые шаги по широкому манежу детского сада, огромные солнечные окна, где-то рядом — мама...» Это строчки из моего очерка «Сад». «Я любила лето, землянику в оврагах, куда водили нас взрослые, любила наши ситцевые платья и одинаковые белые панамки. Меня очаровывали кисти и краски, завораживали детские стихи.... В саду каждое лето было по-настоящему красным, и, глядя на черно-белые фотографии того времени, почему-то видишь и чувствуешь этот прозрачный душистый воздух, теплое окружение и особую слитность природы в унисон детской беззаботности...»

Другое время? Другие мы? Оглянешься и удивись тому, что первые десять лет — целая вечность, а последние — обидный миг! И чем дальше, тем пристальнее заглядываешь в свое генеалогическое древо!

Я имею в древе бухгалтерские корни. Ещё при царе мой дед, Александр Никифорович Багрецов, с отличием закончил Городское училище в Великом Устюге и работал бухгалтером-ревизором на фабрике наследников Грибанова. Сын деда, Николай, тоже был бухгалтер-ревизор, работал в Красавинском торге... Гордимся старшей внучкой деда, закончившей Московский финансово-экономический институт и всю жизнь проработавшей бухгалтером-ревизором. По деду известны у нас и такие люди, как Багрецов Василий Михайлович — председатель горисполкома г. Красавино, Багрецов Владимир Симонович — учитель истории, его дочь — художник. Внук прадеда, Александр Сильч Багрецов, работал начальником паросилового производства, производил наладку и ремонт паровых машин и турбин английского производства 1890–1913 годов.

Единственный, кто мог это делать, поэтому берегли и ценили Сильча.

Моя бабушка, Екатерина Максимовна Петрова, родилась в 1894 году в семье очень зажиточной. Дедушка и бабушка венчались в 1914 году. Имели капитал в банке, дед проявлял страсть к лошадям. В семье был «выезд» — прекрасная тройка скаковых лошадей, огромный двор скота. В бабушкином приданом мой отец вспоминает огромное количество золотых украшений червонного золота, кресты, панагии, осыпанные драгоценными камнями. В Великую Отечественную войну все пришлось обменять на продукты. Оставались лишь драгоценные шали, каких мне ни у кого никогда видеть не приходилось. Была бабушка необыкновенно религиозна, мудрого характера, очень любила читать. По бабушкиной линии в нашем роду есть известная целительница Мария Степановна Багрецова, прожившая 107 лет, а также священник. По дедушкиной линии в роду — писатели, авторы небольших книг, журналисты, художники. Через сто лет потомки деда — это учителя истории, физики, юристы...

Всех нас объединяет любовь к книге. Моё детство наполнено стихами, классическими произведениями. Всё это мне привил мой замечательный отец Василий Александрович Багрецов. У нас было принято в семье читать вслух. А как мы слушали! Читал отец прекрасно! С четырёхлетнего возраста я уже знала «Отверженных» Гюго, представляла маленькую Козетту, жалела шолоховскую Аксинью, ненавидела Иудушку Головлева... И рассказчиком отец был удивительным! Копаем ли картошку, отец повествует роман Пикюля, сажаем свеклу — и вновь «Литературные встречи».

Моё детство — это Синегодский остров, куда отец перевозил нас на лодке отдыхать. Сам же суетился около костра. Казалось, рыбу он ловил по щучьему веленью — рыбак он был всегда искусный. Без усталости, несколько раз на дню он варил нам свежую уху. При этом не забывая «Демьянову уху» Крылова. С отцом всегда надо было держать ухо востро, потому что он подогревал наше самолюбие вопросами по географии, литературе, истории... Летом с отцом мы ежегодно ездили на Кубань, и запах яблок «белый налив» стоял у нас до Нового года...

Деревня, в которой я родилась, была почти вся из репрессированных, рядом располагалась зона. «Верьныка» — звала меня соседка Мария Юрневич. В детстве нас не удивляло, что кругом белорусская и украинская речь. Летом в деревню приезжали гости. Также особенные. К соседке, к примеру, приезжали из Питера брат-летчик и дочь-стюардесса. У всех соседей была своя страшная правда жизни.

В нашей семье тоже печального с лихвой. В 20-е годы репрессированы родственники, также известно, что после 1917-го некоторые эмигрировали во Францию. На Синеге, что ни дом — то история. Внуки и правнуки наших предков живут в Венгрии, Турции, Америке... Многие не знают русский язык. А я его так люблю, так ценю! Мои сочинения постоянно зачитывала и очень хвалила филолог — Маргарита Викентьевна Башкатова.

С детства не люблю агрессивные футбол и хоккей, упитанных мужиков, съедающих по десять порций в день. Считаю,

что поля в России должны быть хлебными. Ещё государству выгодно, что мы не знаем иностранный. Мы учим правила, а не язык. Многих зря учим музыке, сами же и страдаем от этого. Вообще относительно школы считаю, что учебники должны писать члены Союза писателей.

После школы я работала художником в Доме культуры, затем перешла художником-оформителем на льнокомбинат. Оформительская работа распространялась на весь город, и в 1979 году я помогала оформлять Музей Трудовой и Воинской славы. Музейная работа сопутствует мне по жизни. Бог приоткрывает завесу прошлого тем, кто стремится сохранить добрые имена.

В 1981 году я уехала в Москву учиться. Художественный факультет прикладного искусства Московского текстильного института гремел на всю страну. Факультет Моды диктовал и задавал тон всей художественной среде столицы, ведь здесь учился сам Зайцев. В институте мы много писали темперой, акварелью, занимались графикой, моделированием, стилизацией, композицией... В институте я училась легко и с желанием. Особенно мне нравились московские библиотеки. Мы любили Театралку и Библиотеку Иностранной литературы. В Театралке можно было встретить всех знакомых актеров Москвы. В библиотеке меня завораживала рычаговая система управления, откуда-то из глубоких подвалов на мощных цепях поднимались заказанные книги. Это была просто какая-то магия! Я прочитала сотни редких книг, в том числе и Библию. Без Библии немислимо изучение Истории искусства, понимание картин на библейские сюжеты. На практике я побывала и обезздила всю Белоруссию, Украину, Прибалтику, была в Крыму, на море, а также по Золотому кольцу России. В Москве я любила бывать на Арбате, любила свой район Шаболовки, где жила, и территорию Кремля. В творческие дни мы не вылезали из музеев, ездили на практику в Питер. Месяц работали в Эрмитаже, делали копии. Все мы любили встречи с актерами и ходили даже в самые захудалые ДК, такие, к примеру, как при заводе «Красный пролетарий». Актеры были не высокомерные, приходили в такие развалюхи и вели программу как ни в чем не бывало. Шесть лет в Москве — это отрезок календарный, в моей же жизни это огромный период. Я начинала в свое время писать коротенькие очерки из цикла «Москва и немосквичи».

После института я работала в художественной мастерской художником-графиком. Делала графические рисунки, которые обрабатывались на ЭВМ. Мир мастерских — особенный! Люди особенные! Слава Богу, мне с такими везет! Ведь Бунин когда-то сказал: «Царство Божие в нас самих».

С 1996 года я возглавляю Просветительский центр в ДКиС. За это время центр подготовил и показал 300 выставок. Вот они — мои «Эрмитажи» и «Третьяковки»! В экскурсах я соединяю знания истории искусства с классической литературой, краеведением. Встречаю гостей со всего мира: Америки, Германии, Франции, Финляндии, Италии... Работала с программы ОРТ и РТР, с Андреем Малаховым и Анатолием Ехаловым, являюсь сценаристом фильма о Доме культуры, несколько лет вела радиозаписи. На мои стихи написаны удивительные по кра-

соте песни, исполнитель — моя землячка, коллега по работе Наталья Подволоцкая. Выходят книги, буклеты... Я благодарна всем, кто мне помогает.

По жизни у меня никогда не было одиночества в спокойствии и спокойствия в одиночестве. Не люблю пустых слов, обещаний. Не люблю все бездарное, ненужное, ненастоящее, самонадеянное. С детства люблю прозу Бунина, своих друзей, одноклассников, ценю дружбу. Люблю архивы, музеи, хорошие книги, удачные выставки.

С Божьей помощью живу...

ПРО АЛЁНУ-ЛЪНЯНИЦУ

Сказка

...Ехал как-то молодой купец с ярмарки, полями да лесами. Долго ехал, совсем устал.

Остановился он на постоялом дворе. Двор-то весь резной, деревянный. Видит купец — место небедное, сделано всё с охотой. Решил купец: торопиться некуда, а отдохнуть надобно. Только подумал так — глядь, а под ногами льняная дорожка появилась, яркая-преяркая, и уже вперёд бежит, стелется, будто зовёт гостя.

Разулся купец, идёт, ног под собой не чувствует, уж так легко, будто по облакам шагает. Вошёл в горницу и зажмурился, словно осветило в углу. Подошёл и видит — над умывальником полотенце красоты неопикуемой. Льняное, серебряное и будто звонкое.

В разных краях бывал купец, но подобного не видел. Смотрит, а узоры на полотенце, как живые, меняются: то ли завитки изящные, то ли перья жар-птицы...

Умылся купец, перекрестился, да не посмел таким чудом таким утереться — достал свой платочек, вытер лицо и позвал хозяев.

Нет никого.

Видит — стол накрыт, весь яствами уставлен, от еды пар идет. Ест купец и дивуется: всё вроде бы как дома, а вкусно, как в гостях. Тут тебе и щи, и стерлядка, и пироги, и шаньги, квас да сбитень... А скатерть у хозяев — как для царского стола накрыта, ни на одной ярмарке такой не видывал.

Только подумал — как вдруг из угла мужичок вышел, спрашивает:

– Не надо ли ещё чего?

Купец только рот открыл от удивления, но всё-таки с духом собрался и спрашивает:

– Чьё угощение и что за двор такой?

– Ну, коли понравилась, ступай за мной, — молвил мужичок и дверь тесовую с медным колокольчиком открыл.

Заглянул купец за двери, а там — девицы-красавицы. Семеро. И каждая работой занята. Одна лён на козликке бьёт, другая ровняет, третья прядёт, четвертая ткёт, пятая шьёт, шестая утюжит, а седьмая наряды меряет.

– Дочери мои, — сказал мужичок. — У младшей моей сегодня именины!

Глянул купец на младшую и обомлел: сроду такой красоты не видывал. Лицо нежное, белое, глаза — как васильки, синие-синие. Коса льняная, пушистая, через плечо перекинута...

Вышла девица к купцу, тот дивуется, слов подобрать не может. Платье на ней такой красоты, что не выразить! Смотрит купец — тут и плетешки, тут и кружево, и ещё васильки разглядел! И точно живые! Это в июне-то! И будто лугом разноцветным повеяло, словно в райский сад окупнулся.

Опомнился купец, спросил:

– Как звать-величать?

Полез за пазуху, да и достал именной подарок — ожерелье яхонтовое. А яхонты-то в три ряда, и в каждом камушке солнышко сияет. Надела девица подарочек и ещё краше прежнего стала.

Повела она гостя дальше, а как около резного окошечка остановились, показала на улицу.

— С завтрашнего дня велю льны сеять, — сказала так, а сама дальше купца ведёт.

Подошла красавица к высокому сундуку, серебром и медью обитому, открыла белой ручкой... И ахнул купец. Что за диковина! Золотое зеркальце, а в нём — родники да пруды, чудозёра, лужки да овражки... Где ж край такой, что глаз не оторвать? Достала ткани диковинные — снова дивуется купец: сроду таких в руках не держал! Взяла девица пяльцы, иголочку и вышивать стала — так быстро, что купец и уследить не смог. Вышила, к губам поднесла, и ожили птички, сидят у девицы на руках и так звонко поют, не улетают... Что за чудеса!

Вдруг вся комната белая стала. Выглянул купец в окно — вся рябина расцвела. Что за чудо! За холмом вдруг кукушка откликнулась, года стала считать.

— Не считай года, — сказала девица, — жить тебе долго да счастливо! А сейчас пойдёшь поживать.

Не успел купец оглянуться, как упал на льны и в сладкий сон провалился. Сколько спал — и сам не помнит. Только встал — в теле сила, в душе — радость. Смотрит, а рядом рубашка льняная лежит.

Надел её купец, опять диву даётся — будто на него сшита. И так в ней легко да мило! Глядит купец, а рядом поясок семицветный. Хотел купец его на себе завязать, а не выходит, узелок-то развязывается. Как пошутил кто!

Видит, идет к нему пригожая девица и смеётся. Вот и просит её купец помочь.

— Если завяжу — к себе привяжу, — сказала так, и заметил купец на левой руке девушки колечко льняное с голубым цветочком.

Поел-попил купец, пора и честь знать, с постоянного двора съезжать, а душа противится, не хочет. Был купец богат и молод, добрых родителей сын. Первый раз вот так-то влюбился, чувствует — не на шутку. И просит девицу показать ему те места дивные, что в волшебном зеркале видел. Согласилась девица и повела купца тропками узкими, луговыми да лесными... Дивуется купец: тут и трав не честь, и каждый цветик цветёт силою тайною.

Исходил холмы, видно с них окрест далеко — как на ладошечке. Роднички везде, и везде ключики.

Выпил водички и чувствует: силы прибавилось, А ещё чувствует к земле этой тяготеньё особое! Никогда бы отсюда не уезжал!

Говорит тогда купец Алёне:

— Выходи за меня, добрая девушка! Вижу я в имени твоём зори алые, лён-траву, золотую радугу. Полюбил я тебя и землю твою всем сердцем. Сам я — достойный сын своих родителей! И остался купец в Красавине.

Заложил здесь фабрику кирпичную да построил фабрику льняную. О жене его, Алёне, слава на сто вёрст вперёд.

Кто в Красавине был — брагу, пиво не забыл. А пуще этого каждый хочет с Алёной-льняницей повидаться. Поверье, слышь, такое: кто увидит её, век счастливым быть! Кто в Алёнинном роднике умоется — век здоровым быть. А кто к Алёне с подарком — тот и сам богат!

Так что милости просим!

ДОРОГА ДО СЕБЯ

Эссе

Человек не одинок, если рядом с ним прошлое, настоящее и будущее. Клубочек жизни разматывается очень быстро, ниточка кончается, энергия тонкой струйкой уходит... Неужели это и есть вся прожитая жизнь? А где же будущее?

Если пофилософствовать, то любое будущее становится прошлым, а прошлое — когда-то было будущим... Лишь для зернал нет этих понятий. Они отражают настоящее.

В юности будущее светит, как радуга, но с возрастом понимаешь, что о радугу ручку не позолотишь. Пусть так. Но для оптимистов мир не из одних проблем. Даже если живёшь в изящной бедности. Не ко всем судьба милостива. Счастье она раздаёт крохотной ложечкой. И в особенные дни мы лакоимся душевной близостью, творческой гармонией, светлой любовью... Собрать бы всех, кого любишь, в один дом, сказать: милые вы мои, тонкие, ранимые души! Кто возле вас? Почему не я?

Иду мимо прошлых лет, не оглядываясь. Живу с вывеской «некогда». Всё прошлое и настоящее — плюс-минус день... или только так кажется?

Детство не день, а целая эпоха. Помню новенькие обои в родительском доме, всякий раз они прирастали к стенам, как новая кожа... И, чувствуя себя причастной к каким-то тайнам, где-нибудь незаметно открываешь прошлое — слой за слоем... Далёкие пожелтевшие пергаменты — величиной с ладонь. Вот эти, с синими ромбами — когда я пошла в первый класс. А вот эти, с тонкими золотыми букетами, — когда перешла в другую школу...

Да, прошлое не только на чердаках...

Жизнь — большой мудрый философ! Только теперь, в настоящем, мне стало жаль своего упорства и сизифова труда — стало ясно, что приходилось тащить чужие ненужные камни...

Я износила сто железных сапог, изгрызла сто хлебов, ела молодильные яблоки и, казалось, нашла своё тридцатое царство.

Я и есть это самое царство-государство.

Но разве напрасен сизифов труд быть царицей?

«Вот такой крутой поворот...»

Тайлера Бологова

Я всегда завидовала людям, которым удаётся выбрать дело по душе. У меня, к сожалению, так не получалось.

В 1958 году я окончила Великоустюгский библиотечный техникум и несколько лет работала библиотекарем. Но это дело не захватило меня настолько, чтобы посвятить ему всю жизнь. И я решила сменить профессию: поступила в юридический институт в городе Горьком — вот такой крутой поворот был в моей жизни.

Потом работала следователем прокуратуры в Республике Коми. Позднее судьба забросила в Мордовию, там пять лет служила в должности помощника прокурора. На следовательскую работу больше вернуться не удалось, хотя она мне нравилась гораздо больше.

С не меньшим удовольствием я трудилась и в редакции газеты «Советская мысль» после возвращения на родину — в Великий Устюг, где мне предложили место корреспондента сельскохозяйственного отдела. Нравилось бывать в командировках, постоянно общаться с разными интересными людьми...

После выхода на пенсию стала часто ездить в родную деревню, которую окружали леса. Лесная красота, луговые просторы вдохновили меня на стихотворные строки. И, к моему удивлению, стихи начали публиковаться в районной газете. Эти публикации и добрые читательские отзывы о них подарили мне столько счастья, что я молила Бога продлить мне жизнь хотя бы ещё на несколько лет, ведь обратилась к поэзии я слишком поздно — в 67 лет...

А вот «Заговор от любви» — это первый творческий опыт в жанре прозы. Если у кого-то из читателей он найдёт отклик в душе — буду очень рада.

ЗАГОВОР ОТ ЛЮБВИ

Рассказ

Когда теряешь близкого человека, всего тяжелее просыпаться.

Утром открываю глаза, а в голове мысли: лучше бы утро не наступило совсем. Нет больше моего дорогого соседа по деревне Ванечки, которого я полюбила четыре года назад. Никогда больше не позвонит, никогда больше не приедет, никогда его больше не увижу. От этих страшных мыслей начинает давить грудь, будто на неё тяжёлую плиту положили.

Не кара ли это за любовь, которая пришла ко мне так поздно: счёт жизни на восьмой десяток шёл, а Ване было всего 55. Пропась огромная, но любовь появляется не по заказу. Я уверена, если чувство настоящее, оно — от Бога. Тогда почему Он посылает столько страданий? Почему позволил мою горькую любовь зарыть в стылую ноябрьскую землю? Свет без неё погас.

... В то лето сосед ещё не жил в деревне постоянно, а приезжал, чтобы сходить в лес или на рыбалку. Я тоже выросла в этой же деревне, и родной очаг, хотя и опустевший после смерти родителей, был для меня отдушиной от многочисленных городских проблем, куда я после надоевшей городской зимы сбегала по несколько раз за лето. Счастливая, с восторженным трепетом входила я в лес, под своды елей и сосен, с удовольствием собирала грибы и ягоды. Не замечая усталости, бродила по лесным и луговым тропкам, а то и без всяких дорог, вдыхая не загаженный машинами воздух, слушая птичье пение, и словно возрождалась снова — на целую долгую зиму жизни в светливом шумном городе.

Наша деревня, далёная от города (даже дороги нормальной сюда нет!) — самая красивая из всех окружающих её селений. Дожди не портили вид этого зелёного островка: никакой грязи, только изумрудная трава кругом. Посреди деревни, в низинке, весело звенит ручей с кристально чистой и очень вкусной водой. А воздух такой, что хочется ковшом пить, как эту воду. Весной от цветущих черёмух плывёт такой запах, что голова кругом, а летом веселят взор яркие, как заря, заросли цветущего иван-чая.

В то лето я видела Ваню в деревне всего несколько раз. Запомнилось: вот идёт с тяжёлым рюкзаком за спиной — возвращается с рыбалки; вот мелькает на крыльце его избы светлоголубая рубашка — направляется за водой на родник...

Возвратилась в город, а видение не исчезает: Ваня всё время перед глазами — невысокий, с крепкой ладной фигурой, с твёрдой уверенной походкой. Что влюбилась, я поняла лишь осенью, когда свет в его окнах стал для меня, как спасательный круг. Осенние дни короткие, тьма спускается рано, одиноко и неуютно в осенней темноте, когда ни фонарей, ни единой звёздочки на небе... И других жителей, кроме нас с ним, в деревне нет. А вдруг какое-нибудь ворьё займётся? Ещё не так давно обнищавшие безработные мужчины ходили по домам, срывали замки и ко мне не однажды залезали...

По вечерам я с надеждой поглядывала на окна соседа. Если они светились, и у меня в душе будто огонёк вспыхивал: слава Богу, не одна, живой человек рядом, да не просто человек, а добрый мужик, и это вселяло чувство безопасности. Только обидно было, что Ваня никогда не общался со мной: не зайдёт, не поговорит при встрече. Неужели не тоскливо одному?

Постепенно мысли о нём вытеснили все остальные, чем жила. Да так властно завладели мной, так страстно, словно жизнь вернулась на полвека назад. Казалось, какой-то бешеный сладкий вихрь подхватил и понёс под облака. От распиравшего душу восторга сил прибавилось втрое, даже походка стала другой. По улице не шла — летела. Стоило вспомнить соседа, как губы непроизвольно раздвигались в улыбке, а в мыслях — одно и то же: Ваня, Ванечка, я так скучаю по тебе.

Очень хотелось поскорее увидеться, но впереди была долгая зима, да и весной не скоро вырвешься — на огороде дел полно. Чем ближе подходило время встречи, тем больше одолевал страх: вряд ли Ваню обрадует то, что у старой соседки «крыша поехала».

Чувства свои я скрывать не научилась, всё на лице написано. Увидит, может, посмеётся надо мной и всё. Мужики в таком возрасте любят женщин моложе себя, да это и понятно. К тому же в деревне особенно важно, чтобы спутница жизни была помощницей в делах, а не обузой. Я понимала: нет и одного шанса из тысячи на взаимность, но с сердцем сладить уже не могла.

Приехав через десять месяцев в деревню, проходила мимо соседского дома, а сердце от волнения бухало, как молот. Видимо, заметив меня, на улицу вышла Ванина сестра, Маша, которая жила в городе, но о родных местах не забывала.

— Здравствуй, Маша, — обрадовалась я. — Как хорошо, что ты приехала. Долго ли погостишь?

— Недели две поживу, — приветливо улыбнулась она.

— А Ваня где? Дома?

— Уехал на рыбалку, будет только завтра.

— Маша, почему твой брат такой необщительный? — поинтересовалась я, едва скрывая волнение. — Ничего не знаю о его жизни. У него есть семья, дети? Почему всегда приезжает один?

По выражению моего лица соседка наверняка поняла, что со мной происходит, но виду не подала:

— Брат уже давно развёлся с женой, Лена умерла три года назад, детей четверо, все самостоятельно живут.

Выходит, Ваня теперь постоянно будет жить в деревне!

В тот раз я так и не увидела его, но через три дня приехала снова.

Проходя мимо, услышала стук в окно. Кто-то звал меня в избу. Опять бешено заколотилось сердце, как только открыла дверь и увидела Ваню. Они с сестрой сидели за столом, на потёртой клеёнке — начатая бутылка водки, пустые стаканы, закуска...

Смотрела на соседа и не узнавала: где тот немногословный приятный мужчина, которого видела в предыдущее лето и постоянно потом вспоминала зимой? Невзрачный мужичок с резко проступавшими на лице морщинами непрерывно что-то говорит, нелепо размахивая руками, волосы торчат вихрами в разные стороны... Видно, он всё-таки любит выпить. Маша в прошлый раз говорила об этом, но я не придавала значения, ведь за лето пьяным его ни разу не встречала.

...Мало тебе, старая дура, что всю жизнь с пьющим человеком прожила, света белого не видела, опять на те же грабли наступаешь! Опомнись! Я корила себя, но понимала: изменить ничего нельзя. Любовь живёт внутри меня, как желанный ребёнок, и с этим ничего не поделаешь. И потом, я ведь не собираюсь замуж. Зачем терять время, которого у меня осталось так мало!

Приехав вновь через пару дней, я, вопреки логике, сама привезла спиртное: хотелось посидеть с Машей, да и легче было в её присутствии общаться с Ваней. Но соседки дома не оказалось.

— Ты опоздала, сестра вчера уехала, — сообщил он, бросив в мою сторону равнодушный взгляд.

Видно, совсем мне не рад. Но я попыталась улыбнуться:

— Уехала? Тогда хоть ты в гости заходи...

Ваня зашёл.

Наблюдая за тем, как он неторопливо выпивает, растягивая удовольствие на весь вечер, как с аппетитом, не спеша, ест, я подумала: он совсем не похож на пьяницу.

Сосед охотно рассказывал о своей жизни, о том, как ремонтировал с мужиками деревянную церковь, как долго жил в какой-то лесной сторожке, потом работал на ферме, много сменил мест работы и мест проживания... Да, несло тебя, Ваня, по жизни, как перекасти-поле! Он пожаловался на то, что жена ему изменяла, а после развода не давала видиться с детьми.

— А теперь вот дети приезжают ко мне в гости, — не скрывал он радости. — И мы вместе с внуком Димкой ходим на рыбалку.

Моей жизнью сосед не интересовался, ни о чём не спрашивал, но вдруг неожиданно предложил:

— Переходи ко мне жить.

Я опешила. Смотрит на меня пустыми, равнодушными глазами — и на тебе, как снег на голову! Видимо, деловую сделку предлагает: нужна мужику домработница, чтобы готовила, стирала, солила грибы... Конечно, надо делить с любимым человеком его заботы, но не таким же образом!

Разумеется, я не дала согласия.

Тем не менее Ваня время от времени стал приглашать меня то на рыбалку, то в лес за ягодами, но я отказывалась. Лишь один раз пошла с ним за черникой. Он завёл в такой бурелом, что приходилось всё время с трудом перелезать через какие-то поваленные деревья. Мы заблудились и около пяти часов бродили по лесу по сорокаградусной жаре, изнемогая от жажды и укусов комарья и слепней. Я до того вымоталась, что в очередной раз не смогла преодолеть упавший ствол, без сил сползла обратно, упав спиной на колючий куст шиповника.

Наконец, измученные, с пустыми корзинами, мы выбрались из леса...

Больше я не соглашалась идти с ним в лес. Но начались какие-то странные и нелепые нашествия. При встречах всякий раз сосед рассказывал о своей любовнице, якобы существовавшей. Его слова, как острые шипы, ранили сердце, хотя казалось, что этим Ваня хочет вызвать ревность, ведь в деревне я ни разу не видела его с незнакомой женщиной.

И я перестала приглашать его в гости, хоть увидеть очень хотелось. Часами просиживала у окна по вечерам, не в силах оторвать взгляд от знакомого крыльца. Смотрела, пока в глазах не зарябит.

Мог бы по-соседски и заглянуть, попроведать...

Но он не заходил.

Однажды увидела, как Ваня направился в сторону моего дома, но на полдороге остановился, постоял, раздумывая, и повернул обратно.

Какой ты всё-таки бессердечный! Нарочно, что ли, издеваешься!

Потом я решила выходить по вечерам на лавочку под окном: вдруг увидит и поймёт, что жду. Когда лёгкий тёплый ветерок ласкает лицо, а вокруг от цветов — медовый аромат, и над головой — огромная яркая луна, так хочется, чтобы рядом, обняв за плечи, сидел любимый человек.

Только все мои ожидания были напрасны. Промучившись целый месяц (за это время я приезжала трижды), не выдержала и снова пригласила Ваню к себе. Так он несколько раз и приходил ко мне в гости — только по моему приглашению, сидел скучноватый, рассказывал одни и те же истории и равнодушно уходил...

Приближался мой отъезд в город — на целую зиму. И я вновь не выдержала, позвала его в гости.

Сосед, как обычно, рассказывал свои истории, а я смотрела на него, не отрываясь: нет, всё-таки нам надо разобраться в наших отношениях! Но всё решилось само собой.

Он не мог не заметить эти мои взгляды. Глянул на меня, достал сигарету и попросил спичку — прикурить. Я чиркнула о коробок, поднесла дрожащий огонёк к кончику его сигареты... И случайно коснулась его руки...

Господи, будто ток высокого напряжения молнией ожёг моё тело!..

— И зачем я, такая старая, влюбилась в тебя! — произвольно и неожиданно для самой себя вырвалось из груди долго мучившее признание.

И в ответ он вдруг крепко стиснул меня в объятиях...

С этого вечера наши отношения перешли в другое русло. Но близость ничего к лучшему не изменила — только прекратились насмешки.

Оказалось, у нас с соседом разные представления о любви. Он вёл себя, как актёр, хорошо выучивший роль, но играл бездарно и неубедительно. Говорил про любовь ко мне, а глаза оставались равнодушными... Видела, но не хватало сил разорвать эту связь: очень хотелось желаемое выдать за действительное, попробовать хотя бы иллюзию счастья, которого не удалось испытать в молодые годы.

Тогда, в молодости, была у меня настоящая любовь к такому же деревенскому парню — только милому, ласковому и внимательному. Николай очень любил меня — я это точно знала. Но однажды из-за глупой обиды я эгоистично перечеркнула всё, что между нами было, а потом всю жизнь сожалела об этом и мучилась — мой мир без любимого опустел. После этого полвека прожила с твёрдым убеждением: настоящая любовь бывает только один раз. И друг та же напасть...

Вернувшись в город, я стала ждать Ваню в гости. Однако он долго куражился, находя разные отговорки. Лишь поняв, что я очень обиделась, наконец позвонил:

— Завтра приеду.

А когда появился, даже не обнял при встрече, хотя не виделись почти полтора месяца. Мой гость был напряжён, во время обеда сел за другой конец стола. Я, не вытерпев, села рядом, обняла, уткнувшись лицом в плечо. От любимого исходило такое милое, родное тепло, что у меня закружилась голова. Так и сидела бы целую вечность, не отрываясь! Но, взглянув в его отрешённое лицо, поняла: ни душой, ни единой клеточкой тела он не отзывался на мой порыв.

И такая боль пронзила, что, казалось, сердце не выдержит, разорвётся...

Гостил он неделю. В последний день ему позвонили. Ваня почему-то испугался звонка, попытался выключить телефон.

— Это любовница? — спросила я, страстно желая услышать отрицательный ответ. Но он растерянно произнёс:

— Да, — и будто проехал по сердцу борной.

Но я крепилась изо всех сил, чтобы не показать слёз. Накормила гостя обедом и проводила до порога.

— Жалко мне тебя, — сказал он на прощание.

Не люблю, когда жалеют. Себя пожалел бы! Пусть лучше сердце в пламени сгорит, чем будет коптить чёрным дымом, как твоё!

И я решила порвать с ним. Поскольку не надеялась на свои силы, обратилась к силам мистическим — заговору от любви и от тоски. «Колдовать» надо было долго — ежедневно восемнадцать суток подряд, но дела житейские отвлекли, и дело до конца я не довела. Однако почувствовала облегчение, душевные муки перестали терзать. Услышав телефонный звонок, уже не бросалась опрометью, как раньше, разговаривала спокойно, ограничиваясь односложными ответами «да», «нет».

И всё-таки боялась предстоящей встречи летом: уверена была, Ваня в покое меня не оставит. Но и бросить деревню не могла: лес для меня — как храм, без него не проживу. Тянула с поездкой, сколько могла, а смогла — до июля. Появилась в лесу черника, и меня вновь с непреодолимой силой потянуло в лес.

Приехала, едва сняла со спины рюкзак — Ваня тут как тут. Я просто ахнула мысленно, увидев его сияющие, счастливые глаза. Протянул мне руки навстречу, улыбается... И меня будто ветром с места сорвало, кинулась к нему в объятия:

— Как же я по тебе соскучилась!

Вот тебе и колдовство: вмиг потеряло свою волшебную силу.

И снова начались наши встречи. Но они стали другими. Вместо пустых слов о любви последовали поступки. Раньше мои соседские просьбы о помощи игнорировались или выполнялись очень долго. А тут только скажу — Ваня, как солдат в строю, козыряет: «Будет сделано!».

С маленькой печкой я восемь лет мучилась, в неё входило всего два-три полена, поэтому попытки натопить избу превращались в сущее мучение. Смотрел как-то печник и сказал, что надо перекладывать, а это тысячи полторы рублей. Пожалела я тогда денег: много ли сюда

ездить-то осталось? А Ваня заглянул и вынул кирпич, который, оказывается, загораживал отверстие. Откуда этот кирпич там взялся, Бог знает. Дел всего-то на минуту! Вычистил трубы, наложил в печку дров, поджёг... Тепло сразу же пошло по всей избе.

— Ты, Ванечка, просто волшебник! — расцеловала я его в обе щеки.

А Ваня распилил брёвна, которые много лет лежали возле сарая, расколол и в поленницу сложил. Потом крышу моей избы начал ремонтировать, но погода испортилась, пришлось это дело отложить.

— Ты не переживай, весной всё сделаю, — успокоил он меня.

Разве мог он знать, что весны в его жизни больше не будет! Он жить хотел, цветной телевизор купил... А как радовался, когда я ему свою старую баньку отдала! Как жаль, что раньше не догадалась это сделать: думала, не пригодна она, вся крыша толстым слоем мха обросла. А Ваня свояка пригласил и за один день вместе с ним привёл постройку в порядок. В общем, оказался он на все руки мастер, в любом деле толк знал. А ведь раньше я почему-то думала, что сосед ничего не умеет.

В это лето Ваня не переставал меня удивлять! Я узнала, какие вкусные пироги он печёт, какие колобки стряпает! Как-то принёс мне пирог с рыбой, угощает, а у самого вид такой усталый...

— Хорошо у тебя в избе, прохладно, — говорит, — а у меня как в бане. Пришёл из лесу, и в такую жару пришлось печь топить, потому что хлеба нет.

А я-то, занятая своими обидами, не замечала, как много у мужика забот, как сильно он устаёт! О здоровье не думал, ягод и грибов собирал столько, что и себя, и всю многочисленную родню обеспечивал, да и рыбой тоже. Кстати, на его занятия охотой и рыбалкой я раньше легкомысленно смотрела, как на простое увлечение от безделья, а ведь это тяжёлая работа, требующая много времени, терпения и порой огромного физического напряжения. Охотнику иногда приходится прошагать немало километров, да ещё и с нелёгким рюкзаком. Однажды я попробовала поднять его рюкзак, чем-то нагруженный, так даже от земли оторвать не могла. Как он такую тяжесть носит?

Ваня не любил жаловаться. Только один раз, в конце осени, признался, что стали сильно уставать ноги.

На охоте порой случалось всякое. Как-то в ноябре он ушёл очень далеко от дома и, не успев вернуться домой засветло, заблудился. Пришлось всю ночь провести в лесу. Темень, хоть глаз выколи, сырой снег повалил, гася небольшой костерок, с трудом разведённый. Одежда намокла...

— Какой ужас... А собака-то была с тобой? — ёжась от озноба, спросила я.

— Была, но она не один раз убежала, я всё боялся, что её волки съедят. Их вой было слышно. Наokoлевался так, что думал, до утра не доживу. А рассветало — увидел деревню.

Надо же, какая досада: провести такую жуткую ночь, не зная, что деревня рядом!

А то как-то на реке едва не утонул, еле удалось выбраться... Летом на рыбалку он отплавлялся ночью, часов около трёх — лучше рыба клюёт.

— Худо, что никто из мужиков не хочет ходить со мной, — пожаловался он однажды.

Хотела я ему компанию составить, но так сладко спалось под утро, что сама не пошла и его удержала, пусть, думаю, поспит нормально.

В этот последний летне-осенний сезон мой друг заботился обо мне больше, чем я о нём.

Сижу как-то на крыльце, грибы разбираю. Ваня подходит:

— Ты чего на свозняке устроилась? Простудиться хочешь?

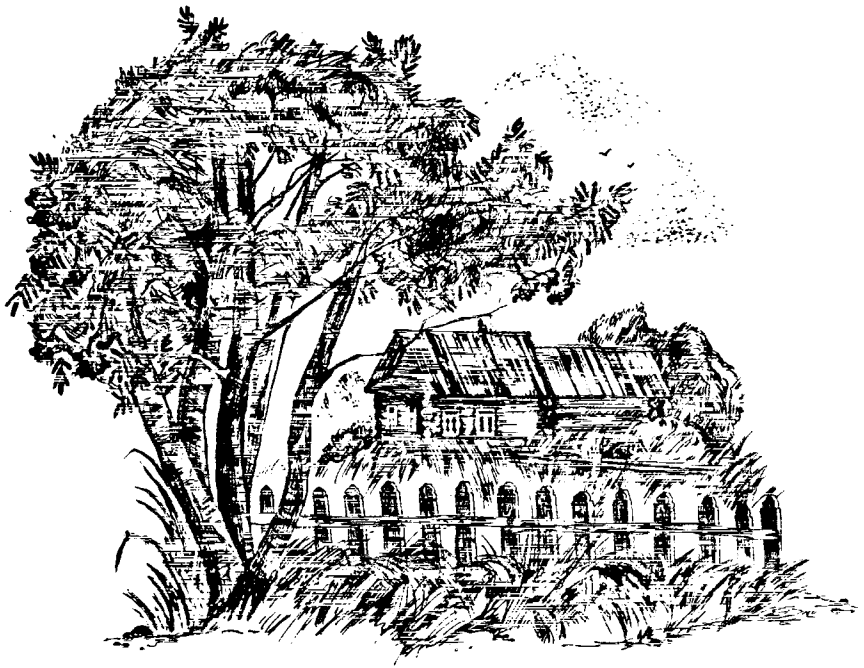
Принёс из своего дома раму и тут же вставил в открытый проём окна в моих сенцах, откуда действительно сильно сквозило. А как он однажды за меня испугался, когда я позже обычного вернулась из лесу! Думал, заблудилась.

Я не раз задавалась вопросом: почему мой друг так изменился? И вёл себя как влюблённый... Как-то в один из октябрьских вечеров, вернувшись с охоты, сразу же пришёл ко мне. По-хозяйски запер за собой дверь на крыльце...

— Не надоело ещё со старухой-то обниматься? — спросила я его тогда.

— Нет, не надоело, — ответил и таким счастливым смехом рассмеялся, что я почти поверила.

А потом и того больше...

Стояли мы с ним в сенах, говорили о ремонте крыши. И вдруг одновременно в одну секунду бросились друг другу в объятия.

— Знаешь, меня так сильно тянет к тебе, — признался Ваня.

Но разве бывает так, чтобы человек два года не испытывал никаких чувств, а потом полюбил? Может, тут подвох какой-то? Чувство вины или жалости?

Теперь я этого никогда не узнаю, да и неважно уже...

Я не раз напоминала своему другу о трагедиях, которые случились в последние годы в соседней деревне. Там сначала записались ещё не старые муж с женой, через год по пьянке умер их сосед сорока трёх лет. Вскоре записала его сестра и чуть не околела прошлой зимой на улице. Потом ещё одна семья из трёх человек вымерла за два года...

В деревнях нынче какой-то жуткий конвейер смерти безжалостно перемалывает человеческие жизни, и без того редкие. Мрут люди как мухи, потому что наша власть давно плюнула на деревню и на деревенский люд... А ведь деревенский человек самой природой создан для работы на земле — чтобы пахать, сеять, скот выращивать. Разве мужицкое дело — содержать себя за счёт грибов и ягод или воровством заниматься? Не стало смысла жизни у людей, вот и спиваются.

— Ты же единственный, кто остался на две деревни в живых! — увещевала я Ваню. — Не уберёжешь себя сам, никто не поможет!

Но он всегда уверенно отвечал:

— Со мной ничего не случится!

В последнее лето меня не покидало беспокойство за своего любимого соседа: слишком часто в его доме устраивались пьянки — с тех пор, как приехал «погостить» да задержался у него свояк Виталий. Сам пил и хозяину наливал. И за водкой его без конца гонял в магазин за несколько километров.

Я обиделась тогда:

— Почему позволяешь из себя мальчика на побегушках делать? Ему надо — пусть сам идёт. У тебя и так забот хватает.

Но он не слушал меня. Получат пенсию и гуляют по два-три дня, как на свадьбе. Не успеют в себя прийти, как Ваня опять в магазин пошёл. А то ещё какие-нибудь пьяницы из ближних деревень приволокнутся... Обложили охотника, как волка, со всех сторон. Ваня хоть и выпивал раньше, но такого, как в этот год, я не видывала.

В последний вечер пришёл он ко мне трезвый.

— Я сегодня опять в магазин ездил за водкой, — говорит, — но выпивать не стал.

— Вот и хорошо, — обрадовалась я. — Бросил бы ты это дело совсем, пока не поздно.

А он отмолчался.

Какой-то невесёлый был Ванечка в тот вечер, много курил. Вопреки обыкновению, ночью не один раз вставал и дымил, сидя у печки. А на следующий день пошёл меня провожать, прихватив велосипед. Шли пешком, велосипед он вёл. Провожал далеко — до автостанции от нашей деревни девять километров — сначала тропками через заросшие поля, потом по просёлочной дороге.

— Возвращайся, чтобы успеть домой до темноты, Ваня!

А он всё чего-то медлил, и я поторопила:

— Не теряй времени, мы скоро увидимся.

Он послушался, сел на велосипед и поехал, а я смотрела вслед, пока не скрылся из виду. Жить моему любимому оставалось всего двадцать дней.

А я словно чувствовала: времени впереди у нас мало, часто с досадой думала о том, как непростительно много мы потеряли его впустую. И твёрдо решила: теперь обязательно будем встречаться каждый месяц. Уедет, наконец, этот неприкаянный свояк, и Ваня снова сможет нормально жить.

Никогда я не ждала Ваню с таким нетерпением, как в этот раз. Через неделю позвонила ему, но ответил свояк:

— Я завтра уеду, — обрадовал он, а послезавтра жди своего друга в гости.

От такой новости я как на крыльях летала, бегала по магазинам, закупала продукты, готовила его любимое блюдо — холодец...

Но Ваня не приехал. Когда дозвонилась — пообещал:

– Буду через три дня.

Я расстроилась. Ну да ладно, дольше ждала, подожду ещё три дня.

А Вани снова нет. Наконец, сам позвонил:

– Танечка, я тебя люблю! — кричит в трубку. А я не ответила, обиделась: если бы любил, приехал бы.

Это были его последние слова, услышанные мною.

Какая-то неясная тревога не давала мне уснуть всю ночь. А утром раздался звонок, вместе с которым чёрный смерч ворвался в мою комнату, растерзал сердце, погасил радость дня за окном...

Меня не стало вместе с ним — осталась жалкая, безжизненная телесная оболочка...

Теперь я ни на этом свете, ни на том.

Но если жестокая боль не даёт покоя, значит, я всё-таки существую? Существую без него, моего любимого?

Прости меня, Ванечка...

«А люблю я заглядывать в прошлое ...»

Любовь Данилова

«Они жили в деревянном двухэтажном доме, как будто вросшем в каменную монастырскую стену. Зимой старый дом промерзал насквозь. Из всех углов высывали белые ушки снежные зайчики инея. Тепло было только в маленькой комнатке за печкой — у той стены, которая зябко жалась к часовой Прокопия Праведного...» — этими словами начала я одну из глав своей первой книги, вспоминая собственное детство, прошедшее в стенах Михайло-Архангельского монастыря. Наверно, благодаря именно такому стечению обстоятельств я очень рано узнала, что живу в городе-сказке, хотя Великий Устюг тогда и не называли родиной Деда Мороза.

...Это и я гуляла тихими улочками прошлого, вслушивалась в легенды и предания устюжан, вглядывалась в старые камни города. Училась в школе №2, уезжала из города, чтобы получить высшее образование в Вологодском государственном педагогическом институте, возвращалась, взрослела и постепенно понимала, что земля без легенд, без преданий — это земля без сказок. Люди, которым нечего рассказать, никогда не станут сказочниками, а сказки не появятся там, где нет памяти о прошлом, где дети не гордятся своими предками и не знают их имен, где никто не хранит бережно в своих сердцах простые, но мудрые истины старинных преданий.

Мои предки были обычными крестьянами и охотниками, но я горжусь ими и знаю имена многих из них. И не хочу я вести отчёт своей биографии только с момента собственного рождения, ведь не было бы их — не было бы и меня. Они и сейчас — моя незримая поддержка, мои талантливые и мастеровитые, сильные и мужественные пра-: Даниловы и Поповы из Андреевского, что на Стрельне, Нутрихины — из Алферовского, Закусовы — с Лодейки, Нелаевы — родом с Мяколицы, Удальцовы — из Нижних Исад, Тесаловские — со Скорятина, Латынцевы — с Нижней Кичуги, Балины — с Афанасовца, Рожины — с Мутовина. Веками эти люди были поддержкой и опорой и для Велико-го Устюга, оберегали его покой, кормили и одевали его жите-

лей. Вся Страдная волость — моя родная земля, и как часто в своих мыслях я возвращаюсь туда!

От 230 жителей 1913 года к 80-м годам XX-го века в Андреевском осталось только несколько смелых старушек, наших бабушек, каждое лето с нетерпением ждавших приезда внуков. Что сохранила память?

...Ничто не тревожит уже тишину умирающей деревни, одни только военные самолеты своим ревом рушат не только покой этого медленно угасающего мира, но и его последние строения. Вот опять переходит истребитель на сверхзвук. Я иду к лавинке с морковкой, чтобы вымыть и сгрызть, и тут к привычному, похожему на взрыв звуку, прибавляется еще какой-то новый, приглушенный и тоскливый. Оборачиваюсь и вижу, как в замедленном кино: расплзается крыша конюшни, рушится карточным домиком...

Не хотелось бы мне, чтобы прошлое уходило от нас вот так и навсегда. Видится мне, что именно оно — та опора, на которой во веки веков надежно и прочно будет держаться свод настоящего и будущего нашего народа...

И чем бы я ни занималась по жизни, всегда возвращалась к тому, что больше всего люблю. А люблю я заглядывать в прошлое, видеть его как настоящее, а еще писать — чтобы в будущем не пропало то, что однажды мне посчастливилось разглядеть и понять. Поэтому я особенно благодарна судьбе и поддерживавшим меня во всем родителям — Николаю Васильевичу и Серафиме Александровне Даниловым — за то, что у меня получилось написать для детей книгу о Великом Устюге, которая вошла в шорт-лист национального конкурса «Книга года-2009».

И я буду еще более благодарна судьбе, коли однажды выйдет из печати моя новая книга, рассказывающая мальчишкам и девочкам о славной истории древнего Вологодского края. Если читатель этой книги будет еще мал ростом, то именно она поможет ему стать великаном, чтобы охватить взглядом весь Русский Север и разглядеть на его суровых, но таинственных просторах самое важное, самое интересное...

СТАРИННЫЙ ГОРОД ПОЛОН ТАЙН

Отрывок из повести

ПЕТИНА ВОЛОГДА

Мальчишки — они всегда мальчишки. Они всегда любопытны, непоседливы, в каком бы веке ни жили. Им многое кажется интересным, а что-то даже таинственным. Пройдут столетия, но если вдруг ты встретишься с мальчиком из XIX века, он не покажется тебе непонятным и странным. Его влечет то же самое, что и тебя. Не веришь? Тогда давай отправимся на встречу с ним!

В Вологде около церкви Николы на Глинках два века назад жил мальчик. Для него каждый уголок города, а особенно в местах старинных, иногда пустынных и позабытых, был полон тайн и секретов. Каждый день для Пети, а особенно день воскресный, был насыщен любопытными событиями.

Петин батюшка надевал по праздникам бирюзовый кафтан, пошитый из отменного сукна, наряжалась матушка, и шли они всем семейством смотреть на чудеса. Ведь всякое бывало. Как-то летом верблюда в город приводили, показывали. Он так долго до Вологды шел, что у него горб вырос, хотя, может, и раньше был. Верблюд этот совсем не старый, вот только сгорбился, устал, наверно. Его, беднягу, и лошади с непривычки опасались, а уж про людей что говорить! А еще на лугу конские ристалища устраиваются: какой конь резвее бежит, тот и победит. Вот это зрелище, дух захватывает!

Насмотрится Петя, бывало, а потом бабушке долго рассказывает. А бабушка сама как из сказки. Высокая, статная, в наряде старинном. Если из дома на улицу выйти соберётся, то вместо кокошника с повязкою на голову фату (платок то есть) наденет, а сверху еще чабак. Это так шапка с собольим околышем называется. Любуется Петя бабушкой, её душегрейками да тёплыми воротушками с широкими рукавами, но замечает, что матушку такие наряды уже смущают, старопрежними, видно, кажутся.

Бабушкин дом на Обуховской улице, говорят, уж лет двести как построен, дедов-прадедов помнит. Казалось Пете, что грустит дом, по своей юности тоскует, удивляется, как так стало, что ушла — не воротись. Пропал запах свежего дерева, почернела крыша, посерели наличники, осыпались с них мелкие кружева. Но был этот могучий старик всё ещё красив, и посматривал он на новые дома снисходительно: очень плотники украшениями увлеклись, а прежнего величия и в помине нету!

В старину строили в Вологде терема высокие, по два этажа. Рубили их из брёвен самых толстых, мощных, предпочитая лиственницу. Крыши были у тех домов-теремов острокопечные, по скале (бересте) тёсом крытые. Крыльцо с навесом, ворота с коньком да с калиткою. На калитке той толстое кольцо, ударишь им по бляхе, и в доме слышать — гость жалует!

ПОЗАБЫТЫЕ СОКРОВИЩА

Старел бабушкин дом, а Петя рос и уже в одиночку отправлялся на прогулку по родному городу: мог и к бабушке в гости зайти, и в торговые ряды заглянуть, где у тятеньки бойко дело шло. Знал Петя, что даже в людном городе вполне можно отыскать и увидеть всеми забытые сокровища. И вот сейчас он снова шёл мимо громады Софийского собора на обрاملенный суровыми крепостными стенами Архиерейский двор. Здесь среди богато украшенных зданий, чисто выметенных дорожек, казалось бы, не было места запустению и заброшенности. Но Петя уже пробирался к северной стороне ограды, где жались к стене всеми забытые каретные сараи и старинные кладовые с узенькими, забранными решётками оконцами. Жаль, что внутрь не попасть, но и так всё видно!

Чего здесь только не было! И всё это даже в солнечный летний день не сразу разглядишь сквозь пыль и темень. Сердце замирало, когда он рассматривал старинные кареты с потускневшей, но всё ещё видимой позолотой. Рядом грудой лежали колокола, похожие на громадные перевернутые кубки — высокие и узкие. «Сейчас колокола совсем не такие, — догадывался Петя, — а эти древние». Потом он пытался ещё что-то разглядеть, но не успевал. Почему-то всегда там, куда он забирался, тут же оказывались сердитые взрослые. Им, наверно, тоже интересно, но они стесняются в этом признаться и оттого сердятся.

— Ну и ладно, — сам себе говорил Петя, и чтобы укрыться от назойливых взрослых, мчался под сень вековых лип архиерейского сада. Здесь был большой пруд, а в нём караси. Жаль, не половишь. Совсем рядом были тайны. Караси — в воде, а тайны — в земле. Петя не прочь рассказать об этом надёжному человеку. Только чтоб тот не проболтался.

Вот и пришла пора вам встретиться.

— Кто здесь? — тебя, вышедшего из зеленых зарослей, Петя разглядывал недолго. Решил быстро: хоть ты и странно одет, но главное — человек свой, ровесник. А одному ему было ой как скучно, и он действительно обрадовался тебе — гостю из будущего:

— Ну, коли так, пошли, покажу. Только тссс! А то, поди, опять кто-нибудь подглядывает и подслушивает. Давай на набережную, там объяснять удобнее!

Река оказалась совсем рядом. Речные склоны поросли кустами. Ивы и черемухи цепко держали мягкие, оползающие берега. На заречной стороне стоял новый и какой-то совсем не здешний каменный дом, с колоннадой, выросшей как будто из реки, а рядом с ним виднелся скромный белый куб церкви с луковками главок, с шатровой колокольней.

— Церковь Иоанна Златоуста! У нас храмов вдоль реки так много выстроено — не перечить! Да и в Заречье вон тоже. Я там у матушкиного дяди грамоте обучался. Федор Иванович строгий, но простосердечный. Он всю жизнь в приказчиках служил и столько всего повидал! Начнёшь спрашивать, не удержится. Вот вместо уроков и слушаю, как он до самой старости в Сибирь к китайской границе ездил — товары возил. Про китайцев там всякое, про их обычаи, а меня спрашивать и забывает... Ведь ему уж за восемьдесят... — немного отвлекаясь от вологодских тайн Петя, но тут же, отвернувшись от берега, спрашивает:

— Видишь, горка перед собором?

И вот он уже решительно ведет тебя на пустынный холм, заросший травой и изрытый ямами.

ЛЕГЕНДЫ СОБОРНОЙ ГОРКИ

— И чего тут интересного, здесь хорошо только в прятки играть!

Пете не нравится, как ты пожал плечами:

— Вот и неправда! А с чего, ты думаешь, горка так ископана? Искали что-то. И нет сомнения, что клады. А ещё — подземный ход. Здесь, в Соборной горе, я от бабушки слышал, несметные сокровища зарыты. Запечатаны в каменных погребках за железными дверьми. А подземный ход на другой берег реки, от города за три версты уводит, до самого Прилуцкого монастыря! По берегу когда-то, при Иване, чай, Грозном, стена крепости шла, а ход под неё уходил, а в нём каменная лестница — под реку, вниз.

— А где вход? — вот уже и тебе не терпится узнать!

— Кто бы знал... — разводит руками Петя, и вы, вместе взбежав на холм, с любопыт-

ством вглядываетесь в нарытые как попало ямы. Где-то они осыпались, но в некоторых местах, и правда, видна прочная, уходящая в глубь земли каменная кладка.

— Ребята с Обуховской в тот ход пробирались, да дышать там нечем, своды сыплются и опасно, потому как обшивка деревянная совсем сгнила. В одну пещеру попали, а из неё-де никуда и не пройдёшь: двери железные заперты крепко, не разломать. А когда за дверями теми шум учуяли, этакий глухой, страшный, ка-а-ак побежали! Больше туда и не хочется. Вот, — заключает Петя, сосредоточенно пиная сухой глинистый ком земли. И в этом, оказывается, есть смысл. Когда кусок засохшей грязи рассыпается под его башмаком, Петя признается:

— Иногда в таких комьях ядра пушечные попадают, небольшие, но тяжёлые, жуть! Думаешь, земля землёй, пнёшь, а потом из глаз искры! Знаешь, как ноге больно? — и, спохватившись, спрашивает:

— А ты отколе будешь-то? Из Москвы? То-то и видно. И одет не так, и баешь иначе. Впервой в Вологде?

— Впервой, — откликаешься ты и тут же просишь: — Ты мне Вологду-то покажи и все ее тайны. Ладно?

— Ну ладно, коли хочешь, покажу! — разулыбался Петя, довольный, что есть ему сегодня на весь день товарищ. — Но только самый-то старый город совсем не здесь. Он по реке выше, на Ленивой площадке был. Бабушка сказывала, прежде там и главный собор стоял. Вокруг него дома ставили, торг устраивался. Да тесновато со временем стало, и торговля из-за неудобства не бойко шла, а так шалаяй-валяя, собирались подолгу, лениво как-то — оттого площадка Ленивой и прозвана. Но уж какая тут лень, ежели проехать не знаешь как! Ведь и до сих пор в городе улицы тесны да узки! Вон, за горкой Числиха начинается. Там бабы друг другу на ухватках горшки передают — экий смех! — прямо из окна в окно, а на дороге встречным и не разехаться, если одну телегу на бок не опрокинуть. Вот как.

НЕХОРОШАЯ ПРИМЕТА

— А чего ж тут так? — интересуешься ты. — В центре города обычно не так бывает — просторно, прибрано. С цветами, с клумбами. Рядом собор такой, а тут всё раскопано. То ли строили что, недостроили, то ли от времени развалилось.

— Чудно ты говоришь, — смеётся Петя и, посерьёзнев, объясняет: — А так и было, всё недостроенным бросили. Да разве только здесь! Город-то раньше сплошь деревянный был. Это Иван Грозный решил его белокаменным сделать, распорядился о том, сам за стройкой следил, а потом взял да на Вологду и осерчал. На него камень из ноги ангела упал.

— Как это?! — в недоумении спрашиваешь ты.

— Пойдем, — Петя тянет тебя за рукав, и вы идёте к собору, который белой каменной громадой возвышается над городом. Нет здесь домов выше его, нет колоколен стройнее и краше соборной. Вы вступаете под своды храма, в его прохладное и гулкое пространство. Служба еще не закончилась, и никто не обращает на вас внимания.

В храме людно, и кажется, что нет здесь ни одного свободного уголка. Стены собора, своды и столбы расписаны так, как будто однажды отразилась на них шумная, многоликая толпа, оставив, как отпечаток истории, своё изображение потомкам на память. Нет среди них тебе знакомых лиц, а Петя знает:

— Изображены тут князья, к лику святых причисленные: Владимир да Ольга Киевские, Александр Невский; а ещё тут и священники, и воины, и горожане просто, правда, одеты нарядно. А вот и «страшный суд». Изгоняются грешники в ад. Вот и иноземцы-иноверцы среди них. Кружевные воротнички, шляпы широкополые, бородинки остроконечные. Видишь, ляхи это! — шепчет Петя. — Они Вологду жгли да зорили. Вот по делам и в ад... Трубы ангелов слышишь, нет? А мне вот всегда слышатся, — смотрит он уже вверх на своды храма, на расписное небо, как будто перечеркнутое тревожными трубами ангелов в бело-розовых одеяниях. И тут ты вдруг замечаешь черное пятно на ноге одного из них.

— Вот, оттуда камень и упал, и царю как раз по ноге, по большому пальцу, кость и раздробило!

— И что царь?

— Знаю дело, осерчал, но больше испугался — примета нехорошая. Уехал да больше в Вологду и не возвратился. Так с той поры всё и забросили. Стену каменную вокруг города недостроили, собор тоже... — рассказывает Петя, и вы идёте вместе уже в сторону Нижнего Посада.

РЕЧКА, КОТОРУЮ ЗАПЕРЛИ

Улицы, действительно, очень узкие и кривые. Тебя удивляют и деревянные тротуары. Они отделены от бревенчатых мостовых столбиками и жердями, раскрашенными наискосок белыми и чёрными полосками. Только площади в городе вымощены камнем, а на перекрестках дорог стоят будки, у которых почему-то много людей, лошадей, телег, нагруженных холщовыми мешками, кадушками с разной вкусно пахнущей снедью, клетками с голосистыми, разнопёрными птицами. Здесь же кто-то сгружает с телег камни, кто-то отсчитывает денёжки, а получившие от будочника загадочную маленькую бумажку, похожую на билет, тут же радостно отъезжают.

— А что тут такое? — удивляешься ты.

— А что? У вас разве не собирают?

— Ка-а-амни? — насмешливо переспрашиваешь ты.

— Известное дело, — обижается Петя, — столица, всё у вас давно вымощено, где понять! А у нас вон ещё сколько! Все улицы немощёные!

— А это камни, чтобы улицы мостить?

— Вестимо так! На торг с товаром едешь — с каждой лошади по четыре камня отдай, ну или деньгами можно. Но ведь камнями-то проще: по дороге взял да и в город привёз. Расплатился, билет получил? Езжай с богом!

— А я-то думал, откуда раньше столько камней на мостовые брали! А вон как всё просто делалось!

— Делается. Порядок такой. Вологжане-то, чай, тоже не простаки. У нас, вон, — указал Петя на трехэтажное каменное здание с проездной аркой посередине, — даже для ярмарок целый дом выстроен, так и называется — Ярмарочный, и торговля не на улице идёт, а в тепле да под крышу! Все лавки купеческие в нём помещаются. Вологодская ярмарка — это ведь целый месяц зимой, в самые морозы — в рождественские да крещенские! Каково бы на улице было! А тут тепло, благодать! Ходи-прогуливайся, товар выбирай!

За разговором вы и не заметили, как прошли мимо Каменного моста с башнями на въезде. Ты и не понял, что это мост, а где-то внизу под ним ворчит загнанная под землю и забытая Золотуха — речка, на которую когда-то возлагали большие надежды. Только Петя, спохватившись, коротко поясняет:

— Ноне здесь все ряды торговые, а прежде-то крепостная стена была, высоченная, а снаружи ров, а во рву — река. Теперь её тут и не увидишь. Дальше пойдем, там покажу.

Из торговых лавок, выстроенных и прямо на Каменном мосту, и вдоль речки, важно выходят покупатели и сами купцы, неспешно водружая на головы шляпы.

— Летом у нас поярковые, войлочные носят, а зимой в бобровых шапках ходят, да околыше с разрезом и с тремя бантами, — шепнул Петя, а затем поставил тебя в тупик вопросом: — А у вас в Москве нынче как? Здесь-то всё по старинке, до нас новые обычаи позднее доходят.

— Ну... летом в бейсболках ходят, банданы носят. Те, кто постарше, кепки.

— Напридумывают ведь эдакое, — дивится Петя. — Я и слов-то таких не знаю. Неужели следующим летом и у нас носить начнут?

— Вряд ли, — успокаиваешь его ты. — А ты крепость-то мне все-таки покажи. Где она была? Я думал, там она у собора и есть. Такие стены, такие башни!

— Да что ты! Тятенька говорит, что стены Архиерейского двора просто для красоты построены, да еще чтобы людям работу дать, когда голодали очень и не на что было хлебушка купить. А настоящая-то крепость куда больше была — мощной да грозной. Недостроили только. Лишь одна стена каменная получилась, остальные деревянные. Вот с этой стороны

как раз каменная стояла, только нет её уже, разобрали. Когда дома в городе строить начали, кирпич-то и пригодился. От кого сейчас за стенами-то прятаться? А вот ров-таки остался. В других местах не так видно, а здесь Золотуха о нём забыть не даёт. Побежим дальше, к Берёзовому мосту, покажу её!

И вот, наконец, явилась перед тобой невидимая река. Немноговодна, течёт далеко внизу, по дну оврага, который и не овраг вовсе, а крепостной ров — надо же! Берега кустами поросли, травой задёрнулись. И тут её плохо видно, а чуть подальше отойдёшь — не видно и вовсе, как будто и нет никакого рва, а так зачем-то перильца к мостовой приделаны, от пустыря ограждение. А подойдёшь ближе, заглянешь: ой, ничего себе пустырь! Как такое и выкопать! Да ещё без экскаваторов, лопатами!

— Вот только золотого в ней я ничего не вижу, — добавляешь ты уже вслух.

— В ней-то золотого нет, это за неё золотом расплачивались. Не в одну золотую денежку городу стало такой ров выкопать да речку в него запереть! — перегнувшись через перила, разглядывает Петя что-то там внизу.

— А как её сюда заперли? Ведь реки, где хотят, текут, а крепостные рвы люди роют, — сомневаешься ты.

— Люди и копали. Ров, по которому Золотухе течь, глубже сделали, а воды речке больше дали. У моего дома, там, — махнул рукой Петя в сторону, откуда текла река, — у церкви Николая на Глинках две речки Содема и Копанка в Золотуху сливаются. Так вот этой Копанки и не было бы вовсе, ежели бы царь не распорядился да люди не вырыли. А церковь на Глинках потому так называется, что на глинистом валу её выстроили, а вал получился, когда речки соединяли. Вот сколько земли выкопали!

— Много знаешь, — искренне позавидовал ты.

ТАМ, ГДЕ СТОЯЛА КРЕПОСТЬ

...А дальше вы шли и шли, ведь Петя хотел тебе показать как можно больше самых любимых местечек родного города, а ещё то, что осталось от старого острога — от недостроенной крепости времен Ивана Грозного. Он никуда не спешил:

— Куда ты всё время торопишься, ведь день долгий!

Вы шли по широкой улице, залитой летним солнцем. Оно было совсем таким же, как в XXI веке, так же слепило глаза, таким же голубым и высоким было небо, так же бодливые облачка-барашки, рассерженные зноем, нетерпеливо нагльвали друг на друга, но город был совсем другим.

Как раз сейчас вы с Петей заглянете еще к Пороховой башне — последнему оплоту исчезнувшей крепости. Совсем скоро её тоже не будет, а площадь, на углу которой она всё ещё стояла в самом начале XIX века, превратится в городской сад. От Пороховой башни вы снова повернёте к реке Вологде, и, завершая своё путешествие, пройдёте вдоль уже незримой западной стены крепости, но обязательно успеете увидеть и оплывшие, заброшенные рвы, и опасавшиеся насыпи. Минует всего несколько лет Петиней жизни, и появится здесь любимый вологжанами бульвар, потянутся к небу тонкие берёзки, высаженные вдоль его аллеи.

Но уже и тем летом кое-что совершенно новое можно было увидеть на улицах Вологды. Вот совсем рядом с Архиерейским двором, за прудами, за исчезнувшими крепостными стенами, за заболоченным рвом уже выстроен дом хотя и деревянный, но уже иной, не похожий на старинные терема Вологды. Хозяева, дворяне Засецкие, украсили его строгими колоннами, небольшим балкончиком, резным орнаментом. Шепнет тебе Петя, что внутри-то дома еще красивее, там ведь даже печи изразцовые, многоцветные.

И вот вы снова у реки Вологды, берега которой то там, то здесь, как драгоценными жемчужинами, украшены белостенными, сверкающими золотом куполов храмами. И приходит вам пора прощаться.

— Пойдем ко мне в гости!

— Да не, мне домой надо, — с грустью отвечаешь ты, и все-таки надеешься как-нибудь отправить письмо в XIX век и поэтому запоминаешь адрес: «город Вологда, Пете, что живет в приходе церкви Николая на Глинках». Вдруг дойдет, а ответное не затеряется?

— Москва, Главпочтамт, до востребования...» — по слогам выговаривает Петя неведомые слова.

— Пусть твои письма меня ожидают. Оставил бы тебе мобильник, но у вас электричества нету, — добавляешь ты и, уже не объясняя, машешь рукой, комок стоит в горле: — Будь!

О чем бы ты рассказал ему в своих письмах? Может быть, о том, что пройдёт совсем немного времени, и на месте бывшей Числихи построят красивые каменные здания, а в домике Гутманов, до которого вы с Петей так и не дошли, откроется первый вологодский музей.

Сменится век, и на Ленивой площадке появится памятник 800-летию Вологды, а на Соборной горке — поэту Константину Батюшкову, который долгие годы почти затворником будет жить в том самом — Петинном — XIX веке и каждый день видеть из окна всё тот же вид: белую стену Архиерейского двора, главу соборной колокольни да пустынную горку на берегу реки.

И расскажешь ты Пете, что нет уже ныне ни Пороховой башни, ни остатков стен большого острога, а вот Соборная горка всё ещё хранит тайны, которые будоражат своей неразгаданностью умы современных мальчишек.

Но кое-что Петя всё-таки увидит и сам, когда вырастет и приедет ненадолго в город своего детства. Порадуется он, что на площадях Вологды появились цветники, что улицы города стали широкими и прямыми, и все с каменными мостовыми, что вдоль них посажены дарящие прохладу деревья, кружевные тени которых совсем скоро упадут на новые деревянные дома, соревнуясь в красоте с их резными узорами...

«Мне повезло с Родиной...»

Андрей Климов

Когда я слушаю и смотрю по «ящину» на то, что творится вокруг, то убеждаюсь: мне повезло с Родиной. Мне повезло родиться на земле, которую обходят стороной землетрясения, цунами и прочие природные катаклизмы.

Мне повезло и с родителями, которые постарались вложить в меня всё самое лучшее и светлое.

Мне повезло и с братьями: слава Богу, они не такие, как я...

Мне повезло и с друзьями, которые, к сожалению, рано покинули этот свет, нахлебавшись вдоволь гайдаровских реформ.

Мне повезло: я вернулся из далёких краёв живым.

Мне повезло: я пишу стихи, за которые мне редко, но говорят «спасибо».

Мне повезло...

Надеюсь, что это везение не оставит меня из-за скудности в моём доме.

Надеюсь...

МЫСЛИ ВСЛУХ

I. У ПОЭТА — СВОЙ ВЕТЕР

У поэта, как и у грозовой тучи, свой ветер. Поэт приходит оттуда, откуда его не ждут.

«Образ — кровь поэзии», — заявил Ян Парандовский. Открываешь книгу иного автора и думаешь: не иначе здесь уже вампир побывал.

Юрий Максин, поэт из Устюжны, написал: «Поэзия — порядок слов, который продиктован свыше...». Красиво. Но поэзия — не плагиат! Стихи приходят из сердца. Из своего.

Прочитал книгу одного поэта, лауреата многих литературных премий... Две строчки очень хороши.

Графоман никогда не скажет, что он графоман, — таланта не хватит.

Недавно узнал от литературного чиновника, что посвятить кому-то стихотворение и писать циклами — это преступление. Но если это так, то писательским трудом в России занимаются и занимаются одни уголовники.

Он выше меня на толщину членского билета.

Если хочешь писать правду о Родине на своей Родине — сколоти себе крест и приготовь гвозди, чтоб не тратить драгоценные минуты того, кто за тобой придёт.

Каждая предыдущая книга — черновик, хоть и написанный набело.

Поэзия — это то, что вокруг нас. Мы живём в ней. Мы каждый день топчем её...

У меня нет сомнений в том, что дождь — настоящий поэт. Какие у него всё же замечательные колыбельные стихи!

Посеял слово — выросла книга. Пора бы убирать — да в животе хлеб мешает.

Если бы Ахматова стояла у ткацкого станка — не было бы прекрасных стихотворений. Подумайте об этом, чиновники...

Когда в человеке умирает писатель, остаётся человек. Когда в писателе умирает человек, умирает писатель.

Поэта можно убить молчалием...

В Союз писателей принимают люди. В писатели — принимает Жизнь.

Поэт — не церковь, но и у него есть свои прихожане.

Чтобы писать о любви — надо любить.

Пока по Родине не походишь, не узнаешь, какая она. Так же и в поэзии...

II. БУДЬ КАК СОЛНЦЕ...

Будь, как солнце: дари себя, но оставайся целым.

Каждый день — настоящее. А когда же будущее?

У зла нет возраста. Зло, оно и есть зло. Даже в пеленках.

Для меня слово «русский» и слово «добрый» — синонимы.

Пожилая гражданка, вмешиваясь в мой разговор с работником госстраха, заметила: «Молодой человек, ты как с неба упал». Я посмотрел на неё и подумал: хорошо, что я «с неба упал», а не вылез из-под земли. Согласитесь, что это — большая разница...

А ведь лукавят, когда говорят, что «ноги волка кормят». Выбейте ему зубы, и вы в этом убедитесь.

Кто чаще всех говорит о литературе? Конечно литераторы. О физике — физики, о математике — математики, о химии — химики... Тогда ответьте: кто чаще всех говорит о коррупции?

Не всякий мусор может убрать метла. Мелкий — да. А крупный — ей самой обломает прутья.

Ложь никогда не скажет правдивых слов — она их не знает.

Предполагать, кто из нас кого-то выше или ниже — пустое дело. Об этом точно знает только смерть. Но её, увы, не спросишь...

Если кажется чёрным весь мир — протрите глаза: может, они просто заляпаны грязью.

Дом гниёт всегда снизу. Берегите низ! Иначе упадёт весь дом.

Там, где чисто, и сорить не хочется.

Как много здесь улыбок ледяных! Как долго люди были на морозе!

Власть поддерживает того, кто её поддерживает.

Ругать прошлое выгодно: это хорошо оплачивается...

Есть люди, которые говорят другим: хотите что-то изменить вокруг — изменитесь сами, сломайте себя. Но они прекрасно понимают: пока срастаются кости — и жизнь кончится. И поэтому сами не пользуются этим рецептом...

Иной чиновник, как и комар, всегда голодный...

Часто политики говорят: «Везёт тому, кто везёт». Но извините, дорогие, от лукавого это всё. Вот лошадь везёт, а бутербродов с икрой не хрумкает. Сено-с, господа! Солому-с! Везёт тому, кто правит и у кого кнут под рукой.

Нам про удочку всё время твердит тот, кто давно уже ловит сетями. И не только рыбу...

У меня болят глаза. Наверное, они болят оттого, что я многое вижу и не только хорошее. Наверное, оттого... Но пусть они болят — это значит, что у меня есть ещё чем смотреть на мир...

Чем больше дров, тем меньше лес.

Легко выйти из себя — трудно найти дорогу обратно.

Если лучшая часть народа была уничтожена в тридцатые годы, как же тогда худшая побила в войне?

Никто не собирается заваливать пропасть, которая сегодня делит людей на богатых и бедных. А ведь у пропасти два края — и с каждого можно упасть.

III. ЛЮБИТЬ — ЭТО ОТ БОГА!

Любить — это от Бога! Заниматься любовью — от дьявола.

Женщина для меня — это женщина, а не крепость, которую надо брать приступом: мне неинтересны руины...

И рад бы в рай, да рай не рад.

Лучше неказистый рай, чем красивый ад.

Если птичка — витай в облаках. Если человек — ходи по земле.

Я многое не умею, я многого не видел, я многого не знаю... И слава Богу — есть для чего жить!

Прощать больно... Больно не потому, что прощаешь, а потому, что близкие люди не понимают тебя, принимая это за слабость. Прощать больно. Но я за такую боль.

Чаще всего человек умирает не от своих болезней, а от одиночества. Если болезни поражают тело, то оно — душу.

Ради матери — можно и унижение принять.

Если молодые не уважают старость — они не уважают своё будущее.

Хорошо, что путь мой не устлан розами... Значит, он — не последний.

Говорят, мол, время покажет и всё расставит по своим местам. Да, оно покажет и расставит. Но для этого надо хоть что-то оставить после себя.

Что происходит с природой — происходит и с нами. Мы — часть её. Отсюда: беречь природу — беречь себя.

И Солнце может наказать за пренебрежение к нему.

Лучше и синица, и журавль в небе, чем кровь этих птиц на твоих руках.

Кто смеется над чужим горем, тот скоро и сам узнает, какое оно на вкус...

Жизнь хороша, когда в теле душа!

Когда одно тело — пустое дело!

Не зовите смерть! Она не ленивая — она придёт...

Проповедник не должен говорить цитатами, взятыми из книг. Он должен говорить цитатами, которые написаны в его душе — иначе ему не поверят.

Не давайте обрастать грехами своему кресту — с ними он ещё тяжелее.

Верить в Бога надо с открытыми глазами и при свете солнца.

Когда человеку плохо — человек идёт в храм, когда хорошо — проходит мимо... Не потому ли количество храмов у нас постоянно растёт? Не потому ли?

Вчера из леса вывел заблудившегося человека на дорогу. Слава Богу, день прошёл не зря.

«С окнами, в которых отражается небо...»

Ольга Жульневская

Родилась я в Великом Устюге.

Когда мне было четыре года, родители переехали на родину отца — в Северный Казахстан, в село Володарское Кокчетавской области. Сейчас село переименовано на казахский лад — Саумалколь, город Кокчетав — в Кокше-тау, а привольной лесостепной Кокчетавской области нет на карте, вместо неё — Акмолинская область...

Там мы прожили пять лет, и там я начала чётко осознавать себя в этом мире, начала видеть этот мир — яркий, ароматный, прекрасный... Зимой над ним гудели свирепые бураны, заметающие порой входную дверь нашего дома, а летом мир этот был наполнен сухим и горячим солонюватым ветром, блеском озёрной воды. Наше село окружали, словно три огромных голубых чаши, озёра — солёное и два пресных — Аир-тау и Эмон-тау. А вокруг озёр возвышались сопки, где весной мы собирали подснежники — приземистые, с опушёнными стебельками, с листьями-звёздами крупные колокольчики розового и фиолетового цвета. Потом я узнала, что это колдовская сон-трава — прострел. Кроме озёр и сопок, Володарское окружали светлые, солнечные вишнёво-земляничные лесочки. Именно лесочки — леса я увидела на своей родине — в Вологодской области.

Там, под интернациональным казахским солнцем, я пошла в школу. В нашем классе учились русские, казахи, украинцы, немцы и даже одна китайянка... Мы, дети, не делили друг друга по национальному признаку — он для нас не существовал. Казахстан тогда был единственной республикой СССР, где пришлые национальности преобладали над коренными: сюда при Екатерине Второй, пользуясь предоставленными ей привилегиями, ехали иностранцы — заселять пустынные земли; много позже сюда до революции 1917 года ссылало неугодных царское правительство России (и мою прабабку с родней сослали из Черниговской области за революционную деятельность); сюда депортировали русских немцев во время Второй мировой войны; сюда в 50-е годы XX века по призыву советского прави-

тельства добровольцы со всей страны ехали осваивать целинные земли...

...Читать я научилась ещё до школы: сестра была меня старше на пять лет, поэтому литературу по школьной программе я осваивала на пять лет раньше своих ровесников. Вот и к книгам рано пристрастилась. С пяти лет самостоятельно ходила в библиотеку — благо, она была рядом. Уже тогда читала очень много, и не только сказки.

...Мама, коренная устюжанка (в её роду — устюгские купцы средней руки Амосовы), занедужила в непривычно жарком климате, затосковала по северной прохладной родине, и родители вернулись в Великий Устюг. Но казахстанское лесостепное приволье осталось в памяти навсегда, несколько десятков лет снилось мне, и каждый раз во сне пронзительно болело сердце и текли горькие слёзы....

Устроились на Новаторе, в рабочем посёлке в пяти километрах от Великого Устюга. Ходила в гости к деду с бабушкой — в поля на улицу Кузнецкую, где их домишко в числе трёх слепились в хутор, окружённый заливными лугами. Сейчас и следочка от тех домов не осталось — всё стёрло напрочь безжалостное время — и тот домишко на высоком фундаменте, и сараюшку, где жили коза Липка и собака Лапка, и мои качели на столбах изгороди...

Тогда я долго привыкала к окаяющему говору, к скольким грибам из душника («душником») бабушка именovala грибовницу), к диалектным словечкам... Однажды бабушка с дедом долго хохотали надо мной, когда я безуспешно искала в доме мост. Я потом обижалась и недоумевала: почему обыкновенные сенцы называют здесь мостом? А сейчас «инакоговорящие» мои друзья с любопытством вслушиваются в моё округлое «О», от которого я и не стремлюсь избавляться — вологодская я и никакая другая!

В третьем классе сочинила первое стихотворение. Сидела в гостях у бабушки Александры, глядела в открытое окошко на зелёные ивняки над оставшимися от весеннего половодья ямами, наполненными водой; на буйно цветущую картошку в огороде... И вдруг нестерпимо захотела зиму — снег, мороз, горки... И сам собой придумался стишок, запомнились две последних строчки: «Дети рады, дети рады, горку полили водой». До сих пор помнится...

Училась хорошо, была любимицей учителей, много читала, много рисовала, писала стихи, за сочинения по литературе получала неизменные 5/5, активно участвовала в делах октябрятских, потом пионерских, потом комсомольских, позднее вступила даже в Коммунистическую партию... В общем, активисткой была, общественницей... И в то же время — чересчур ранимой и чувствительной. Меня называли общительной и открытой, а я чувствовала себя в душе очень робкой и замкнутой. И понятно — родилась под знаком Рыб, а они плывут в разные стороны...

Первая публикация стихов состоялась в июле 1976 года в нашей районной газете «Советская мысль», это были стихи, написанные мною в седьмом классе. Литературными подборками занимался в газете Анатолий Сергеевич Мартюков, сам поэт, творческий человек. Он поддерживал начинающих авторов, а

газета становилась для пишущего люда первой ступенькой к пониманию своих способностей, к признанию другими.

Ветер романтики занёс меня на Украину, в сельскохозяйственный техникум, так что в красном моём дипломе специальность далеко-о не литературная — агроном по защите растений. Вернулась в Великий Устюг. Всё искала себя: работала библиотекарем, озеленителем, няней в детском саду, инженером по поставкам на щетинно-щеточной фабрике, художником росписи шкатулок на фабрике «Великоустюгские узоры», методистом при отделе культуры районной администрации... Разнообразии!

А ещё воспитывала сына и дочь и писала стихи...

Методистом, по долгу службы, занялась работой с авторами, с Великоустюгским литературным объединением «Северок». Там же началась моя дружба с Дедом Морозом, который «поселился» в Великом Устюге в 1998 году. И всё это время я посылала в редакцию газеты свои стихи, заметки на разные темы. А потом Анатолий Сергеевич пригласил в редакцию на работу. И вот с апреля 2001 года я — корреспондент газеты, затем — заведующая отделом информации и член Союза журналистов России. Здесь, уже в редакции, решила попробовать себя в прозе...

Очень люблю маленькие городки. Это они, маленькие, скромные — наряду с пытающимися выжить в сегодняшних условиях деревнями — и есть душа России. Люблю — с их узкими улочками, старыми домами и окнами, в которых отражается небо, а не соседние многоэтажки... С их многотерпеливым спокойствием — без суеты и толпы, без крикливых вывесок и витрин...

А ещё мила мне музыка природы — шум дождя, птичье пение, плеск речной воды, шёпот ветра, шорох листвы... Без этой музыки сохнет душа, грубеет и гибнет, задыхаясь в суете...

АПРЕЛЬ И КОСТЯ

Рассказ

Как-то так вышло, что учиться мы с подружкой Людкой из родного, затерявшегося среди северных российских лесов Великого Устюга рванули на «солнечный юг» — Украину. Тогда, в восьмидесятых уже прошлого столетия, это был цветущий, гостеприимный и сытый уголок большой страны Советов. Два раза в год, а то и чаще мы по три дня тряслись в вагонах с севера на юг — из Вологодской области в Одесскую, и обратно — с пересадкой в многолюдной и страшной для нас, не горожанок, Москве...

...Ах, железная дорога! Твой ритм настолько совпадал с ритмом наших юных доверчивых сердец, полных романтики и неопределённых, но счастливых надежд, что до сих пор, когда я слышу зовущий крик далёкого поезда или дробный говор вагонных колёс, в груди рождается боль: словно острая заноза, сидящая в сердце, но уже многослойно затянутая кожей и забытая за давностью, вдруг шевелится, больно и сладко раня, и боль эта вновь возвращает в те славные, молодые годы, когда вся жизнь, вся радость мира была ещё впереди.

А сколько встреч случилось на тех железных дорогах юности! Некоторые из них до сих пор помнятся и волнуют сердце...

Апрель. Нам по двадцать лет.

Мы с Людкой трясемся в поезде «Вологда-Мурманск», уносящем нас в Заполярье, к станции с чудным названием — Оленья. Только что вернувшись домой на каникулы, мы едем на три дня в гости к Людкиной родне — тете Нине и дяде Воле в поселок Гремячий, что близ Оленегорска. Север, завьюженный и заснеженный, скалисто-ледяной, всегда необъяснимо манил меня куда больше, чем капризный и избалованный благодатным климатом юг, и поэтому я с радостью согласилась на Людкино предложение.

...Закатное солнце бежит следом за поездом, ослепительным пожаром вспыхивая во всех окнах какого-нибудь многоэтажного дома, несётся, скользя по осевшим весенним сугробам и перепрыгивая через огромные проталины и чёрные, разъезженные дороги...

И опять лес, лес, лес... С сумрачными елями, с сизыми осинниками и ольшаниками, среди которых мелькают иногда, словно стайки нежных белых птиц, берёзы. Всё ближе вечер, всё длиннее и фиолетовее тени на израненном апрелем снегу...

Люблю маленькие северные полустанки — с их неторопливостью малочисленных людей и величавостью природы, с их диковатой пустынностью и порой угрюмым одиночеством, с тяжёлым небом и суровыми, торжественными елями — главным деревом, что отличает вологодский север от прочих мест. Летом на перронах — тётки с кульками черники и малины, зимой — холодные сугробы и чёрно-белая беззвёздная тишина...

...Сижу у окна. Людка всегда уступала мне это замечательное место, вероятно, по праву более старшей и более непритязательной — в отличие от меня, более легкомысленной и более младшей (на целых три месяца!).

Смотрю на остатки ледника. Большие, плоские, чёрные камни — груды камней, над которыми клубящейся дымкой — заросли карликовой берёзы в инее. Смотрю и хочется плакать, настолько все красиво, непривычно, неожиданно... Всё-всё увиденное хочется запомнить навсегда, чтобы потом в любой момент вытащить из закоулков памяти и вновь пережить эти чудные праздничные мгновения. Вместе с этими камнями, замёрзшими озёрами, кривыми берёзками хочется видеть и чувствовать и Крым, и Кавказ, и Прибалтику, и Дальний Восток... Понимаю, что человек не может находиться одновременно в нескольких местах, и по этой причине тоже хочется плакать...

Вот в таком душевном состоянии я находилась, когда к нам подсел рыжий балагур Толька, один из салаг радиотехников-подводников, едущих в соседнем вагоне из Северодвинска в Мурманск. Пацанов вез в воинскую часть из учебки старшина Костя. Он тоже присоединился к нашей компании поиграть в карты, это самое популярное средство скоротать время в поезде дальнего следования.

...Со мной такое бывало редко — очарованность с первого взгляда.

Красавцем Костю назвать было нельзя. Черты лица — самые обыкновенные, присущие русскому типу, но это обыкновенное лицо озаряла такая необыкновенно светлая и тёплая улыбка, так мягко сияли его глаза, устремлённые на меня во время ничего не значащего разговора, что строгое и разборчивое моё сердце, словно птенец к солнцу, устремилось навстречу этому свету и теплу. Уверенности в Костиных достоинствах придавала его шинель и тельняшка — символ благородства и мужественности, а еще манера говорить — неспешно, раздумчиво; было в этой манере что-то от интонаций заботливой мамы, объясняющей тайны бытия своему еще несмышлёному, но нежно любимому дитяти.

Костя не мог постоянно сидеть с нами, обязанности старшего все время отрывали его от нас. Когда он ушёл в очередной раз, я шепнула Людке на ухо, что он мне очень понравился. Людка тут же сболтнула об этом Тольке, и когда старшина вернулся, рыжий балагур выдал ему мою тайну: «Старшина, Олечка в тебя влюбилась!».

Костя мягко улыбнулся, ничего не сказал на это, но в глазах его появилось нечто, вселившее в мое ждущее любви сердце необъяснимую надежду, хотя даже в юности я не верила в долговечность дорожных знакомств.

За окном давно началась темнота, мелькали за чёрным стеклом станционные фонари. Наша Оленья неумолимо приближалась, еще пара часов и... прощай, Костя, прощайте, мои глупые девчоночи надежды...

Радиотехники ушли спать, один Толька-балагур травил анекдоты, веселил нас, погрустневших... Кости тоже не было. Я знала, что ему завтра рано вставать, но ждала и страдала.

И вдруг он появился. Лицо его все так же освещала мягкая, милая улыбка, только в ней прибавилось усталости.

Костя подсел к нам, заговорил...

Боже, я краснела, бледнела, чуть не теряла сознание от волнения, причиной которого была его близость, и от ужаса предстоящего скорого расставания... В тусклом желтом свете ночника я украдкой взглядывала на него, боясь смотреть прямо и откровенно.

Людка и Толька время от времени отпускали шуточки по поводу нас с Костей, мол, Вологда и Кострома, как в песне, должны быть вместе, и вообще, когда состоится свадьба, чтобы не забыли пригласить друзей... А Костя, не обращая внимания, неторопливо и негромко рассказывал мне что-то о своей Костроме, о своей службе... А потом попросил у меня мой почтовый адрес.

Не было сказано никаких особенных слов, не было особенных прикосновений или особенных намеков, но необъяснимая уверенность в том, что я Косте нравлюсь, овладела мной.

...На перроне Оленьей, в неверном мареве того промежуточного состояния, что отделяет полярный день от полярной ночи, Толька и Костя вынесли нам сумки, пожали на прощание руки. В самый последний момент, осмелев от горя, я все-таки взглянула прямо в Костины глаза. И увидела в них грусть...

— Пиши, Олечка, — негромко произнес он.

...Сколько лет прошло, а свет той встречи не стирается из памяти. Наслоения прожитого не сумели замутить его ясности и чистоты. Слово волна прозрачного янтаря, прошедшие годы только закрепили и сохранили этот свет в неизменности, затушевав незначительные детали, а редкие визиты памяти к этому событию отшлифовали янтарь до солнечного блеска. И дивной оправой к нему остались воспоминания о трех днях, проведенных в Гремячем: невыносимо пронзительная синева снегов и небес, огромные валуны, словно окаменевшие богатыри-великаны, мощный гул серебристых военных самолетов, взлетающих над голубыми сопками...

...Мы переписывались около года. Костины письма были краткими, сдержанными, не казались чувств, в них не было планов на будущее; моей эмоциональной натуре этого не хватало, я искала недостающее между строк...

Потом встретила молодого человека, глубоких чувств к нему не появилось, но были совместные прогулки при луне, танцующие и поцелуйчики. Наличие как бы двух «кавалеров» тяготило мою чистую и неискушенную совесть: казалось, что я нечестна с тем и с другим, и поэтому необходимо одному из них отказать. Наивная глупышка!

Поскольку я слегка сердилась на Костю из-за суховатых писем, удел стать отвергнутым выпал ему. Впрочем, очень скоро я разочаровалась и в оставшемся «кавалере», и дала тому отворот поворот...

...Сейчас, когда в телепередаче «Жди меня» я вижу, как ищут друг друга бывшие некогда близкими люди, как встречаются по прошествии многих лет, абсурдная мысль приходит иногда в голову: а если б я узнала, что меня ищет Костя?..

ЛАЙМА

Рассказ

Начало апреля было солнечным и мягким. День радовал обилием света и ранней весенней теплотой — свежей и ласковой, ночь — отсутствием заморозков.

В пятницу, возвращаясь с работы, на соседнем крыльце я увидела пришлое коричнево-го спаниеля. Чужак, забравшись на картонную коробку, пытался заглянуть в окно.

— Ты чей? — удивлённо спросила я.

Он оглянулся и негромко зарычал.

Ничего себе! Ещё и хозяином себя чувствует!

Отвернулась и пошла дальше — к своему крыльцу. Через несколько шагов мне в ногу мягко ткнулся собачий нос: гость увязался следом и шел, не отставая. Он проводил меня до входных дверей. Коричневая, несколько дней назад еще ухоженная длинная шерсть на его животе висела мокрыми и грязными сосульками. Весь его вид говорил: он долго бродил по сырым холодным улицам, он устал и проголодался и согласен, чтобы чужая тетка покормила его, но ласкаться и вилять хвостом не собирается...

Тарелка тёплого супа опустела моментально. Так же быстро, под частый шлепоток розового языка, исчезло молоко. Через час, когда вернувшаяся с работы дочка вынесла гостью наши, он быстрехонько сметал и кашу...

И каждый раз, когда мы открывали дверь, ведущую с улицы на веранду, гость, вытягивая шею, жалобно и как-то потерянно старался заглянуть в дом.

Похоже, эта неприветливая шоколадная потеряшка живет в квартире.

Нет-нет, такого грязного и неизвестного я тебя в дом не пущу! Вот тебе старое детское пальто и в несколько раз сложенный половин, чтобы не замерзнуть на цементных ступеньках. Да и не должен замёрзнуть — даже ночью температура плюсовая... А вот тебе на ночь ещё тарелка с супом, если надумаешь ночевать здесь...

Весь вечер дочь тайно исчезала каждые пятнадцать минут, а горка печенья в сахарнице становилась всё меньше.

— Мама, это девочка! — восторженно завопила она после очередного выхода на крыльцо.

Это действительно оказалась «девочка», вернее, «дама» с сединой на коричневой морде. Она позволила себя погладить, но обрубок хвоста с замыганным жёстким кудёрышком на кончике оставался недвижим.

— Мама, давай её оставим у себя! Вымоем в ванне и пустим в дом! Ну, вспомни, как хорошо было, когда у нас была жива Динка!.. — Дочь словно забыла, что два месяца назад стала двадцатилетней, и как детсадня, тербя меня за руку, заглядывала в глаза...

Да, колли Динка была всеобщей любимицей тогда ещё большой нашей семьи. Умная,

ласковая, все понимающая без слов, угадывающая наше настроение, она была всем нам в радость. На девятом году жизни Динка серьёзно заболела. Я промывала ей глаза и нос, кормила таблетками, с ужасом втыкала уколы в её лохматые, похудевшие холки, а она, лишь вздрагивая всем телом, молча и неподвижно выносила экзекуцию, словно понимала, что эта боль, причиняемая хозяйкой, необходима... На следующую осень недуг повторился, Динка снова поскунчила и перестала есть, и снова я выхаживала нашу рыжую любимицу... Но осень десятого Динкиного года стала для неё последней. Сначала она отказалась от пищи, потом от воды, стала всё реже вставать на слабые лапы, потом вставать перестала... И никакие лекарства больше не помогали.

Как-то ночью она еле слышно заскулила.

Виновато глядя мне в лицо снизу вверх, она пыталась подняться. Крепко поддерживая её под отощавший живот, практически неся на руках, я потихоньку вытащила Динку на крыльцо. Видно, каприз большого кишечника погнал её, чистолю и аккуратистку, на улицу.

Лапы её подгибались и заплетались... Динка втягивала носом свежий запах молодого снега, а ночное небо струило сверху молочный свет дрожащих стальных звезд. Где-то далеко сонно гавкнула в тишину собака — острые Динкины уши напряглись...

Спина у меня устала, голые колени под накинутаой на ночьнушкой старой пальтухой щипало от приличного ноябрьского морозца, но я, глотая слёзы, терпела.

Не евшая и не пившая уже несколько дней Динка «дел» никаких не сделала, и опять мы потихоньку поковыляли в дом.

А через пару дней наша Динка умерла...

...Из прошлого меня выдернули странные звуки: кто-то скрёбс с улицы в кухонное окно. Как раз под ним находилась крыша входа в подвал, и иногда кошки, а то и птицы, стуча когтями по шиферу, подбирались к стеклу, присматриваясь к движению за ним, а зимами окно вместе с крышей подвала до половины заносило снегом. Однажды соседский кот-перс здорово меня напугал: ничего не подозревая, отодвигаю занавеску, а с той стороны из темноты на меня глядит приплюснутая кошачья физиономия с большими круглыми глазами!..

Кто там на этот раз?

Опасливо глянула в щёлку между шторами.

Полоска света выхватила из синей апрельской тьмы шоколадную морду нашей гостьи и её тоскливый, ищущий взгляд, полный обиды и недоумения.

Надо же! Окно кухни — от крыльца совсем с другой стороны, да ещё надо сообразить, как до окна добраться, кроме того, для такой небольшой собаки высота от земли достаточная, чтобы запрыгнуть на крышу подвала. Гляди ты, какая умная «шоколадка»!

За догадливость спаниелиха получила от дочки остатки печенья, но ночевать «шоколадке» пришлось всё-таки на крыльце.

...Утро было солнечное, небо — безоблачное, апрель по-прежнему баловал ранним теплом.

На крыльце оказалось пусто. В сердце разочарованно царапнулась мысль: «Ушла!»

Но мы не простояли на улице и минуты, как спаниелиха показала из-за угла. Она деловито подошла и по-хозяйски уселась на свою подстилку.

— Ты вернулась! — кинулась дочь к собаке.

И та в ответ благодарно и с достоинством шевельнула хвостом. А я, если честно, была так рада этому едва заметному движению жёсткого шоколадного обрубка, словно получила большую награду.

— Мы будем звать тебя Ла-ада из шокола-ада, — заворковала дочка.

При слове «Лада» наша гостья насторожилась, переводя внимательный взгляд своих черных смородиновых глаз с дочки на меня.

— Ты Лада?

И опять обрубок её хвоста неуверенно шевельнулся в ответ, приведя дочку в восторг.

Прошёл ещё один день.

Спаниелиха, как и Динка, оказалась анкуратисткой: по «делам» уходила куда-то далеко, возвращалась и вновь устраивалась на подстилке. Она как будто смирилась со своей участью и нынешним положением. Поняв, что в дом не пустят, она больше не заглядывала в дверь.

Ела уже акkuratно и немного, отзывалась на Ладу, виляла нам хвостом, но в глубоких чёрных глазах её под седыми бровями плескалась тоска.

Утром в воскресенье мы решили дать объявление в местную газету о том, что найдена собака. Оставили в редакции адрес и телефон и не спеша пошли по солнечным свежим улицам домой.

Лада была на месте — на коврик у дверей. Встретила нас тревожным взглядом — куда это вы пропали? — и приветливо, с явным облегчением стукнула по подстилке обрубком хвоста.

И тут же из-за угла появился мужичок — слегка встрепанный и запыхавшийся.

— Это вы дали объявление?

При первых же звуках его голоса Лада с визгом бросилась к пришедшему. Она бешено скакала возле его ног, оглушительно визжа, и в счастливых воплях её и причитаниях вибрировала такая неистовая радость, что мы с дочкой замерли, как соляные столпы, глотая в горле ком слёз.

— Лайма... Лайма... — Мужчина пытался погладить спаниелиху, но та то кидалась ему на брюки, то суматошно тыкалась мордой в протянутую к ней руку...

— А я пришёл в редакцию дать объявление о пропаже собаки, а мне говорят: только что были, дали объявление, что нашли... Не ваша ли... Хозяйна уж очень расстраивается... — сбивчиво объяснял хозяин Лаймы. Потом неловко полез в карман своей куртки, долго рылся и, наконец, протянул несколько мятых десяток, отведя в сторону взгляд и бормотнув:

— Вот, сколько есть...

До меня не сразу дошло, что он имеет в виду.

И так некстати были эти деньги в прекрасном апрельском утре, переполненном солнцем и искренним собачьим счастьем, что я неожиданно разозлилась:

— Не нужны нам ваши деньги!

А Лайма, повизгивая, нетерпеливо крутилась шоколадным выюном возле родных хозяйских ног. «Пойдём уж, пойдём!» — звали её влажные и счастливые глаза.

И он пошёл от крыльца, спрятав руки в карманы. А спаниелиха торопливо затрусилась следом.

— Лайма! — одновременно вырвалось у нас с дочкой.

Она на секунду обернулась. Дрогнул коричневый обрубок её хвоста с замыганным кудёрным кончиком.

«Да-да, спасибо вам, но я спешу, мне некогда! Вы же видите, хозяин меня всё-таки нашёл!» — именно это (честное слово!) ясно читалось на её морде...

Вечером резко похолодало: уходящая зима крепко пристукнула землю чередой хороших ночных заморозков.

...А мы с дочкой до сих пор оглядываемся на всех коричневых спаниелей, и даже иногда вопологолазовём: «Лайма!»

Но ни один не откликнулся...

НАДЕЖДА, ВЕРА, ЛЮБОВЬ

Рассказ

Надежда заболела.

Несколько дней назад она сковырнула на подбородке прыщик, и кожа, вместо того, чтобы сгладиться, покраснела и вздулась; непрерывно застучали под ней, полыхающей, раскаленные молоточки. Утром в субботу Надежда проснулась резко — словно кто-то бросил полотенце на лицо... Молоточки бились уже и в висках — большие и тяжёлые; казалась, изо рта выдыхается горячий воздух, белкам глаз было жарко и сухо даже под веками.

На работе, когда Надежда с трудом взялась за швабру, чтобы начать уборку торгового зала, к ней подошла заведующая.

— Что это ты такая сегодня? — сурово спросила она.

— Заболела я, наверное, Валентина Ивановна, — превозмогая боль в висках и дурноту, еле выдавила из себя Надежда, внутренне сжавшись.

Взгляд заведующей стал напряжённым, выщипанная бровь недовольно поднялась. Но, видать, на лице Надежды отражалось такое неподдельное страдание, а красный тугой подбородок так угрожающе увеличился в размерах, что Валентина Ивановна сжалась:

— Иди к врачу. Поликлиника не работает, так что отправляйся прямо в приёмное отделение больницы.

Надежда плохо помнила, как дошла до парка, за которым находился большой, в виде креста трёхэтажный корпус центральной районной больницы на набережной. Не разбирая луж, шлёпала Надежда старыми сапогами по сырому, в лужах, асфальту. В ветвях огромных корявых от возраста тополей неласково посвистывал ветер, по чёрной речной воде несло шугу — хрупкие пока еще льдины, они были похожи на кружки застывшего жира, вот-вот готовые сцепиться друг с другом в плотный панцирь...

В приёмном покое к ней сразу же вызвали доктора. Тот хмуро оглядел её поношенное пальто, стоптанные сапоги, пряди волос с сединой, в беспорядке выбившиеся из-под старой вязаной шапки, когда-то ярко-синей, а сейчас — голубовато-белёсой...

Пятидесятилетняя пациентка выглядела на шестьдесят. Морщины избороздили её неухоженное, не знавшее лосьонов и кремов лицо; много лет оно подвергалось натиску огромного зимнего ветра, иссушающего кожу безжалостного солнца, колючего снега и экологически неблагоприятных дождей: потому что Надежда долгое время работала почтальоном сразу на двух сельских участках. Без мужа, ушедшего от неё лет двадцать назад к другой, более красивой, и при двух детях она жила единственной постоянной мыслью: где взять деньги, чтобы прокормить своих быстро растущих и прожорливых оглецов. Бегала от деревни к деревне по просёлочным дорогам, а то и напрямик, по полям, с набитой газетами тяжелой сумкой через плечо, таская попутно ещё одну — с мылом, шампунями, дешёвыми соевыми шоколадками, носками и прочим добром, которое деревенские бабушки нет-нет да и покупали, а с выручки Надежде шло несколько рублей к мизерной зарплате. Пальцы и ладони её давным-давно стали черными от типографской краски, газетная эта грязь не отмывалась с загрязненной кожи даже в бане.

Дом Надежды, такой же неухоженный, как она сама, давно просил ремонта, но не было денег на стройматериалы и не было сил и желания искать где-то мужиков для этого ремонта.... Она, как заведённая однажды раз и навсегда, бежала с утра на почту, сортировала газеты, потом неслась по полям, оттягивая сумками руки, а вечером, после работы, ее хватало лишь на то, чтобы наварить картошки, съесть несколько картофелин с солёным огурцом и упасть на кровать. А ведь был ещё огород, ещё была большая полоса, где сажали картошку, была больная, еле ползающая соседка, которая часто просила Надежду о помощи...

Иногда, вглядываясь в мутный экран старенького телевизора, Надежда с завистью слушала, как на флюоресцентно-ярких ток-шоу гламурная Ксюша Собчак давала советы, что носить и какой косметикой пользоваться, чтобы остаться интересной женщиной, Андрей Малахов прилюдно разбирался, почему разошлись Пугачева и Киркоров... Назойливо лезла в глаза реклама — о французских духах, о прокладках с крылышками, о волшебном йогурте, который ели всей семьёй по-английски красивые и заботливые мужья и жёны, их сыновья и дочки, сидя у чудных каминов на чудной мягкой мебели в непостижимо прекрасных квартирах...

Когда ноги не заносили Надежду как положено — днем стали ныть и порой подкашиваться, а по ночам их словно грызли собаки, она поменяла труд почтальона на труд технички двухэтажного магазина — очень большого по местным меркам. Проиграла в зарплате, а выиграла разве что в пробегаемых за день расстояниях да в перепадах температур, но уставала по-прежнему, только теперь начали болеть руки.

И поэтому, когда её подбородок разнесло, Надежда даже обрадовалась: теперь она хоть немного отдохнёт.

Дежурный доктор, при всей своей хмурости, оказался внимательным. Тут же отправил

Надежду в палату, прописал капельницу с антибиотиками и вызвал хирурга для вскрытия огромного Надеждиного фурункула.

...За больничным окном шёл снег. Белые хлопья вились в воздухе, липли к стеклу, в беспорядочной пляске рисовали узоры, перечёркивая белыми следами чёрные ломаные линии голых тополиных веток, постепенно затушёвывая их и размывая резкость. Словно кто-то водил кистью по картине, рамой которой служило палатное окно, и неторопливо закрашивал жидкой белой гуашью кусок неба и тополиную крону...

«Словно ангелочки Господни летают...» — почему-то подумалось Надежде.

В палате стояло пять кроватей. Три из них уже были заняты, Надежда лежала против них, на крайней у окна, чувствуя дыхание улицы сквозь плохо законопаченные щели.

Слегка затекла рука с иглой в вене, лекарство из капельницы охладило кожу в горячей складочке на спине. В висках все стучали раскалённые молотки, но даже этот стук не мог нарушить состояния блаженного покоя, овладевшего Надеждой.

Тощее больничное одеяло приятно щекотало ноющие ноги, край подушки в застиранной серой наволочке касался горячей щеки, и в этом касании Надежда тоже чувствовала странное тихое удовольствие. Тело её оцепенело, стало невесомым... Из коридора, словно сквозь ватный слой, доносились шаги и голоса, и звуки эти напоминали что-то невообразимо далёкое, уже случавшееся когда-то с ней очень давно — может быть, в детстве, а может быть, в другой жизни... Звуки удалялись, как будто всё толще становился слой ваты...

Все эти ощущения нежно начали Надеждино тело, кружа в ласковом светлом водовороте и незаметно засасывая всё глубже в его воронку, и даже головная боль словно отделилась от черепа, повисла жёлтым шаром над подушкой и не нарушала блаженности ощущений...

— Новенькая, ты спишь? — скрипучий старушечий голос выдернул её из белых мягких волн.

Надежда с трудом разлепила веки, но вместо соседки вдруг увидела нечто странное.

На бабкиной кровати теснилась чёрная, омерзительная, ноздреватая масса. Словно пылящей квашне, ей было мало места в продавленной панцирной люльке, и она сползала вниз, на пол...

— Спишь, что ли? — настырная старуха во что бы то ни стало желала разговора.

— Что пристала-то, Клавдия Ивановна, худо ей, — слева от бабки зашевелилась женщина.

— Ей покой нужен...

Надежда перевела взгляд на говорившую. Попыталась рассмотреть, но увидела на её месте, словно сквозь висящую марлю, зыбкий зелёный клубок с неровными очертаниями, колышющийся в воздухе. Зелень то ярчала, становясь похожей на крону летнего дерева, то тускнела, словно за дождевой завесой, а то местами затягивалась коричневым...

Почему-то все это несколько не удивило Надежду...

— Бабушка Клава, а новенькая тётенька спит, у нее глаза закрыты, не буди её, — отозвался справа легкий детский голос. Это еще одна пациентка пятой палаты, семилетняя девочка, вmeshалась в происходящее.

«Глаза закрыты»? А как же тогда Надежда видит своих соседей?

Она устремила взгляд в сторону девочки.

В белесом тумане над кроватью у той дрожал в воздухе раскрытый венчик розового цветка... или это был прозрачный бокальчик в форме цветка? Внутри его, мерцающая и просвечивая сквозь лепестки, плескалась, словно цветочный нектар, розовая нежность. Надежда ясно почувствовала сладкую свежесть цветущего луга, повеявшую с той стороны...

И опять она не удивилась.

...Позднее, после всех хирургических манипуляций, когда Надежда оклемалась, она узнала от соседки слева, сорокалетней Любашки, лечившейся от холецистита, что у вредной бабы Клары — рак, что маленькая Верочка почти поправилась и её скоро выпишут, что у самой Любы — большая дружная семья, любящий муж: Надежда в этом убедилась, наблюдая за их встречами.

А Надежда, оказывается, была на грани жизни и смерти: об этом ей поведал на обходе лечащий врач — высокий, молодой и красивый Роман Сергеевич. Он мягко упрекнул её за то, что поздно обратилась в больницу, мол, еще бы день-два, и тогда...

Кстати, необычных картин Надежда больше не видела. Вокруг неё были люди как люди:

приятная в общении Любаша, вечно недовольная чем-то баба Клава и Верочка — золотой голосистый звоночек.

И ещё: проведя несколько дней в больнице, Надежда перестала бояться заведующей магазином.

ПРО ВЕРУ

Рассказ

Пламя свечи дернулось, язычок огня метнулся влево, вправо и резко опал, превратившись в мерцающую точку на затрещавшем фитиле. Пропахший валерьянкой воздух сгустился и будто душная, тяжёлая перина навалился на грудь, больное сердце съёжилось под этой тяжестью, превратилось в камешек с очень острыми углами...

Вера, стоявшая на коленях перед иконами, помертвела в испуге и, хватая ртом воздух, задыхаясь, закрестилась истоиво:

– Мать Божья! Иисусе сладчайший! Святые угодники! Не оставьте милостью рабу Божию Веру! Господи! Ты воскрес, так и меня воскреси! Уповаю на тебя, Отче!.. Скупые слёзы из мутных, с голубой поволокою катаракты старушечьих глаз заструились по коричневым морщинистым щекам.

Погасший, казалось, огонёк ожил: оранжевая точка налилась светом, вырвался из неё слабый прозрачный лепесток, угрожающе зыбко покачался на стебельке фитиля и вдруг уверенно вырос, вытянулся, бросив тусклый отсвет на лик Спасителя. Свеча опять загорелась ровно и тихо.

Вера облегченно и глубоко вздохнула.

Она умирала много раз. И каждый раз на удивление врачам возвращалась с того света. Вернул её Господь к жизни и сейчас. Наверное, угодна она ему — кроткая, безобидная, постоянно славящая Господа, никому не причинившая зла...

Охая, поднялась с колен. Больное сердце трепыхалось неровно, глухо стучало в ребра, словно подбитая птица — одним крылом. А мысли вытаивали самовольно из заснеженных глубей памяти...

Татьяна, бывшая когда-то подружкой, отбившей первого Вериного мужа, стала каленкой, избитая им же, и детей обоих произвела на свет Божий каленками, а сам Алексей погиб в автокатастрофе... Брата Леонида, пришедшего однажды в дом к Вере с намерением убить (Вера это точно знала — убить!), через две недели схоронили — умер странно и в одночасье, Вера тогда даже на похороны не захотела ехать, дала только денег две тысячи... А как крутилась по двору, тряся руками, молодая фифа, что пришла тогда якобы из Пенсионного фонда, а сама хотела (ух, Веру не провести, точно — хотела!) завладеть документами на Верин огромный дом! Прийти-то пришла, а зайти не смогла: прижала каким-то образом руку в дверях да обратно за налитку и выскочила в сердцах...

Всех Господь наказал за Веру! Все-е-ех!

Повернула маленькую седую голову со смешной детской челочкой к окнам, где в простенке между ними висела её девичья фотография. Она там такая молоденькая, такая славная — в бархатном платье и лакированных туфельках. Легкая, тоненькая, лицо круглое да гладкое...

Опять хватнула прерывисто воздуха и вытолкнула его из груди со словами: «Господь во мне и я в нём!..»

...А какая бойкая была она девчонкой! Голосистая, певкая, сколько песен знала! А как на балалайке и гармошке играла!

Первый раз Господь её воскресил из мертвых, когда ей только четырнадцать исполни-

лось, жили тогда в Пупышеве. По осени качались с девками и парнями на качелях, песни пели, хохотали залиvisto... Октябрьский морозец щёки пощипывал, весело было! Почему-то руки разжались, летела она метров пять и шмякнулась с размаху на первый ледок утопанной горки. Столько миру плясало у качелей, а случилось это с ней! Ведь неспроста... Потом рассказали Веруньке, как сразу положили её на носилки, потащили бегом на последний парход и — в город. Три недели в сознание не входила, а как только очухалась — запросила гармошку. Принесли — заиграла, запела...

...Вера поставила на газ забрызганный прикипевшим жиром чайник. Охота побаловаться чайком, пока супруг Степка где-то шастает. Взяла с горячей батареи пачку творога. Пачка оттаяла, бумажная упаковка отсырела и некрасиво вслучилась... Вот дрянная продавщица, дала замороженный творог!

За окном июнь супил брови, брызгал в стекло унылым холодным дождём. Мокрые сирени трясли под его каплями сочными тёмно-зелёными листьями и отцветающими блёклыми гроздьями.

Закипел чайник. Вера лenuла в чашку с заваркой кипятку, достала целлофановый пакетик с фруктовым сахаром... «Господь во мне и я в нём!»

...Плохо ей стало как-то резко. Вдруг закрутило в животе, в голове взбухло серое тошнотворное облако, застив глаза мутной пеленой — словно застиранное полотенце растянули перед лицом...

Неожиданно серость рваными ключьями поползла в стороны, словно дождевая туча, освобождая из плена умытое и свежее солнце. Оно торжествующе засияло прямо перед глазами, аж слёзы брызнули из-под век. Щурясь, привычно подняла Вера ко лбу руку для креста и увидела, какая белая и гладкая эта рука! Куда же девалось фиолетовое витьё натруженных вен, сморщенный пергамент дряблой, истончённой кожи с пигментными пятнами?

«Отче наш, иже еси на небесех...»

А мир-то какой огромный! А какой цветной! Словно картинка из махоньких пёстрых стеколок в игрушке, которая называется... ой, как же? Калейдоскоп, вот как! В него однажды Вере предложил посмотреть карапуз, гулявший в парке с мамашкой. Мамашка эта, со своим мышиним крашеным хвостиком на затылке репкой и джинсиках, беспомощно топорщившихся на худенькой попке, сама казалась девчонкой - школьницей...

...Трава-то какая зелёная, как на открытке! И цветы в ней... Звон, словно голубая лужица, семья незабудок, а рядом, посочнее, словно вода поглубже, — озёрышко васильков. А там — белая ромашковая кочка глядит на Веру золотистыми глазами... А тут-то, Господи Боже мой, колокольчиков табунок лиловый! А звенят-то как, звенят — ровно крошечные колокольцы на колокольне медово поют-тренькают...

Ох ты, а юбка у неё почему такая короткая? Аж коленки торчат наружу — белые, круглые, ровные — баские какие коленки-то! Неуж еённые? И ступни босые: голые пальцы с гладкими аккуратными ноготками травинками щекотятся ... Смешно!

Вера вдохнула полной, как не дышала давно, грудью сладко-пряной травяной настой, густым облаком окружавший её, но, вспомнив про капризное сердце, пугливо прислушалась. А как будто и нет его: тихо и спокойно слева в груди, не бьётся с переборами, как ополоумевший от ужаса воробей, знобно цепляя коготками и острыми зазубринами крылышек обветшавшие стенки своего старого гнезда...

Откуда-то сбоку дохнул влажной речной свежестью ветерок, шевельнул детскую Верину чёлку на лбу...

Маленькой девочкой стояла Вера в огромном цветущем поле под бездонным небесным куполом и всё пыталась из-под руки посмотреть на солнце. Её так манил этот свет, но глядеть на него не было сил, резь в венах стала нестерпимой...

...Вера с трудом разлепила слезящиеся глаза, недоуменно повела взглядом вокруг, медленно узнавая собственную комнату. В углу перед иконами, спиной к ней стоял на коленях Степан. Чой-то он, Фома неверующий? Сроду ведь не маливался и на неё все время фыркал за усердие к молитвам!

Унюхала тонкий запах дымка в изголовье, повернула голову и увидела рядом на столе горящую свечку в гранёном стаканчике, воткнутую в хлебный мякиш, чтобы не кренилась. По-

трескивал фитилён, поигрывали на стеклянных гранях, вздрагивая, жёлтые мотыльки света. Удивилась: «Господь во мне и я в нём!».

На стуле — стопка белого белья. Простыни, что ли? Зачем Стёпка выволок их из шкафа? А ись-то как хочется!

— Стё-ёпа, — позвала Вера слабо. — Ись хочу!

И начала вставать с кровати.

Слишком резко дёрнулся от звука её голоса муж, аж коленка состукала по полу. Вскочил с побелевшим и странно перекосившимся лицом, попятился...

С ума сошёл мужик! Вера протянула к нему руки, шагнула подгибающимися ногами и чуть не упала. Ох, как больно царапается в груди воробей!

— Стё-ё-ёпа!

Скорей бы до него дойти да ухватиться за плечо!

Он подскочил сам. Тесня Веру обратно к кровати, бормотал трясущимися губами, не помня себя:

— Веруня, Веруня, ты же умерла! «Скорая» сказала... Я уже и простыни в гроб приготовил... Ложись, ложись, ты же мертвая!..

Вера все поняла.

Воскресил, опять воскресил её Господь! За чистоту души, за добрые дела не оставил милостью своей! Угодна, угодна она Богу!

— Степан, где моя красная кофта? Где красный платок?

Сорок дней теперь носить Вере «кровь христову» в благодарность за чудесное возвращение с того света, сорок дней одеваться во всё красное...

...За окном вдруг убавилось света: жидкие солнечные разливы в поредевших было тучах померкли, задушенные новыми густыми наплывами. Сорвавшийся откуда-то ветер с размаху залепил окну дождевую оплеуху, безжалостно хлопнув форточкой. Отцветающий куст тусклой сирени просыпал на мокрую траву лиловые крохи-крестики — побуревшие и искосившиеся, словно побывавшие в большом огне и оплавившиеся от нестерпимого жара...

ПЕЛ СОЛОВЕЙ...

Рассказ

За окном пел соловей.

Где-то далеко — за кладбищем, под угором, в младенчески чистой зелени ивняка, какая бывает только в мае, за копнами цветущих черёмух, он звенел, щёлкал, булькал серебряным ручейком, призывая подругу, и вдруг, словно захлебнувшись нежностью и страстью, смолкал ненадолго... смолкал, а потом снова начинал свою вечную любовную песню.

Несмотря на свои восемьдесят с лишним, Наталья ещё слышала его — так же, как и тархтенё далёкого мотоцикла, девчоночий смех за поворотом дороги, что грунтовой лентой убегала мимо деревянных заборов к центру их провинциального городишка. Пока ещё слышала. Или казалось, что слышала?..

И потому — внимательно слушала, прикрыв морщинистыми веками плохо видящие, выцветшие от времени глаза и тщательно заправив жидкую седую прядь за ухо.

...Вот также пел соловей шесть десятков лет назад — в такой же светлый, лёгкий, прозрачный вечер — на грани северной белой ночи, пропахшей сладкой горечью цветущей черемухи. Многие стёрлось из старческой памяти, а тот майский вечер Наталья помнит так, словно это было вчера: как привела в свой опустевший с самого начала войны дом Михаила, как оба смущенно молчали, не зная, куда девать руки...

Наталья, сидя за столом, прятала свои неуклюжие красные кисти под край потёртой на сгибах голубой клеёнки, теребила на круглых коленках платье в мелкий синий цветочек...

Потом спохватилась, выставила на стол блюдо картошки в мундире, сваренной с вечера, прихороненный с зимы кусок солёного сала, порезала лук и солёных огурцов — стараясь в привычных, обыденных движениях утопить неловкость, и не зная уже, жалеть о своём поступке или нет.

А Михаил, не смея поднять глаза на неё, суетливо снующую из кухни в комнату, угловато потянулся к вешешку, вытащил банку тушёнки, походную фляжку и разлил спирт по гранёным рюмкам, которые поспешила выставить Наталья, едва завидев эту потемневшую, слегка помятую фляжку. Такая же, наверное, была и у её мужа — у Серёженьки...

После первой же — за Победу — жарко запламенели Натальины щеки, гулко заухало сердце...

Как яблоки, хрустел на зубах ядрёный красный лук, вышибая из глаз слёзы, вкус тушёнки почему-то напомнил о родительском доме, об отце... Из жёлтых, уже мягких огурцов брызгал укропный рассол, и от него нестерпимо жгло губы...

Наталья отогнала воспоминания о муже, о похоронке, спрятанной в комод — подальше, чтобы даже случайно не наткнуться на неё и не увидеть снова страшные слова и дату: 1 июля 1941 года.

– За тебя, — тихо произнёс Михаил, поднимая рюмку во второй раз.

Солнечный блик сверкнул на одной из стеклянных граней и на миг ослепил Наталью. Боль, прочно и привычно угнездившаяся где-то слева под одним из рёбер — с того самого дня, 1 июля 1941 года, вдруг отяжелела, расплылась, заняв собой всю грудь, тяжёлым комом заподнималась к горлу.

Наталья кивнула в ответ Михаилу, не в силах произнести ни слова, и торопливо опрокинула в рот рюмку. Задохнулась на несколько секунд, а когда отдышалась — поняла, что боль отхлынула от горла вместе с обжигающей волной спирта.

Она подняла глаза на Михаила и наткнулась на его взгляд, и от того, что она увидела в этом взгляде, словно неожиданно погрузилась в тёплый, ласковый поток. В глазах его плескалось такое понимание и такая по-братски искренняя жалость к ней, что боль в груди, свернувшись в маленький клубок — почти горошину, перестала быть ощутимой.

...Что это было? Почему?

Сначала всё шло так, как и должно идти, как было с Серёженькой — ещё до войны: сумасшедшее затмение от его губ и рук... огонь, сладко прожигающий насковзь грудь...

И вдруг брызнули слезы. Наталья истерически рыдала в голос, безудержно, каким-то уголком сознания понимая, что эти слезы — странные, непривычные, им неоткуда было взяться, потому что до последнего мига ей было так хорошо!..

А Михаил, крепко прижав её к себе, влажную, сотрясающуюся от рыданий, гладил молча спутанные её волосы и ждал, когда слёзы кончатся.

Казалось, что их было очень много, но они кончились быстро.

Наталья облегченно и просветленно всхлипнула последний раз... И почувствовала: с солёной водой выплеснулась изнутри тяжесть — тёмная, муторная, болезненная, копившаяся, пожалуй, не один год.

Пряча мокрое лицо, она виновато прижалась к широкой и тёплой груди Михаила...

– Девочка моя, почему ты меня выбрала?

Его горячая, сухая ладонь, большая, шершавая и ласковая, лежала на её белом плече, и тонко, по-детски беззащитно возраживала в нежной ямке её ключицы голубая жилка...

– Мне стало тебя жалко... очень жалко. Ты был таким потерянным, таким одиноким...

– Мне некуда было идти с поезда... вернее, дом остался, но там никого не было, соседи написали, что дом заколотили до моего приезда... а мне было страшно туда идти — в пустой, заколоченный дом, где нет ни жены, ни сына...

– Прости, я ничего не знала...

– Колюнька утонул в 42-м, а Глафира умерла от воспаления лёгких через полгода, простудившись на лесозаготовках...

- Господи!.. А мой Серёженька погиб в первом же бою...
- Но как ты решилась позвать меня, незнакомого, к себе?
- А как ты решился пойти ко мне, незнакомой?
- У тебя были такие ищущие, такие умоляющие глаза... мне тоже стало тебя очень жалко... и ты такая красивая!..
- Красивая? Я?
- Да, ты... у тебя удивительные глаза — чистые и ясные... и такие губы, что хочется поцеловать...
- Целуй...

Почему с возрастом человек становится сентиментальным?

Чем дольше мы живем, тем больше событий, в том числе и хороших, оставивших в душе яркий след, оказывается в прошлом. И уже потом, когда во второй половине жизни нам встречается что-то, хотя бы одной, самой маленькой деталью напоминающее об этом хорошем прошлом — пусть мы сами уже и забыли, но душа-то помнит! — и она, душа, вспоминает. И жалеет о том, чего уже не вернуть и не повторить.

Вот, наверное, откуда эти непрошенные, сентиментальные слезы при виде милых пустыков...

Такие слезы часто появлялись, когда по весне Наталья слушала соловья.

Она снова и снова вспоминала первую встречу с Михаилом, вспоминала, как бежала с рвущимся из груди сердцем на станцию — встречать поезд с возвращающимися с фронта мужиками — хотя на дне самого нижнего ящика комода, под старой розовой скатертью покоилась похоронка... Наталья знала, что её молодого мужа, её Серёженьки, с которым прожила-то всего ничего, даже ребёночка не успела завести, — среди прибывающих нет: он лежит в мёрзлой северной земле где-то недалеко от городка с названием, отдающим ледяным холодом, — Полярный. Упрямая, назойливая, мучительная мысль: «А вдруг?» — обжигаете билась внутри черепа, больно отдаваясь в висках...

Вспоминала, как схлынул поток приезжающих и встречающих, и на шербоатой бетонной платформе остался стоять один — худой и сутулый, с тоскливым взглядом несчастного, не знающего куда идти человека. Сияли одуванчики у края платформы, ошалело чирикали воробы на тополе, в тени которого стояла Наталья. А у ног солдата, возле его выдавших виды кирзачей, распластался чернильным пятном оброненный кем-то и раздавленный цветок — такие росли под Натальным окном и назывались сладко и по-детски — ирисы...

Движимая нестерпимым порывом жалости к этому одинокому человеку, к распотанному цветку, к себе, которую никто не ждал дома, она вдруг подошла к стоявшему, взглянула в его усталое лицо и произнесла почему-то шёпотом:

– Пойдём... ко мне.

Несколько мгновений он растерянно смотрел ей в глаза, потом кивнул согласно.

И они пошли.

Наталья улыбнулась своим воспоминаниям, дрожащей рукой вытерла слезящиеся глаза...

...Мишенька был старше её на десять лет и оказался золотым мужем, ласковым, заботливым, трудолюбивым и немногословным. Наталья родила ему сына и дочь, пестовала детей и супруга, но в бабьих её снах иногда приходил Серёженька — золотоволосый, голубоглазый, юный, и Наталья вспыхивала, кидалась к нему, а то и плакала, а проснувшись, чувствовала себя виноватой перед первым мужем.

Но поворачивался к ней Михаил, обнимал во сне, и она, вдыхая родной запах его кожи, понимала: это он — её кровинка, её судьба, отец её детей.

...Они прожили вместе почти четверть века. Первая внучка, Манюшка, уже училась в школе, а второй внук, белоголовый и звонкогласый Валерка, начал тыкать пальчиком в книжки, узнавая буквы, когда Михаил — как-то промозглым октябрьским вечером — неожиданно схватился за сердце. «Скорая» увезла его в реанимацию, и в пять утра Наталье, просидевшей в приёмном покое больницы всю ночь, толстая медсестра с печальными глазами сказала:

– Мы сделали всё, что могли.

Наталье чуть-чуть не исполнилось тогда пятидесяти. С тех пор она больше не смотрела на мужчин. Молча, безропотно везла свой воз — работа, дом, дети, внуки, огород...

Потом — дом, огород, правнуки...

Потом осталось окно, скамеечка под ним, нагретая солнцем... и воспоминания, воспоминания...

И вот снова — в который раз! — она мысленно прокручивает перед собой прошлое.

Поёт соловей — далеко, где-то за кладбищем, под угором, в нежно-зелёных зарослях ивняка. Тикают на лакированном журнальном столике, рядом со вчерашней газетой, часы, с каждым звонким щелчком превращая будущее — в настоящее, а настоящее — в прошлое...

...И вдруг за окном она увидела Михаила — её любимого Мишеньку, оставившего её более двадцати лет назад, — только почему-то молодого, всего лишь с лёгкой сединой в густых волосах. Он стоял на краю шерботой бетонной платформы, улыбаясь и не сводя с неё ласкового взгляда, и, словно в замедленной съёмке, молча махал рукой, маня к себе... Под ногами его распластался чернильным пятном раздавленный цветок ириса. И снова сияли одуванчики у края платформы, снова ошалело чирикали воробьи на тополях...

А может, это был Серёженька?

Вдали — там, где сходятся у горизонта рельсы, появилась точка, она быстро приближалась и росла. Вот она превратилась в страшно ревущий огромный, чёрный локомотив, который нёсся прямо на Наталью... А Михаил всё с той же ласковой улыбкой звал её и что-то говорил, но голос его терялся в рёве паровоза...

— Сейчас, сейчас... иду, родной мой... — она хотела встать, но вместо этого вдруг бесильно опрокинулась назад и повалилась со стула...

...Она лежала на полу, и незакрытые её глаза были устремлены в окно, за которым пенился цветущей черёмухой нежный майский вечер, где звенело серебряное, торжествующее пение соловья...

Соловей пел о любви.

ПРОСТИТЕ МЕНЯ...

Эссе

Родителям посвящается

«Господи, упокой душу раба твоего Павла. Прости ему все-все прегрешения, вольные и невольные, и даруй ему царство небесное...»

Кланяюсь холодильнике, над которым на деревянной полочке — маленький, с плохо видимым мне лицом в бледно-жёлтом сиянии картонный Спаситель. Нимб его выгорел от лампы дневного света напротив, а размытый лик чуть заслоняет от меня выгнутый, сочный лист хлорофитума-выскочки. Если цветок отвернуть, то листья его с другого края будут касаться горячей трубы отопления... Жалко. Лучше я встану правее.

За окном жалостливо шумит мокрой голой берёзой ветреный вечер тридцать девятого дня отцовского отсутствия на этом свете. И каждый вечер я читаю несколько псалмов из псалтири. Читаю, а в голове клубятся обрывки мыслей, разноцветные куски картинок прошлого — жёлто-голубого давнего и бесцветного только что отошедшего...

...Когда отец слёг, я сразу поняла: это всё.

Он тоже понимал. И, наверное, был готов. Тихо, с покойным равнодушием отказывался от еды и исходил на понос — брэнное тело очищалось перед великим таинством и переходом в иную ипостась, не в силах больше сопротивляться напору болезни. Гадкая опухоль, долго и незаметно жившая в тощем отцовском теле, распухла, расплзлась по организму и сейчас с торжеством довершала своё чёрное дело, чтобы через несколько дней стинуть под слоем сырой кладбищенской земли вместе с дряхлой старческой оболочкой, которая ещё недавно была моим отцом...

«Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Слава тебе, Боже!..»

Два года назад отец точно так же слёг. Врачи, смотревшие его, вполголоса говорили мне скорбно: «Готовьтесь». Но я не верила. Пригласила батюшку — чудесного, светящегося неземным светом отца Иоанна.

Накануне батюшкиного прихода мы тщательно готовились к исповеди — вдвоём до самой полуночи с помощью специальной книжицы «Для кающихся». Я записывала отцовские грехи на три листка: «против Господа», «против ближних», «против себя».

– Дед, скандалил, обижал, оскорблял ближних?

– Что ты! Не было такого!

– Ой, дед! А помнишь, как с мамкой ссорились? А помнишь, как сестру, ещё маленькую, ремнём лупил?

Он снижает, морщится, как от боли...

– Пиши, грешен...

– Был жесток к животным?

– Да что ты, не было такого...

– Ой, дед, а помнишь, как кошку в лес увёз, выбросил? Я совсем маленькая была, а помню...

Он снова морщится...

Перед батюшкой отец плакал как ребенок, захлёбывался слезами, а через пару дней после исповеди и причащения встал на ноги...

...Да, случай с кошкой был. Она заразилась глистами и отец отвёз её в лес. Через несколько дней мы провели нашу Мурку, и она откуда-то сверху, из кроны высоченной берёзы мяуканьем встретила нас. Ах, как жалко её было!

Мы жили тогда в Казахстане, на родине отца, в привольной лесостепной Кокчетавской области, которой сегодня нет на карте, остался только город Кокше-тау. Именно там, в промежутке между четвёртым и девятым моими летам, я начала познавать мир. Зимой над ним гудели свирепые бураны, заметающие порой входную дверь нашего дома, а летом мир этот был наполнен сухим солоноватым ветром, блеском озёрной воды. Наше село Володарское окружали, словно три огромных голубых чаши, озёра — солёное и два пресных — Аир-тау и Эмон-тау. Почему-то название солёного озёра никогда не звучало в нашей семье, хотя из всех трёх оно было самым ближним — всего-то перебежать две улицы, спуститься по теплой тропке, ныряющей с круглого глинистого обрыва вниз, пробороздить босыми ногами горячий красный песок (или супесь, или суглинок, — что мы, маленькие, знали?) с расползшейся по нему жёлто-зелёной рябью ползучих цветочков — «куриной слепоты», и вот оно — озеро. Нестерпимо сверкает на солнце зеленоватая вода, противоположный берег видится мне далёкой-далёкой узкой полосой, таинственной и недосягаемой. После пятилетнего купания в этом солёном озере я долго не могла привыкнуть к речным удовольствиям Сухоны, к ее течению, вредному, вечно сносящему в глубину, к тянущей на дно тёмной и мутной воде, к скользким брёвнам-топлякам под ногами. Всё купание в реке сводилось к сплаву по течению и возвращению назад — ногами по дну — на исходную позицию напротив одежды, оставленной на берегу...

«Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!»...

...Зря тогда «скорая» забрала отца в инфекционное отделение. Накачали там его каплями, вырвали из сладкой колыбели покоя и вернули — злого, с пролежнями на костлявых ягодицах — умирать дома.

И только когда он перестал дышать, это случилось на моих глазах, лицо его разгладилось, посветлело, разбежались куда-то морщины, брови чуть удивлённо приподнялись... Я так давно не видела у него такого выражения — хорошего, спокойного, и даже это лёгкое, детское изумление делало его ещё лучше, легче, светлее. И красивее. Он словно помолодел на много лет.

...Зарычал холодильник, выдавая очередную порцию холода своему объёмному нутру, где в самой верхней камере мёрзла в пластиковых пакетах смородина с кустов отцовского огорода. Снаружи по оконному стеклу хлопнул сырой ладонью октябрьский ветер...

Куда приберёт Господь отцовскую душу завтра? Куда отправит? Осмелилась ли в первые два дня его душа, вылетевшая из иссохшего больного тела, проведать далёкую солнечную

родину, по которой беспрестанно скучала под морозящими вологодскими дождями? Или сиротливо жалась в комнате, глядя, как моют и одевают её измождённую телесную оболочку, как пишет протокол осмотра юный милиционерик, по долгу службы вынужденный заниматься столь неприятным для него делом... Как дочери, сами уже тётки предпенсионного возраста, жгут свечки, как беспоянно спят ночью со светом...

Узнуть бы, как после поклонения Богу на третий день показались освободившейся душе приятные обители святых и красота рая, которые ей должно посмотреть в течение шести последующих дней. Что претерпела она, когда месяц ещё потом носилась, трепеща, по кругам ада?

Завтра определится её место на том свете...

«Господи, милый Господи, даруй душе нашего деда царство небесное! Я тебя очень прошу, Господи!»

...А какой орёл он был! Прямой, быстроногий, лёгкий... И лицом нисколько не похож на вологодских мужиков — красавец! Не пил, не курил...

Так и не оправился после маминей смерти — таял, таял, теряя интерес к жизни...

А мама приснилась мне сегодня. Я шла в зелёном просторном поле, и в солнечных бликах бесшумно разбегались в стороны травы. Долго догоняла маячившую впереди родную фигуру. Господи, как я соскучилась по тебе, мама!

А она плыла легко по такой же зелёной, как поле, дороге и натила красную детскую коляску — в похожей на неё как две капли воды «выездили» свои самые первые годины мои сын и дочка.

В этой тоже лежал малыш. Незнакомый и одновременно такой близкий, знакомый до самой последней ямочки и складочки, такой любимый, так забыто и вкусно пахнущий сгущёнкой! Девочка или мальчик? Он улыбался мне, и по-взрослому всё понимающий его взгляд счастливо и больно жёг моё сердце...

Может, это тот самый, которого высрестили из меня в тот злополучный год, много лет назад? Которого я хотела родить, но не решилась, потому что первенцу ещё не было года, потому что перебивались с копейки на копейку, потому что мотались по частным квартирам, не имея собственной... Как жутко пахнуло на меня нашатырём, когда я на ватных ногах вошла в кабинет, откуда только что вывели родку потную, без кровинки в лице молодайку в рубаше с пятнами крови на подоле. На эту боль я шла как на смерть, не помня себя от страха... Но никакой страх и никакая боль не искупит мою вину перед тобой, мой маленький, а может, маленькая! Прости, что лишила тебя земной жизни, и тебе пришлось остаться вечным младенцем... Но я вижу, как любит тебя бабушка, как улыбается тебе, как смотрит в твоё белое личико...

А души детей, убитых матерями во чреве, проходят испытания? Или сразу становятся ангелами? Маленький, а с дедом ты уже познакомился? Или ему пока не до тебя?

«Во имя Отца и сына и Святого Духа...»

...Мама рассказывала, как тяжело я ей досталась.

Родилась я ночью. Крупная, откормленная, долго не могла найти ворота в этот мир, а когда нашла — они оказались мне тесны. Но я всё-таки появилась на свет — большая, красивая, четырёхкилограммовая... Акушерки меня унесли, а роженицу оставили на столе. А она, как потом нам рассказывала, замирала. Наверное, её измученная душа уже отделилась от тела и из последних сил полетела попроситься с оставленными дома молодым мужем и пятилетней дочкой — моей старшей сестрой. Потому что именно в эти минуты она разбудила спящего отца — он тоже нам всем об этом не однажды говаривал. Вот так: просто вошла через запертые на крючок двери, включила в комнате свет и позвала: «Павел!».

Он соскочил с кровати, кинулся к ней: «Зоя!».

А она исчезла. Испарилась. И вместе с её исчезновением померк свет. И в темноте маленькая сестра заплакала тревожно: «Папа, где мама? Нету мамы!».

...Ах, сколько запахов мама приносила с работы! Работала она продавцом в продовольственном магазине, зачастую стояла на хлебном отделе и домой приносила запах хлеба, а вместе с ним, в клубах морозного воздуха — запах свежести, снега и улицы, запах радости и любви. Столько лет прошло, а я помню эту волнующую смесь, которая щекотала мне ноздри и заставляла беспричинно смеяться.

Потом, через много лет, после смерти мамы в родительской квартире поселился совсем другой запах — непроветриваемой влажности (дед наглухо задраил все форточки, боясь сквозняков), старых затхлых валенок (у него всё время мёрзли ноги), лёгкого дыма (печки топились даже летом)... Сиротливый, неприятный запах одиночества. Наши еженедельные воскресные наезды не могли его выветрить, и он тоскливым налётом прочно осел во всех углах и на стенах. И на шторах, которые дед любовно стирал и гладил — «Зоины шторы!». И на геранях, которые он щедро поливал — «Зоичка их любила!». И на вышивках в рамках под стеклом, которые он постоянно обтирал — «Зоя вышивала!». Когда я хотела убрать из шкафа мамино бельё, дед воспротивился: «Пусть лежит!». И я вдруг поняла: ему легче так, когда на бельевых полках — привычные стопки чистых маминых халатов и платочков, аккуратно свёрнутых. Иллюзия присутствия...

Сейчас вы вместе, родные мои! Я бы рада попросить у вас прощения за то, что не так, не столько и не тогда любила вас, но как это сделать? Как?

Простите меня...

«Как многогранны свойства человеческой памяти!..»

Юрий Опалев

Как удивительны, как многогранны свойства человеческой памяти! При всём при этом современный мир, заполненный постоянно меняющейся чередой событий и образов, остаётся для нас каким-то унылым серым «рядном». Но каким лучезарным светочем являются нам события и добрые образы, извлечённые таинственной памятью сердца из золотой пыли былых времён! Скажите, ну разве не так?!

Я родился в 1944 году в Забайкалье. Годы моего детства прошли там. Прекрасно помню далёкую таёжную синь за широкими озёрными плёсами, и замшелые валуны, и сопки, и скальные тропинки с минеральными источниками. Там суровые, но добрые старожилы учили нас, мальцов, законам жизни и первым истинам бытия. Мы были детьми войны, а потому и житуха наша была неприютной. Помню, что за лакомство почитались у нас краюшка, размоченная в искрящемся минеральном источнике, да колотые кедровые орешки.

Те первые опыты жизни и те неизживаемые образы, скорее всего, и оказались в основе написанных повестей «В Чернолесье не без зверя», «След стреляного зубра».

Потом в моей судьбе был переезд семьи в шахтинский посёлок, что гнездилися своими бараками среди колючей проволоки и вышек многочисленных лагерей. Там, аж до 1969 года, и пришлось вместе со всеми прожить и сталинские пятiletки, и прочие краснознамённые времена.

В дальнейшем в моей жизни появился достославный наш Великий Устюг, где прошли мои отрочество и юность. В этом городе я впервые узнал цену честным трудом заработанных денег. Здесь закончил вечернюю среднюю школу. Отсюда я ушёл на службу и с 1963 по 1966 год служил в погранвойсках КГБ СССР, охранял западную границу нашей Родины.

На самом-самом краешке нашей земли, на заставе, и появились мои первые рассказы и очерки о государственной границе и о друзьях-солдатах: «Тревожное порубежье», «Солдат Иван», «Застава», «Цитадель мужества» и другие. Командо-

ванием части я был назначен внештатным корреспондентом газеты «Советский пограничник». Многие годы спустя, по воспоминаниям я продолжил свои рассказы и повести о границе. Так вышли в свет «Повесть о трёх Георгиях», «След стреляного зубра», «Золотая граница».

После суровой солдатской школы и увольнения в запас я поступил на интереснейший географический факультет Вологодского государственного педагогического института и все пять лет с великим интересом изучал курс наук о Земле и обо всех существующих и происходящих на ней природных и общественных явлениях. В своём рассказе «Золотинки» я с удовольствием вспоминаю те счастливейшие годы студенческой молодости.

После окончания института, в 1973 году, я был призван на службу в органы МВД СССР. Моя служба в погонах офицера-политработника уместилась в 21 календаре нашей жизни. За эти годы по служебной обязанности мне надо было сотрудничать с редакциями областных, районных газет и всесоюзным журналом МВД СССР «Воспитание и правопорядок». На их страницах появились рассказы и очерки «Слёзы на апельсинах», «Потерявший имя своё», «Третья зарубка», «Блудный сын».

После выхода в отставку работал много лет в редакции радио и одной из районных газет. Несколько лет назад написал и издал книгу «Ниточка».

Что ещё можно рассказать о себе?

Многие годы имею честь быть членом Великоустюгского литературного объединения «Северок». Достойные, простые и талантливые люди входят в его состав. Их стихи, очерки и рассказы можно увидеть в коллективных сборниках. Как сказал великий русский баснописец И. Крылов, «не отличать ишу свои работы, но счастлив буду тем, смотря на наши соты, что в них и моего хоть капля мёду есть...».

В ЧЕРНОЛЕСЬЕ НЕ БЕЗ ЗВЕРЯ

Повесть

ДОМ ТАЁЖНОГО ОХОТНИКА

Там, где чистые струи древнего Ямара звенят своими студёными ключами, в кедровом распадке приютился крепкий пятистенок деда Колотуна. Дед был охотником-промысловиком, и дом его отстоял от прочих домов потаённым особняком. Прокаленная под венцом благодатной сибирской теплыни темная кондовая твердь его стен пахла удивительным теплом янтарных капель лиственничного смолья и хозяйского очага.

Детских садов и школ в посёлке на бывало и в помине, а потому детские наши радости были просты и незатейливы.

Вдоволь накувыркавшись однажды среди розовеющего багульника, мы дружно скатились по склону сопки и собрались у завалинки нашего знаменитого деда. До сих пор я помню, как лицо его, тронутое застарелыми оспинами, за прокуренными морщинами светилось неподдельной стариковой радостью:

— А-а-а... Ну, входи, входи, пашшата. Сядем рядом да покалякаем ладком...

— Дед, а дед! А почему тебя Колотуном зовут?

— А потому и зовут, как здоровше всех молотом по кедру бил. Как колону, бывало, по стволу дерева — так мешок шишек с орехами доверху накладывали — во как!

Огольцы наши разновозрастные хихикали, шумно утягивали в себя из своих носов всё их содержимое и не унимались.

— Дед, а дед?

— Оу!

— А чё ты один-от живёшь?

— А я ведь и не один. Сыны у меня — Юрко да Лёнька. В военной академии учатся. В Москве, во как!

— А они на войне были?

— Обое были. Вернулись, слава Богу, не раненые, не покалеченные!

— А почему, а, дед? Наш-то батяня без ноги из Берлина вернулся, а они — целёхонькие?

— Эх, малец, малец, святая ты простота, да ведь тут целая история. Долгая-предолгая...

Ужо вот расскажу как-нибудь!

— Расскажи, деда, расскажи! — пищали наши подружки Нинка и Зинка.

— Ладно, садись, буди, на лавку, орлы! Только, чур, сперва народ лесной изобиходим.

Вместе с ним мы поили козым молочком маленькую кабаргу и кормили кедровыми орешками однолапого бельчонка.

— Вот теперь — ладно!

Рассказчик наш поправил теплящийся в лампадне огонёк, одарил нас кусочками колото-го рафинада и начал повествование ещё никому не рассказанной повести...

ЮРКО И ЛЁНЬКА

Это было очень давно.

Громыхающая лозунгами колесница революции с неукротимым напором катилась по скорбным шляхам русской земли. И никто не видел или не хотел в те годы видеть, как «воды мёртвых обочин» капля за каплей наполнили горькую чашу жизни, как лыком подпоясанное народное неустройство злым чертополохом зацвело на лоне людской судьбы...

Семья обрусевшего отпрыска польской фамилии — бывшего пана Околовича, гонимая преследованиями органов НКВД, голодом и разором, оказалась у Забайкальских перевалов, среди стылых горных валунов да дико воющей в безвестных таёжных даях снежной круговерти.

Неприютная судьба, опоясанная нищенским лыком, шла и шла следом горестной своей поступью...

По причине тяжёлой болезни родителей их высадили из вагона на заброшенном забайкальском полустанке. Тяжёлое обличье болезни миновало Юрка и Лёньку, но отец и матушка их добрая умерли от сыпного тифа в неприютном фельдшерском пункте таёжного посёлка. Там, в стылой земле скального погоста, и закончился безвестный путь бывших блистательных шляхтичей. Ни единая живая душа не знала, не ведала о том, что в ватном подкладе за трапезной и рваной куртки отца семейства лежали бесчисленными рядами чистейшие бриллиантовые камушки в окладах из красного золота... Покойный глава семейства намерен был тайно переправить семью в Австралию. Там многие-многие годы в тепле, безбедности и довольствии жили его родичи, помышлявшие о желанной встрече...

Санитары медпункта, опасаясь заразы, лихо зашвырнули злополучный ватник в гудящее пламя больничной топки и сердито захлопнули двери перед трясущимися мальчишками:

— А ну, марш отседава, шантрапа!

...В стылом, насквозь прохваченном иглистой изморозью станционном тепляке Юрко и Лёнька очнулись от неожиданного густого дегтярного духа охотничьих «ичигов» да весёлого переплеса пламени в станционной «буржуйке».

— Эй, огольцы, ну чего тыкаетесь друг в друга, ровно котятка перед прорубью? Намерзлись, поди? — могучий бородач сбросил с себя полушубок и со спокойной усмешкой раскурил трубку.

По забытому людьми кособокому бревенчатому полустанку растёкса дух теплеющего листовничного смолья, горячего, сдобренного медовухой сибирского чая да копчёной бараньей грудинки.

— Вижу, шибно вы настрадались! Присаживайтесь-ко, давай, ко столу, чем богаты, тем и рады. Подкрепитесь да расскажите мне, откуль вы, странники заблудшие?

Вот так, за скальной высотой Яблоневского хребта, в маленьком таёжном поселке с непривычным бурятским названием сошлись судьбы бессемейного охотника и осиротевших, гонимых от родимого очага Юрка и Лёньки.

Шел 1932 год. Зима стояла по-особому лютая. Крепкие прозрачные наледи спаяли ледяное крошево притоков Шилки. Жизнь в Кедровом распадке замерла. Из неупиваемой зоревой чаши небес на замершую в стылом покое рать таёжных великанов-кедров, на причудливо заснеженные глыбы горных останцов струился всепоглощающий знобящий холод. Щедрой, незримой мерой он ровно и мощно растекался по закоулкам горного края...

Слава Богу, у дядки Колотуна в тёплой хлевушке содержалась пара дойных козлушек. Вдоволь напивавшиеся парным молоком да сотовым мёдом, Юрко и Лёнька стали заметно крепнуть. Селяне дивились, видя, как страхолюдный в своей одинокой суровости охотник-промысловик денно и ночью пестовал несмышлёных приёмышей. Все знали, что в двадцатые годы, когда банды генерала Унгерна гуляли по горным долинам, страшной, нелепой смертью погибла вся семья охотника: пьяные головорезы с визгом и воем на конном скаку изрубили всех саблями и умчались, оставив на лепестках горных ромашек алую тёплую кровь...

— Доброго тебе здоровья, соседюшка! — искренне приветствовали Колотуна таёжные старожилы. — На-ко вот мальцям твоим сапожники!

— А я дам им бродану. Медведя навелет прошибает. Пускай учатся в тайге жить!

— А мы тут одежонку им наладили. Поди, согдится!

Дядька Колотун принимал все это, и непроницаемые черты его под поседевшими прядями светились в ответ бесхитростной радостью:

— Спаси вас Господи, люди добрые!

ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ — НЕ МАЧЕХА

Шли годы. Юрко и Лёнька многому научились. Духом мужественных жителей таёжных просторов да кремневой крепью забайкальской земли напитались их душевные и телесные силы.

Стройный, мечтательный Юрко мог уверенно ходить по тайге и неожиданно рождённым даром следопыта читать книгу лесных тайн и таинств. Розовощёкий, кучерявый здоровяк Лёнька из карабина дядьки Колотуна или берданки научился с единого выстрела бить белку в глаз. Братья часами пропадали в тайге. Древние родники Баргузина струились по замшелым валунам, играли искристыми фонтанчиками прямо у их ног, заставляя замирать от невиданного дива.

— Ух ты-ы... Вот это — да!

— А это ты видал?

...Кусок многожильного кварцита перед удивлённым их взором сиял на солнце лучезарными гранями. На лежалом ковре лиственничного опада они дышали ароматом багульного цвета и с отрадной тоской вспоминали о былой жизни.

— Хорошо здесь, правда?

— Да... Только мне дом наш часто снится. И маменька, и батяня!

— И мне тоже!

— Яблоньки у нашего дома, поди, уж отцвели, а?

— Да...

— А как Трезор наш там живёт?

— Не знаю.

— А с нами чё дальше будет, а, Лёнька?

В мягких кожаных ичигах дядька Колотун неслышно подобрался к ним, притихшим от раздумий, и положил широкие заскорузлые ладони на плечи своим горьким приёмышам.

— Ну, чё загрузили, пашшата? Или тайга наша мачехой вам глянется, а? Тяжко мне одному жить... Молился я, кабы детинушек мне Бог послал. Вот вы у меня и появились! Дак сказывайте, давай: сыны вы мне или не сыны?

— Сыны... — голоса мальчишек дрогнули, и оба они с благодарным послушанием припали к широким плечам своего покровителя.

— От так-то оно лучше, теперь нам и горе — нипочём!

В ЧЕРНОЛЕСЬЕ НЕ БЕЗ ЗВЕРЯ...

По склонам сопок в предвестии частых летних гроз щедро и духовито раскрылся изумрудный полог молодого кедрача.

— Богатый урожай ноне будет, — радовались жители посёлка.

— Да, без ореха не останемся!

Между тем лихо, семью ветрами носимое по вольным долам бескрайней Сибири, докатилось и до посёлка. Вновь заявила о себе в тех забытых властями краях заблудная уголовщина... В ущелье Дарасунского хребта уполномоченные НКВД нашли труп жителя посёлка. Это был артельщик Умывакин, отправившийся несколько дней назад на поиски женьшеня за глухим Дарасунским перекатом.

Мужики усиленно «табанили» самосад и в сдержанном шёпоте пересуживали меж собой событие:

— От дожили! В тайгу теперь с оглядом ходи, а?

— Да... Верно говорят: в чернолесье не без зверя, а в людях — не без лиха!

- А, промежду прочим, Умывакин-от вовсе не за корнем пошёл.
- А за чем?
- Отправился он «втихую» на перекаты «рыжье» мыть. Вот и намыл...
- А... И то правда! — согласно закивали мужики, потому как каждый из них знал, что золотишко, ежели постараться, можно в тех горных речушках найти ядрёное...

* * *

Осторожно раздвинув стволом винтовки лесной подрост, из зыбко качнувшейся тени вышел человек. Сбросив с головы капюшон исхлестанного дождевика, он смахнул паутину с прокопчённого лица и устало протянул ладони под капли родникового останца. Угрюмый тягучий взгляд воспалённых глаз цепко, метр за метром оцупал, отмерил вёрсты синеющей таёжной дали. Там, за перевалом, проходила китайская граница. Путь его лежал туда...

Капли, играющие радужным цветом, упали сквозь дрогнувшие пальцы, и человек в холодеющей глубине Родонового озера увидел, как в его зыбком отражении из-под проседи волос тлеет, мерцает и остервенело мечется холодный огонь покрасневших глаз.

Он давно уже не был преуспевающим акционером российской золотопромышленной компании господином Яроурцевым. Был он сейчас бандитом и застарелым уголовником по кличке Ярый.

Побег из лагеря оказался трудным. Десятый день, словно зверь, уходящий от стаи гончих, Ярый в злбном запале шёл напролом по чернолесью горной тайги, имея вожделенную думу о тайном переходе за кордон. Он шёл не один. За спиной его спутника — детины с рожей прыщавого упыря по кличке Молчан — болталась котомка с крошечком ржаных сухарей, топор, котелок да винтовка убитого конвоира. Карабин и револьвер другого охранника хладнокровно присвоил себе бывший золотопромышленник...

Проводник, уводящий их от погони, был убит на второй день побега в перестрелке с чекистами. Ярый знал, что сейчас надо набраться сил, обсушиться после перехода по тягучим пльвунам и хорошенько помозговать: как быть дальше? Жилистая сила играла желваками на широкой кости отяжелевших скул.

Он сидел у замшелого валуна и с отвращением торопливо перемалывал челюстями копчёное мясо кабарги.

- Ну, куда ты завёл меня, а, корявая рожа!
- Не сомневайсь, Ваше благородие, в аккурат вот и вышли к той самой Кедровой пади.
- К какой такой еще пади? Ты ополоумел? Нам нужна дорога к китайской границе! Где тропа, про которую проводник говорил?
- Э-э... Не балуй, ваше благородие! С 22-го года дробим мы с тобой кайлом сибирские камни, а кроме поганных лагерных кличек ничё у нас и не бывало... Нешто за границу надо нам с пустыми руками иттить?
- Ты! Мокрушник окаянный! Ты же два дня назад бедолагу какого-то грохнул и камушки желтые по карманам рассовал!
- Да то, чё мы взяли у понявы заблудного из посёлка, — слезы козы, а не «фарт»! Настоящий «фарт» — тут, неподалёку.
- Не мямли, говори, бродяга! Знай одно: времени у нас нет. Чекисты идут по следу!
- Тут, на Ямаре, поселок был в 22-м году. В поселке — церквушка...
- Ну и что?! — Ярый нервно крутанул стрелочущий барабан нагана.
- А то! Там у попа ихнева икона написаной красы была. Вся в камнях бриллиантовых и золоте! Охотился я за ней тогда, да не вышло, сорвалось. Поп куда-то далеко ее упрягал! Нахлобучив на голову драный треух и выпучив глаза, Молчан приблизился к своему спутнику, в свистащем шёлоте обдавая тому лицо духом гнилозубого рта:
- Взять бы сейчас, а, ваше благородие? Век житуха безбедная была бы, а?
- Ярый откинул недоеденный шматок затхлой козлятины и задумался: «Нет, что ни говори, а эта мокрушная сволочь, пожалуй, права! Надо попытаться...»
- Запрокинув карабин за плечо, он рванул Молчана за рукав:
- Веди!

ПОД ПЕПЛОМ И СВЕТА НЕ ВИДАТЬ...

В деревенской церквушке, окружённой скорбными крестами могил, праздновали Троицын день. Под образами тихо теплились лампы.

Юрко и Лёнька, затаив дыхание, разглядывали трепетное дрожание огоньков, золотеющих в зелёном убранстве.

— Глянь-ко, а? Чудо-то какое!

— А мы раньше и не видали...

Неслышно ступая, к ним подошёл старенький батюшка Савватий, облачённый в праздничное церковное одеяние.

— А-а! Рад видеть вас, отроки! От чистого ли сердца зрят очи ваши? Крещёны ли вы?

— Не-а... Издалена мы, а там у нас в школе никто не крестился.

— Ах, бедные вы, бедные мои! Приходите сюда почаще, а то под пеплом житейским и вы света не увидите. Так и останетесь в неприюте мира сего!

— А про какой такой свет вы сказали, батюшка?

— Э-э, отроки! Свет в храме — это от свечи, а свет в душе — это от молитвы. Того вам и жаляю.

— Как это?

— Вот перед вами образ чудного святого — Николая Чудотворца. Молитесь ему, и он поможет вам увидеть этот удивительный свет и спасёт во всех испытаниях!

Священник прикоснулся теплой ладонью к лицам отроков, и тихая улыбка утаилась в его седой, словно от серебра веков белеющей бороде...

КАК ЛЕС НЕ ГУСТ — СКВОЗЬ ДЕРЕВЬЯ ВСЁ ЖЕ ВИДНО

Осеняя себя крестом, прихожане покидали церковь. Отец Савватий потушил разноцветные лампы и пошел запереть ставни.

...Сдавленный хриплый вскрик Юрко и Лёнька услышали сразу. Подбежали и увидели, как по лицу пытавшегося подняться священника стекали струйками алеющие капли крови.

— Знаю, кто дьяволу услужить надумал, — тихо простонал батюшка. — Двое их было,

с ружьями. Дорогу-то я им преградил в храм, да что с немощного возьмёшь?! Ударили головой об косяк да и с крыльца смахнули, аки тлю! Одного-то я узнал. Под конец гражданской он пробовал храм наш ограбить, да не получилось тогда. А теперь выходит — не отстоял я святыню нашу...

— Какую святыню?

— Самую богато украшенную икону — образ Николая Чудотворца!

— Это, наверное, те, что и Умывакина убили?

— То мне неведомо, ребята! Одно понял по разговору, что путь их к перевалу и норвят они уйти за кордон! Идите, отроки, поднимите рад.

Сухие, горячие костяшки пальцев отца Савватия прикоснулись к головам Юрка и Лёньки:

— Как лес ни густ — сквозь деревья всё же видно. Благословляю вас. Торопитесь! Не дайте умыкнуть святыню из России!

На дворе стоял июль, и большинство взрослых артельщиков ещё от зорьки отправились сенокосить на лугах за далёкой лесной погарью...

— Ну, дак чево, пашшата? Видать, нам с вами в рать идти придётся, раз такое дело! — дядька Колотун испытующе взглянул на своих сынов: — Готовы?

— Готовы!

— Ну, коли так — час вам на сборы. Патроны для берданки и заряды для двустолки проверьте хорошенько! А я попробую ещё сговорить соседа нашего с нами идти.

Старого своего приятеля и соседа — бурята Носырева дядька Колотун застал в необычайно подавленном состоянии.

— Собирайся, в тайгу идём!

— Не могу, однако.

— Почему?

— Шибко ногу зашиб, сейчас колено грею.
— Да где зашиб-то?
— Однако из леса шёл, на валежине соскользнул да о камень...
— Да... и на старуху проруха... Как же быть-то теперь, а? Мне дальше Шаманова ущелья в той стороне бывать не доводилось.

Красно-коричневое лицо бурята, непроницаемое и неподвижное, дрогнуло, когда услышал он историю об ограблении поселковой церквушки:

— Худые люди, однако!

Бурят пыхнул трубкой и взглянул на собеседника красными слезящимися глазами:

— Бывал там частенько, за Шамановыми камнями, шкурки на опий бабе своей менял. Однако не горой! Не шибко, а помогу. Сын мой пойдёт с вами. Он места за Шамановскими столбами не хуже меня знает.

Старый бурят поднялся и побрёл в своё крытое шкурами жилище. Во власти невесёлых дум Колотун присел к догорающему костру. Сзади, неслышно ступая, неожиданно приблизился низкорослый кривоногий бурятёнок по прозвищу Носырь.

— Отец велел вас в Шаманово ущелье вести! — ровесник Юрка и Лёньки, круглолицый проводник невозмутимо улыбался. — Шибко бежать надо, говорит.

На ногах его были надеты мягкие летние ичиги, а отцовская линиялая рубаха перехвачена сыроматной опояской. За спиной висела котомка и тяжелое пистонное ружье. В руке бурятенка трепыхался с неокрепшим гребнем петушок.

Не успел дядька Колотун раскрыть рот, как бурятский нож со свистом ссёк голову птицы. Горячая кровь брызнула на мягкий лесной подстил. Носырь невозмутимо и неторопливо омыл в ней устрашающую стволину дедовой «гусятницы».

— Это еще зачем?!

— Однако, сытырелять лучше будет, не за росомахой бежим, а?

Старый охотник плюнул и размашисто перекрестился:

— От темень-то несусветная, прости Господи! Ну да ладно! Айда в тайгу!

Когда девки в поселке всё ещё взвизгивали под гармонный перепляс, а степенный семейный люд, сомлевший от трудов, возвращался к подворьям, «отряд» дядьки Колотуна вышел в путь...

Варначка, черная сибирская лайка, уверенно шла по следу и с надсадным взвизгиванием тянула поводок в сторону китайской границы. Едва приметная тропинка петляла в таежном подросте, огибала гранитные валуны, терялась в тенистых буераках и вновь появлялась за косами сыгучего, омытого студёными ключами галечника.

Первым шёл юркий Носырь.

— Однако собака совсем след скоро теряй!

— Худая, видать, у тебя собака.

— Не собака, а место здесь худое шибко!

— Это почему?

— Во-он — камни Шамановы. Туда следы худых людей уходят. Нам, однако, прямо до-роги нету. Кругом надо!

— Почему прямо по следу нельзя?

— Отца не велел. Шибко там земля гудит и горы трясутся! То шаман гуляет и камни тря-сёт...

На плоском, красном от испуга лице юного проводника выступила горячая испарина.

Дядька Колотун знал, что за кедровой падью, в долине норовистого притока Шилки, пойдут каменные останцы и тягучие каменные осыпи. След беглецов потеряется, и тогда напрасными будут все их старания.

— Эй, шевели фигурами, пашшата! Оборвётся ниточка — пиши пропало! Да смотрите осторожней. Не дробовики у них — винтовки!

Коренастый и кривоногий проводник Носырь вдруг остановился, скинул с себя котомку, ичиги и блаженно зажмурил раскосые щёлки глаз.

— Отдыхать надо мало-мало, однако!

— Верно говоришь. Часа три бежим по камням. Подваливай к родничку, подкрепимся малость.

Дядька Колотун нарезал сала и пласты вяленой медвежатины.

— Садись, ребята, а то глянть — солнце село ниже ели, ну а мы ещё не ели. Накапливай силы. Они нам вскорости шибко пригодятся! Надобно нам к избёнке раньше их успеть!

...Сумерки легли ступившимися тенями на древние валуны, на звериные тропы и синевящие дали таёжных урочищ. Птичий гомон стих, и дремотная тишь подкралась к минутному лесному приюту маленького поискового отряда. Сморённые трудным походом, мальчишки уснули разом. Дядька Колотун распустил лямки котомки и достал свёрток, пахнущий ружейной смазкой. В свёртке лежал револьвер и желтеющая россыпь патронов. Все это вооружение он ещё в конце гражданской войны снял с убитого партизанами казачьего есаула.

Потом проверил компас, тронул до звона точёное лезвие топора и усмехнулся: «Ну что же — иди в рать, так и бердыш брать!»

ВЫСТРЕЛ У ШАМАНОВЫХ КАМНЕЙ

Рассвет заиграл над Баргузинским хребтом небесным золотом.

Ярый привычным пружинистым движением вскинул ствол винтовки. Светлые ветви дрогнули, и росяные капли, словно слёзы земли-матери, упали на воронёную сталь... Напряжён-но ощерившись, бывший управляющий прииском выцеливал грациозную фигурку кабарги на краю скального отрога. Да... Это была редкая удача! Кто же знает, когда ещё в этих диких ущельях представится случай добыть пуд превосходного мяса? А ведь до границы ещё идти и идти.

Ярый секунду-другую помедлил, подождал, когда уймётся тягучий перебой большого сердца, и привычно потянул спусковой крючок. Грохот выстрела всё ещё гулял по долине, а переломленная пулей тушка кабарги упала на земные глыбы, окатанные всеми водами и ветрами...

— Ну, силён ты, Ярый! Теперь не пропадём! Вон жратухи сколько.

— Хватит болтать, ухорез! Шевелись давай. Подкопти грудинки. Потом некогда будет костры раскладывать!

Громила Молчан манерно приподнял свой затрапезный треух:

— Сей момент, ваше благородие!

Блудливый, но цепкий взгляд его при этом уже давно «прильнул» к лежащему на валу-не холщовому мешку с драгоценным грузом. Тайный план в его плоском черепе созрел уже окончательно.

Однако не успел он сделать и шага, как земная твердь страшно и протяжно дрогнула под ногами... Через секунду куски земли, глыбы базальта, мелкое крошево камней поползло, покатилось с воющим грохотом, увлекая беглецов в зияющий провал горной котловины. Руки Ярого машинально успели сжать лямки котомки и ремень карабина. Сколько длилось паде-ние в каменной осыпи, господин Ярокурцев не помнил...

...Он медленно открыл глаза и тронул повлажневший висок. Ладонь заалела растекаю-щимися ручейками крови.

«Что это — конец?! Так удачно пройти перевалы, взять золото и бриллианты и умереть в двух десятках верст от границы здесь, среди этих камней? Нет... Начатую чашу надо испить до конца!»

Ярый энергично потрянул головой и сбросил с себя мелкое крошево камней. Оглянувшись, он увидел, как фигура его спутника, изворотливо мелькая, исчезает в лесном подросте. Преступив закон каторжанской совести, Молчан, сгибаясь под тяжестью мешка, уходил в сторону китайской границы...

Смахнув пыль с затвора, Ярый вновь хладнокровно вогнал патрон в патронник. Когда убе-гающий Молчан на секунду остановился, пуля перебила ему хребтину под самой серединой линялого лагерного ватника.

А выстреливший закинул за спину карабин, подобрал котомку и, сгорбившись, побрел к горной седловине: где-то там и должна была отыскаться тайная охотничья избушка — последний приют неприкаянных бродяг и контрабандистов перед тайным их рывком за кордон.

Смертельно уставший и цепенеющий от холодного ужаса в ожидании нового сердечного приступа, он уже не думал об опасности погони...

СХВАТКА У ЛЕСНОЙ ХИЖИНЫ

Варначка нетерпеливо поджала уши и снова встала на след беглеца. Отряд дядьки Колотуна уверенно, но осторожно шёл на сближение с беглецами.

Через несколько минут погони все замерли перед кучей песка и галечника, из-под которой торчали босые ноги убитого бандита...

— Обожди, ужо, глянём, кто таков?

Колотун нагнулся и стволом револьвера смахнул шапку с головы убитого. Через прокопченный прах скитаний в седой, спутанной щетине виска у того багровел незаросший шрам сабельного удара.

Старый охотник медленно выпрямился. Много лет он помнил этот шрам на страшном, ослепном лице бандита...

— А ведь это он, бандюга, деток-то моих несмышленных порешил в Гражданскую!...

Рука охотника мёртвым хватом до багровоющей синевы набрякших вен стиснула рукоятку нагана.

— Думал, когда-нибудь встречу в тайге! Не довелось...

Он смахнул с лица мимолётную гримасу омерзения, отчаяния и боли, вздохнул коротко и тяжко:

— Ну что же, и такое бывает. Правосудие свершилось и без меня. Уберёг, видать, меня Господь от кровей! А сейчас — айда быстрее, ребятки, в погоню! Страшный человек от нас уходит. Надо его живым взять! Чуть чего — пали по ногам, поняли?

* * *

Залёгший на дневку в скрытой дремучим кедрячом полуизбёнке, Ярый заметил преследователей первым.

Когда он поднял карабин и сунул ствол в треснувшее оконце, боль испепеляющим обвалом неожиданно и нестерпимо сдавила сердце и весь левый бок. Ярый глухо застонал и нажал на спусковой крючок. Пуля сочно впилась в тугую смоляную твердь размашистого кедра — впервые в жизни он промахнулся...

— Ложись, огольцы, ложись! — заорал дядька Колотун, раз за разом стреляя из нагана в закопченное оконце избушки. — А ну, бери его на прицел!

Бурятёнок Носырь установил в рогатину длинный ствол дедовского ружья и, проорав что-то на своем гортанном языке, «лупанул» по избёнке. Дым, огонь и страшный грохот выстрела всколыхнули тишь нехоженой тайги. Соломенная крыша, разворошенная зарядом бурятской «гусятницы», задымилась и, мелькнув первыми языками пламени, весело затрещала в охватившем её огне...

Ярый сбросил с себя горящий дождевик и, подхватив котомку, бросился через огненный дверной проём в глубь чащи. Но через секунду больное сердце его захлебнулось горячей кровью и, полыхнув в глаза багровым огнём, остановилось...

До багровоющей синевы — уже мёртвым хватом — сжимала его рука лямки мешка с драгоценным грузом...

КРУТОВЕРТИХА

Рассказ

Повествуя об этой истории сейчас, я хочу обратить слова из поры «нетленных» времён М.Ю. Лермонтова в день сегодняшний: «...Зачем я жил? Для какой цели я родился? А верно, она существовала и, верно, было мне назначение высокое...». Этот рассказ — о «герое моего времени», высокое назначение которого потерялось в крутом повороте наших судеб.

...Обшарпанный теплоходик отвалил от песчаной косы, оставив пассажира на фоне пены мутных бурунов.

— Не горюй, специалист, трудно будет только первые десять лет! — манерно отсалютовал ему матрос с огромным «крабом» на фуражке. Единим духом вытащив сумки на взгорок, Аркадий растерянно оглянулся: «А где же обещанная машина?» Из-под спутанных ветвей ивняка появился вдруг здоровенный мужик в дождевике.

— Ты, што ли, учитель-от? Я уж этта давно тебя караулю!

Кусты затрещали, и ломовой мерин вытянул из зарослей заляпанную телегу.

— О! Это и экипаж под тебя подан!

— А далеко ли ехать?

— Километров десять, а там и Крутовертиха наша.

Лохматый коняга дернул повозку и, мерно бухая копытами, покатил ее вдоль искрившихся бисеринками осенней прохлады зарослей иван-чая. Неожиданно колёса «экипажа» скрылись в болотной «тяпушке». Возница проворно расправил бродни.

— Уй, ёс твой нос!

— Слушай, дед, а я ведь без сапог. Чего делать-то?

— А сиди, буди, и всё!

Мужик азартно шибанул из ноздри в оглоблю и взялся за днище телеги. Бугры вен на руках у него вздулись, и «экипаж» поднялся из вязкой болотной сплавины...

— Не бойсь! Этта слизко-то только два километра, а дальше посушее. Этта только в дож вообще не пройдешь!

— Силен ты, дед!

— Не дед, а давай ознакомимся: Шибкосило меня зовут, в школе роблю завхозом. А ты учителем географии будешь?

— Еще биологии и химии!

— Видишь ты как, — он послунявил завернутую самокрутку и в глубоком прищуре затянулся едучим дымом. — А вот мне поучиться не довелось. Одно слово — не жизнь, а крутовертиха!

— А почему деревня-то так называется?

— Крутовертиха-то? Да Большим Двором селенье наше звалось, а как угнали на войну пятьдесят мужиков да парней — питуха в такой крутой узел завязалась, до сих пор не распутаем! Ведь живой-то с войны один я вернулся! Начало нас крутить то так, то эдак. То недород, то ишо омега какая! Оттого и деревня-то Крутовертихой стала зваться.

Ожесточённо вдавив до последней строчки сигарку, собеседник Аркадия вздохнул горько и тяжко.

С полей тянуло теплым дымом сентябрьской поры, и телега неспешно катилась сквозь кленовый листопад. Непрошенные мысли «о поре грядущей разом» овладели Аркадием: неужели молоденькая инспектриса районного отдела образования права, и несёт его нелёгкая в неодолимую тьмутаракань с названием Крутовертиха? Как-то все теперь будет?

Темнохвойный кисличник вдруг стал редеть, и примолкнувший Шибкосило оживился:

— Ну, чего засмутился-то, учитель? Гли-ко, красота-то у нас какая!

На крутогорье, отмытом дождями, показалась деревенька, щедро ряженная в многоцветье уходящего на осенний покой леса.

— С самого Сыктывкара сюда люди на отдых ездят. Курорт! А про жилье тебе я уже с дельхотром договорился!

В домике технички школы тётки Симоновны его поселили рядом с тесовой загородкой.
— Козлуха там у меня живёт, зовут её Миледи, — тщательно высмаркиваясь в фартук, пояснила Симоновна.

Сражённый экстравагантностью интерьера деревенского обиталища, Аркадий растерялся:

— А почему в избе-то вы её держите?

— Держала её на саннике, да затосковала она у меня там шибко!

— Как это — затосковала?

— А поросёнок у меня там, дак он, стрямная рожа, всё сопел у ей из черепени, вот она и затосковала!.. А теперь гляди сюда: вот здесья — рукомойник!.. А ходить станешь на санник.

Аркадий с опаской заглянул за край угрожающе качнувшейся перекладины: там неопределённой глубиной темнело пространство... Во попал! Стало быть, вот она, «объективная реальность, данная нам в ощущении»!

— Свет вечерами тухнет, дак карасиновая лампа ест! А ты пошто расстроился-то, учитель? Не баско глядится? Не бойся, хлебушка не привезут, дак ситнего печи станем. Мучка да молочко есть, и слава Богу! Привыкнешь!

Школа встретила молодого учителя прокаленным угаром печного отопления, скрипом крашенных-перекрашенных полов и неизживаемым въедливым духом выгребных ям... Он вошёл, несмело ступая сквозь волну разновозрастной ребяти, отпущенной на перемену. Словно извлечённые услужливой памятью из каких-то недосягаемых анналов, в сознании его снова восстали слова мудрого институтского профессора: «На учителя не учатся — учителем становятся!» В знобящем холодке волнения Аркадий приоткрыл дверь учительской. Здесь ему и предстояло становиться учителем... Проба школьного ремесла представилась в виде тридцати двух часов недельной нагрузки. Это значит, детей надо было обучать географии, химии, биологии и еще начальной военной подготовке.

В один из вечеров, когда Аркадий выложил на стол тетради с контрольными работами по химии, в окно постучали.

— Привет, труженик! Айда давай в баньку! — завхоз Шибкосило отряхнул у порога снежную пороху,

— Какая банька? Гляди, работы сколько, мне же опять до часу сидеть надо!

— Перепышкайся-но давай на часок-от!

В жарком пихтовом духе бани время шло совсем незаметно.

— Здорово-то как, Шибкосило! И голова болеть перестала!

— Обожди уно, это ещё не полное лечение. Чаёк пойдём ко мне сейчас пить!

Первую стопку запили неповторимым настоем на меду.

— Какова медовуха-то? Не пивал, поди, зданова?

— О-о-о!

— Ну, давай, буди, на «вторую ногу»!

— А давай! — решился Аркадий.

— Ты где служил-то?

— В воздушно-десантном полку, в Рязани.

— А я в Заполярье всю войну!

Потом они пели про корабль, который упрямо качает «крутая морская волна», и про роту воздушных десантников на марше, и Шибкосило снова подогревал свой знаменитый «чаёк».

— И-и-ых, Архаха-а! Двое нас с тобой всего мужиков-то... в этой школе... Вынравился ты мне шибко! И ребятишкам ты полюбился. Больно интересно про страны разные рассказываешь да опыты по химии кажешь! Поглядеть бы...

— А вот приходи завтра и поглядишь, как водород я буду на уроке получать!

— До тебя зданое не казали, непременно погляжу!

Шибкосило улез спать на печь, и недра его облаченной в тельник грудной клетки вскоре начали исторгать звуки взлетающего бомбардировщика.

Отчаявшись уснуть, Аркадий почертыхался и в крошечной тьме побрел к домику тетки Симоновны. Чаепитие закончилось.

Урок химии был в расписании первым. Глазастые семиклассники, затаив дыхание, следили за огромным светлым шариком металлического натрия в толстостенной колбе прибора. В руках учителя происходили таинственные химические превращения.

— Сейчас из этой трубки пойдёт водород, который я подожгу, смотрите внимательно!
Но газ почему-то не шёл...

Аркадий и не подозревал о допущенной в спешке жуткой оплошности: он забыл открыть еще один краник прибора. После хлесткого взрыва, разметавшего всё, что было на учительском столе, Аркадий пришёл в себя первым.

— Все целы?

— Все-е-е! — восторженным писклявым разноголосьем отозвался класс. — Ух, ты!

— Вот это водород! Здорово!

Густой удушливый дым потянулся во все щели школы.

— Пожар! — заорал Шибкосило, пытаюсь вышибить из огнетушителя спасительную углекислотную струю. Чуткая тишина урока разом наполнилась гвалтом.

— Да не пожар это. Учитель, чуеть, опыты по химии показывает! — урезонила всех техничка тётка Симонова.

Ну что же, и такое бывало у моего Аркахи, пока он становился учителем...

После школьных каникул надо было ехать на родительское собрание в соседнюю школу, километрах в десяти по большаку.

— Слушай-ко, сударь! — Шибкосило выдохнул интенсивный пивной дух. — Я тут опять «позволил» малехо, дак ты уж сам с девками съезди!

Махнув на него рукой, Аркадий подошёл с опаской к запряженной «кашевке». Почуввав чужую руку, мерин Веня норовисто зафыркал.

— Не бойсь! Он у меня кастрированный, дак шибко смиренный. Хорошо доведёт!

После собрания, окрылённый удачей, мой герой усадил в повозку раскрасневшихся ровновских инспектрис и весело натянул вожжи:

— Но, пшёл!

Застоявшийся мерин неожиданно мощно дёрнул упряжь и в пылу раскрепощённой прыти помчал седоков по узкому большаку. Навстречу быстро-быстро замелькали верстовые столбы и гружёные автомашины. «Смирный Веня» никак не желал управляться и на лихом повороте вытряхнул всех под откос, ускакав невообразимым галопом к тёплой стойлу...

Поддерживая под руки вусмерть перепуганных педагогов, Аркадий тихо брёл с ними по укатанному просёлку к своему селению.

Не-ет! Всё! Хоть и красивая тут природа, да хватит этой жизни, на хрен! Поучительствовал!

В его сознании крепло желание подать заявление на расчёт и уехать из этого всеми забытого края. Однако наутро было снова шесть положенных по расписанию уроков, и были снова неповторимые детские глаза, с восторгом, верой и удивлением внимающие любимому учителю. От всего этого боль и злость, неуёмным скворчонком стучавшие в виски, снова и снова утихали, и он с неизжитой еще жизненной силой готовился к новым урокам... И так каждый день...

Проблем с дисциплиной у него не было, потому как многие самые отчаянные пацаны ходили за ним по пятам, повторяя приёмы рукопашного боя и последовательности разборки автомата Калашникова.

В душе молодого учителя рождалась какая-то живительная сила, влекущая всё больше и больше к той «сорвиголовой» ребятне. Потому все смелее и увереннее сеял он «РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ», и борзды его на «ниве просвещения» стали уже давать первые хорошие всходы...

Я не психолог и не собираюсь уходить в потаённые глубины мироощущений моего героя, но я хорошо знаю жизнь учителя и тогдашнего, и теперешнего. Знаю, потому как пришлось несладкого их хлеба вкусить довольно. У них — несказанно тяжёлый труд, под незримыми ношами которого рвутся неповторимые золотые струны здоровья, капля за каплей в трепетном душевном пламени сгорают драгоценные силы.

Что же они получали и получают сегодня взамен своей жертвы? Кто и когда ценил все это по-настоящему? Вот мой Аркадий, наконец-то, из трёх получек смог отложить на шитьё нового костюма. Скажу по секрету при этом, что рукав того костюма «тоскующая Миледи» начисто отмушляла острейшими своими резацами, пока владелец его был на работе. Вот жизнь!

От всего материального достатка после вычетов за столование в школьном интернате тихий звон карманной мелочи никак уже не мог оживить тяги к дальнейшему росту жизненных благ. А ведь мечталось о величайшей по тем временам роскоши — телевизоре и еще о многом-многом. Он же был молод!

Когда директор в очередной раз нащёлкал ему древними костяшками счёт очередные сто двадцать рублей за месяц, сердце Аркадия впервые замерло в долгом и тревожном сбое: «Как жить-то на это? А не дурак ли я? Чего жилы-то за гроши рву? Зачем мне быть подвижником или верижником? Пусть уж эту бурлацкую шаланду на пути к «светлому будущему» другие тянут, а с меня хватит»...

Годы прошли, и об изменениях в Крутовертихе тётка Симоновна повествовала лаконично: — Учителя нашего увезла дроля евонная. Неврипатологом в больнице робит. Увезла, не зная-куды... А и верно. Не всю же жизнь ему лыком подпоясываться!

С Аркадием я встретился совсем неожиданно. В сутолочной маете рынка он, словно Ма-клай среди папуасов, возвышался над развалом цветастого «колониального» товара. Торговля шла бойко. Модная набрюшная сумка уже заметно стала отягощать архитектурное из-лишество его фигуры. А ведь когда-то мы сидели с ним на одной институтской скамейке... И, верно, «было нам назначение высокое...»

— Это ты, сударь? — он с усмешкой взглянул на мои крепкие еще отечественные баш-маки. — Да-а! Не жалуют, гляжу я, вас в вашем «департаменте»! Уходи в коммерцию — че-ловеком будешь!

— А ты-то как коммерсантом стал?

— Ушёл из школы и стал «делать деньги».

— А как это?

— Поездишь в Турцию или Китай, потаскаешь тюки с товаром, полаешься с тамошними та-моженниками, тогда и узнаешь. Зато сейчас живу. Во — гляди!

Новоиспеченный коммерсант эффектно хлопнул дверцей белоснежных «Жигулей».

— А недавно еще квартиру купил, заходи по старой памяти, посидим, а?

Говорить особенно было некогда, и старый мой приятель Аркаха наскоро отмахнулся от меня, устремляясь к своему прилавку.

Наверное, не произошло бы с ним метаморфозы на столь приземлённом уровне, когда бы ценили в России интеллект в любом его проявлении. Однако интеллект этот самый, втиснутый в безвоздушное пространство бюджетной сферы, задыхается сегодня всё больше и больше. «Пяточным нервом» почуяв живительное веяние нового времени, из уродливой социальной ниши на просторы коммерции закарбакались инженеры, врачи, учителя, работники культуры. Ведь жить-то надо! А житейская «крутовертиха» все сеет и сеет бациллы этого душев-ного тлена, и гибнут в их жизнестойкой среде лучшие качества людей, теряющих в погоне за обильным прибытком своё жизненное назначение.

Так и случилось с моим Аркадием, бывшим хорошим учителем. Но ведь на него смотрят те, кто ещё сегодня сидит на студенческой скамье. Смотрят те, кто готовится завтра стать инженером, врачом или педагогом.

Пишу обо всём этом осенью, потому и «подмывает» меня закончить этот рассказ словами популярнейшей сегодня песни: «...Осень, долетим ли, доползём ли до ответа: что же будет с Родиной и с нами?».

Я не касался прочих проблем в жизни нашей интеллигенции, лишь попытался «вложить персты в язвы» одной из них.

СЛЁЗЫ НА АПЕЛЬСИНАХ

Рассказ

Огромный мягкий медвежонок, сидящий на журнальном столике в кабинете директора детского дома, глядит смеющимися маслянисто-чёрными бусинами глаз. И кажется мне, будто всеобщий любимец детворы устался на меня забавно-вопросительно, из-под синтетических бровей поблёскивая хитрым своим глазом.

— Вот здесь, — положив руку на стопку аккуратно подшитых папок с бумагами, — и записана чёрным по белому вся судьба-судьбинушка деток наших. Полистайте вот это, например, — говорит директор.

— И много у вас таких?

— Много. И все очень разные, но трагедия — одна на всех.

Разговор прерывает весёлая гурьба ребятишек, остановившаяся у кабинета. Слышна сдержанная возня, оживлённое перешёптывание заканчивается вежливым стуком. Рыжая-прерывая голова с кудряшками показывается в приоткрытую дверь. В больших глазах — искрящиеся весёлые лучики.

— Дайте нам Мишку, пожалуйста!

Получив разрешение и не сумев спрятать забавных щербинок от выпавших молочных зубов, мальчишка радостно ухватывает синтетического медведя за ухо, и всеобщий любимец попадает в объятия смеющейся детворы.

— Вот это и есть мальчик, у которого на глазах отец убил его мать. Никитин. Ребятки зовут его здесь «Солнышком». Видите, какой он солнечный весь? Нормальный мальчишка, а вот вечером, когда надо спать, преобразается. Грустит. Чувствует ребенка страшную меру горя.

Много дней минуло с той поры, как стала мне известна эта история маленького Вовки Никитина. В череде событий примечательный был случай, связанный с судьбой маленьких воспитанников детского дома. Он произошёл в один из декабрьских дней, вьюжных и холодных. Тишину в зале народного суда нарушало лишь сдержанное перешёптывание граждан. Вдруг все вздрогнули от резкого удара распахиваемой двери.

— Менты поганые! — хрипло выдыхает патлатый немолодой уже мужчина, выходя из зала судебных заседаний. Под расстёгнутым пальто — неумеренно распахнутый ворот рубашки, из-под которого и исподнего-то не видно. Округлив глаза, заграбастнув его неопрятные космы, «подруга жизни» — женщина с одутловатым лицом в пальто с грязно-серыми следами штукатурки на боку, начинает бормотать без умолку:

— Ну и плевать на то, что лишили родительских прав! Да пусть попробуют забрать у нас пацана! Да мы его к братану, век не найдут!

Окружающее пространство немедленно заполняется сивушно-парфюмерным духом.

— Уйди, коза, — бросив на пол задавленную сигарету и разразившись в злом шипящем шёпоте каскадом немислимой брани, бывшие родители исчезли, не потрудившись затворить за собой дверь...

Вот оно, страшное и разнящее прикосновение к чьей-то начинающейся судьбе. Вот она, новая, всю жизнь не зарастающая отметина, появившаяся в чьём-то детском сердце, и новый день с отметкой в мрачной статистической таблице о лишении родительских прав. Сколько будет их ещё, этих дней, один из которых и обозначен страшным своей безвыходностью случаем, поделившим семью Никитиных на «живых и мёртвых»?

Живых — Владимира Никитина, осуждённого за убийство жены сроком на 10 лет и отбывающего наказание в одном из северных районов, ставшего сиротой при живом отце его шестилетнего сына и мёртвых — 27-летней медсестру Наталью Никитину и ее мать, Вовкину бабу Галю. Случилось так, что ни Вова, ни его отец не знали, что удостоенную высокого ордена за тяжкий без меры труд в годы войны бабу Галю в зябкую осеннюю морось вынесли люди на одеяле и подняли в машину с красным крестом. Не знали они и того, что домой она уже не вернулась... Других живых в этой семье не было.

До глубокого сияния отдели под низко нависающим солнцем колючие северные ветры заснеженную равнину. На невысоком холме — колония усиленного режима. Дальше дали необозримые — застывшая в дремотной тишине рать лесных великанов елей да пятаки рыжих болот, укрытые искрящимся на морозе снегом. В горький кусок жизни из 10 лет складывались здесь дни Владимира Никитина.

Я не мог бы продолжить своего рассказа о судьбе маленького Вовки, если бы не побывал здесь, в этой самой колонии, по служебным делам отправившись в далёкую командировку. Едва отрыв дверцу машины, мы почувствовали мощное и ровное дыхание студёного океана. Поддерживая полу своих шинелишек, шагаем в здание. Вооружённая охрана. Проверка документов. Решётки с автоматическим замком, снова охрана. Чёрный пес на длинном поводке, стягивающий воздух чутко вздрагивающим влажным носом. Тягостная картина. Картина набора суровых, но пока необходимых атрибутов жизни людей, переступивших черту советского закона. Закончены служебные дела. И я спрашиваю разрешения на встречу с Никитиным.

— Никитин? А, это тот, что осужден по статье 102? Знаем, знаем, — полковник, начальник колонии, задумчиво мнёт сигарету.

— Люди этой категории особый народ, знаете ли. Этот ваш земляк переживает пору какой-то страшной душевной ломки. Ест один раз в день, молчит, а недавно видели, вжался в подушку и пролежал всю ночь неподвижно. Болел недавно. Перевели из леса на хозобслужу, тепло там. Поговорите, может и пойдет ему это на пользу.

— Никитин! Прибыть к дежурному! — зхом загулял по зоне многократно усиленный в динамике голос офицера. Через несколько минут в комнату свиданий заходит человек. В резко очерченных складках лба и заострившемся подбородке нет ничего примечательного. Но вот в глазах — неприятный, пугающий матово-оловянный отсвет. Ни одной живой искры. В приступе натужного кашля долго не может назвать своего имени и фамилии.

— Никитин Владимир.

— Ну, садись, Владимир.

Ухватив шапку в сложенные руки, он садится напротив столика с лапкой ели в керамической вазе, глядит на меня с любопытством.

— Никак, земляк?

— Угадал.

— Чего же сюда-то прикатали? Здесь же край материка. На волков полярных взглянуть захотелось?

— Да не, дела. Впрочем, и тебя увидеть мысль была, — выдерживаю долгий вопросительный взгляд.

— Что, с сыном что-нибудь? — тонкие, исколотые татуировкой пальцы его нервно дернулись.

— Сын твой в детдоме, а тёща умерла от инфаркта месяца два спустя после того, что произошло в твоей семье. Поговорить мне с тобой о сыне захотелось, о том, как дальше жить будешь?

Осторожно достаю цветную фотографию мальчишки, что-то весело наигрывающего на маленьком аккордеоне

— Это он в детском доме?

— Да.

В обеих ладонях, словно боясь расплескать образ из наполнившихся влагой глаз, словно сосуд тонкий и хрупкий, поднёс он к себе эту маленькую простую фотографию.

— Никого, кроме него, у меня нет.

По его лицу бродят тени коротких воспоминаний. Оживают в глазах замёрзшие серые теплинки.

В два стакана высыпаю пакеты растворимого кофе, заливаю бурлящим кипятком.

— Где достал-то, гражданин-начальник? — ухмыляется Никитин.

— Удалось ухватить с лотка в вагоне-ресторане.

— Да, мог бы я сейчас кофе пить, — сидя в кресле, произносит он каким-то потерянным глухим голосом, грея о стакан изящные пальцы, и умолкает, снова задумываясь на мгновение.

— Вот усну ночью на час-другой, и прокручивается вся моя жизнь, как на киноплёнке, а сейчас другая серия началась, — мрачно ухмыляется он.

— Ну, давай, «крути» первую свою серию!

Никитин вздыхает, ёрзает на стуле, тянется за сигаретой.

— Поначалу всё, как у хороших людей, было: служба в ракетном дивизионе, благодарность имел от командования, в отпуск ездил. Тогда родители ещё живы были. Техникум машиностроительный закончил. Женился на Наташке. Она тогда уже год после медучилища работала. Вовка потом родился.

Обжигая пальцы, он до горечи затягивается сигаретой, низко опускает голову.

— Наладчиком был, зарабатывал много. А время, знаете, какое было? Наливай да пей. Не помню, как сын рос. Все больше с друзьями. Да какие друзья?! — глаза его зло сузились. — Не друзья — шакалы! Водка была, то и липли. Во, видели? — он поднимает рукав телогрейки — сине-зелёная вязь татуировки изображала змею на кинжале. — Память об ЛТП. Все кололись, и я дури набрался.

— Ну а в ЛТП как попал?

— Знаете, что такое автомобиль без тормозов? Разгонишь — трудно потом остановить-ся. Так и у меня... По 10 вырезвателей за полгода. Жена отшатнулась. Орал на людях, куражился, лез в драку, «геройство» показывал. Определили сначала в наркологию, ни одного дня не ходил, смешно было. Однако пришлось отсидеть годик, «от звонка до звонка». Вышел из ЛТП, а меня жена и сын встречают. Тепло на душе стало. Какое-то время держался. — горькая усмешка застыла на его лице. — Самое страшное то, что убил я своё счастье своими же руками. По пьянке убил!

Он рассказал мне о том, как в один из летних дней прошлого года возвращались они с сыном из сада с детского праздника домой, рассказал о тех страшных трагических часах и минутах, перевернувших всю его судьбу.

Клонился к закату летний день. Налевая про белогривые лошадки-облака, Вовка шагал вприпрыжку, держась за широкую ладонь отца одной рукой, а другой бережно прижимал к себе целлофановый кулёк с конфетами и двумя огромными жёлтыми апельсинами — угощение на детский праздник. Пройдя по прогретым солнцем плитам улицы, они свернули в скверик, где среди моря багровых бархатцев, маргариток, узких и длинных стрел каких-то растений любил Вовка отыскивать и рассматривать зелёных кузнечиков. Но сегодня торопились домой, потому что у мамы был день рождения, и Вовке очень хотелось принести маме в подарок эти прекрасные апельсины.

Неожиданно дорогу им загородили двое парней. Из-под распахнутых ворот на них, изрыгая ядовитую зелень, глядели ужасные драконы. Парни были навеселе.

— А тебя сначала и не узнать, деловой стал! Мы вот с Сано из ЛТП вчера «откинулись».

Вовке надоело слушать долгий и громкий их разговор. Он подошёл к отцу и потянул его за руку. «Сано» веером десятирублевок хлопнул Вовку по носу.

— Беги к маме и скажи, что папа пошёл с нами наше возвращение из ЛТП отмечать.

— Вот «вмажем» в кабаке и придём вместе с папкой к вам в гости! — пьяно хохотнул второй.

Закнув гитару за плечи, они быстро зашагали к ресторану. Поставя секунду в раздумье, Вовка побежал за ними следом, крепко прижимая к себе пакет с жёлтыми апельсинами. В распахнутых окнах ресторана метались сполохи цветомузыки, а барабанщик, словно усердный ремесленник, раз за разом выбивал такую оглушительную дробь, что Вовка не решился подойти поближе. Он встал в сторонке и отыскивал отца в толпе исходящих сигаретным дымом лохматых парней, смело заголённых «девуль», а чаду пьяного возбуждения уже «прорубившихся» к дверям с табличкой «мест нет».

— Папа, папа, пошли! — изо всех сил закричал Вовка, увидев, как отец стучит в стеклянную дверь металлическим рублём, отчаянно жестикулируя и не обращая на него никакого внимания. Дверь вдруг открылась, толпа в едином дыхании подалась вперёд, и его уронили. Золотистые шары апельсинов покатались кому-то под ноги... А каскады визжащей, вибрирующей музыки снова больно ударили в уши, обрушиваясь на Вовку с высоты верхних этажей.

Маховик машины пьяных развлечений набирал обороты. Давящегося слезами ребёнка с кульком, перепачканным в дорожной пыли, привела домой знакомая женщина.

Он уснул ближе к полуночи и не слышал, как пьяная компания, гремя уроненными ведрами, поднялась по лестнице. Пробудившись от какого-то назойливого шума, Вовка заглянул в комнату. Сквозь пелену синего табачного дыма было видно, как отец открывает вилкой новую бутылку, а ночные гости, мучаясь от пьяной икоты, с готовностью подсовывают ему чистые чашки.

— Ребёнка разбудили! Вон отсюда, негодяи!

Вовка увидел, как мама, схватив бутылку, со всего размаха трахнула её о плиту. Комнату заполнил тёплый тошнотворный запах.

— Ты чего, Вовок, ментов домашних развёл?! — выпучив глаза, заорал «Сано». — А на ментов у нас есть вот это! — и в стол с металлическим дребезжанием вонзилось узкое жало выкидного ножа.

— Пустите, я пошла звонить!

— Ну, иди, пробуй!

Ухватив рубчатую рукоятку и пьяно расставив ноги, Никитин направил блеснувшее лезвие ей навстречу. Вовка увидел, как, побледнев, с сужившимися глазами, мама шагнула вперед и, не вскрикнув, упала через мгновение на пол...

— Ты чего наделал-то, волк драный? — прошипел «Сано», быстро трезвея. — Колёк, дёргаем отсюда!

Ухватив за шиворот инающего «Колька», роняя торшер, он выволок его из квартиры. Прогромыхав по лестнице, они исчезли.

Эту историю и рассказал мне в комнате свиданий колонии усиленного режима Никитин, Вовкин отец.

— Одна просьба: вернётесь домой, передайте сыну одну вещь.

Порывшись в карманах, он достал самодельную авторучку с забавной большеглазой рыбкой, плавающей в какой-то маслянистой жидкости.

— И напишите хотя бы несколько слов, поговорите с ним, скажите, что это я для него сделал. Что он ответит?.. От этого жизнь моя зависит.

Я недавно видел Вовку Никитина. Взяв в руки подарок отца, он с интересом глядел на плавающую рыбку. Потом вдруг задумался, опустил голову и, ни слова не говоря, бросил ручку в сугроб.

— Не надо, не надо мне этого! Я не люблю своего папку! — крикнул он, убегая к группе ребятишек, игравших на площадке.

Видно, не высохли ещё слёзы на тех желтых апельсинах. В глубоком раздумье уходил я тогда из детского дома. Так что же ответить мне Владимиру Никитину?

ТРЕТЬЯ ЗАРУБКА

Рассказ

В несчитанных километрах от тундровых топей есть кусок тайги, местными острословами названный «Тёщиным языком». Это оттого, что река здесь, круто изогнувшись, захлёстывает со всех сторон массив угрюмых кисличников. Там с наркомовских ещё времен выстроен был лагерь.

В тех местах и «промалывали» с 30-х годов нестойкую человеческую плоть, обращая её в лагерную пыль, которую десятилетиями развеивало ровное и мощное дыхание студёного океана, не оставляя и крупицы памяти о человеческих жизнях...

Впрочем, живой памятник о той поре сохранился. У контрольно-пропускного пункта современной колонии — полувековая ель. Кто-то из «зенов», освободившийся ещё до войны, посадил её здесь. На мягком её лубе он и сделал первый отметку о себе. С тех пор каждый.

кто уходил отсюда, оставлял в смоляном затёсе свою зарубку. Ель уже умирала, изо всех сил вцепившись в землю жилистыми корнями, смоляными слезами оплакивая ущербные судьбы старых и новых поколений побывавших у этих ворот осужденных.

Так случилось, что Гурий Злобин на веку своём зарубку эту оставил уже дважды. В первую судимость десять лет кайлил камни Мончетундры за умышленное убийство. Но вот новая судимость, новый срок, и вновь стоит он здесь, перед этой самой елью.

— Гуря! Гуря! И чего не пожилось-то тебе, чего не хватало? — не уходили из памяти слова матери на суде. Все меньше и меньше становилась её фигурка, а машина уходила всё дальше и дальше. Так начинался его путь на «Тёщин язык».

Снова потянулись горькие месяцы из большого куска «зеновской» жизни. Поначалу он их не считал, зная, что в длинной их череде надо первым делом приспособиться и выжить.

Наступило первое лето в колонии. Работали на сплаве. Холод речных струй прохватывал до ломоты в висках, а он стоял в воде, отпихивая огромные кругляши деревьев.

— Давай, давай!

— Ты чего, змей, на ментов стараешься?

Гурий спиной почувствовал тяжёлые взгляды.

«Могут запинать, ищи потом...» Отстоявшаяся в тёмных углах его души злость выплеснулась тихой злобой: «Ну нет, быки, поглядим, кто кого!»

Он шагнул к стоящему рядом грузному мужику по кличке Мякиш и провёл рукой по его заросшему подбородку:

— Ещё раз услышу, уши тебе отрежу, дядя! Я на той зоне за такое дело щекотил одному печёнки!

Не выдержав тяжелого и тягучего взгляда, Мякиш податливо отступил:

— Я пошутил, Гуря, ты чего?

— Ещё пошути так, Мякишок...

Мертвая хватка рефлекса живучести сделала своё дело.

— Да сколько же сегодня надо гнать «кубов», «завязывать» пора!

— Сколько надо, столько и будем гнать!

Начальство заметило, оценило, на сухой участок перевели. В хозобслуге колол кабанчиков, приноровившись пить их тёплую кровь. Потом, словно взбеленившись от тошнотворного её запаха, с тоскливым придыхом стонал и крошил во рту зубную эмаль. Он проклинал свою жизнь, в отрывочных и недолгих снах молясь и зоря кого-то на сороковом году жизни... Когда, когда всему этому конец?!

Время между тем шло да шло. Неожиданно «покатила масть в картах». Появились и водочка, и кофеёк, и сервелат. «Блатные» зауважали, и Гурий от всего этого взматерел. Мужичонку, в прах проигравшегося ему, с остервенением хлестал мокрой рубахой при всех, уже не стесняясь.

— Как постирал, ложкомойка?!

— Давай, давай, я снова вымою...

Мстительного и изощрённого в злопамятстве, его в зоне так и стали звать — Злой. Людей в погонах он ненавидел, Но тоска по воле уже мучила его по ночам, а какое-то бешеное и холодное чувство рождало в муках таящуюся мысль о побеге. Он не представлял себе ещё реального плана, но довлеющий гнёт самой идеи об этом чуял всем своим нутром.

В пору, когда суходолы «Тёщиного языка» покрылись незатейливым пестроцветьем и косяки утиных стай потянулись на тундровые озёра, Гурий Злой снова работал на берегу.

— Гуря, иди, чего скажу! — хитрый, разбитной земляк по кличке Промот привлёк его к себе, — гляди!

Чуть поодаль от прыгающей на валиках транспортёрной ленты сидел солдат из охраны. Щурясь на солнце, он сосредоточенно и долго давил прыщи на лице и разглядывал себя в зеркальце. Поблескивающий воронёный автомат стоял неподалеку.

— Я к чему речь веду, давай рванём, а, Злой?

Гурий почувствовал, как от ударившей в виски крови по всей спине прошёл волной жар. Не разжимая зубов, нарочито спокойно произнёс:

— Кончай «порожняк» гнать, куда ты отсюда убежишь?

— Сроду «порожняков» не гоняю, ты меня плохо знаешь, Злой! Рванем за Урал, а там — на БАМ.

Злой расчётливо «завопил» неожиданного собеседника.

— Ты до Урала дойди сперва! Здесь же одна хоженная дорога, и та в райцентр, враз «окучат»!

— Кто тебе оказал, что одна?

— А где другие?

— Оперу не «настучишь»?

— Я по голове тебя сейчас настучу! — и он в такой силой скрутил в руках ворот Промота, что тот захрипел.

— Гуря, змей, пусти!

— Говори!

— Надо идти берегом, а там, говорят, выйдешь на лесную погарь. Через неё идет заброшенная лежнёвка к посёлку. Сейчас там никто не ходит и не ездит.

— Почему?

— Безлюдье и болотина там. Ну, так чего?

Вперив в Промота сузившиеся зрачки, Злой долго и молча втягивал в себя табачную горечь.

— Ну, гляди, в том же болоте и утоплю, если что... Я согласен!

— Да ты не бойся, я на «малолетке» хаживал на такое дело. Водочка у меня запасена, одежда, еда.

— Заметано, земляк!

— Денег вот только нет.

— Ну, это уже моя забота!

— А с этим-то как будем? Может, «мочить по-чёрному»? — Промот осторожно скосил глаза в сторону часового.

— Нет, Колёк, надо аккуратно! В случае чего мне — вышка, а я хочу без неё обойтись.

— Чего уж там — «раскручиваться», так до конца!

— Нет, я сказал!

Густой, устоявшийся в росяной прохладе дух леса успокаивал, и в полуденной тишине приятная истома незаметно смеживала веки. Рядовой Байрамалиев и не заметил, как упала пилотка и разжали руки ремень автомата. Тихий и дивный сон унёс его далеко-далеко, в родной Наманган. Там золотились и тяжелели на ветвях яблоки, и мама, тихая и добрая, шла навстречу с полным блюдом кишмиша.

— Мы так ждём тебя, сынок, возвращайся быстрее, служи хорошо!

Какая-то тяжесть вдруг неумолимо и жестко вдавила его лицом в ту огромную грудку изюма. Ни вздохнуть, ни крикнуть, ни рвануться... Короткий и тяжёлый удар по голове оборвал переливающиеся в глазах радужные полукружья, и сознание оцепенело, замерло у провала.

Закинув в густую крапиву обмотанный в тряпки металлический крюк, Злой с трудом разжал сведённые судорогой челюсти.

— За штабель его! И магазин запасной не забудь!

— Какой ещё магазин? — Промот глядел на Гурия побелевшими, словно оловянные пятки, остановившимися навывкате глазами.

— Во, тварь! Ещё и с тобой теперь возиться надо! Что, страшно стало, сучонок? Магазин с патронами из подсумка возьми у него, говорю!

— Ага, рвём когти быстрее!

Подхватив валяющийся на земле автомат часового, Злой ужом заизвивался среди елового подростка, скатываясь по склону к реке.

— Промот, не отставай!

— В лес давай, там же болотина!

— Собак сбить надо!..

Начинались вторые сутки розыска совершившей дерзкий побег вооруженной группы осуждённых.

Капитан Поспелов только что вернулся из отпуска, до выхода на службу оставалось

ещё время. Сын заготовил уже рыболовецкие снасти и не дожждётся, когда они отправятся на промысел с ночёвкой. Безмятежное предвкушение рыбацкого счастья прервал негромкий, но требовательный стук в дверь.

— Товарищ капитан! Вас срочно вызывает начальник штаба полка!

Как был, в футболке и остроносых, купленных еще в Афганистане туфлях, Поспелов тронул двери канцелярии.

— Разрешите?

— А, капитан! Вот, знакомьтесь пока с оперативной обстановкой, — подполковник подал телетайпные ленты. На одной из них значилось:

«...Воспользовавшись не бдительным несением службы, группа осужденных, находившаяся на рабочем объекте, совершила нападение на часового и, захватив автомат и один магазин с боевыми патронами, скрылась в прилегающем лесном массиве...»

Сотрудники колонии, офицеры полка, начальник районного отдела внутренних дел стояли у карты района.

— По оперативным данным, группа преступников имеет целью по берегу реки выйти на старую, еще от времен ГУЛАГа, лежнёвку. Сейчас там погарь, но дорога осталась и на противоположном берегу ведёт к посёлку оленеводов. О том, что река делает петлю в сорок километров и возвращается в восьми километрах от нашей колонии, они, судя по всему, не знают. Так вот, они обойдут по берегу «Тёщин язык» и выйдут напротив нас! Это — один из наиболее вероятных маршрутов движения. В другую сторону — аж до валунов Северного Урала дороги нет! В квадрате работают розыскные группы, но след потерян в болоте. С рассветом вылетаем на воздушное патрулирование. Капитан Поспелов! Вы возглавите оперативную группу и к рассвету выдвинетесь через «Тёщину погарь» к старой дороге. С вами пойдёт участковый инспектор, он там всё знает!

...Седой сохатый долго и настороженно втягивал ноздрями недоброй памятью хранимый запах металла, ружейного масла и теплый, противный дух чего-то совсем незнакомого, принесенного сюда людьми. Их было двое. Они тяжело опустились на прогретую землю, бросив на сучья мокрые ватники.

— Ну вот здесь посуше, отдохнём, хорош жилы рвать!

— Ты мне лучше скажи, сколько их ещё надо рвать, где твоя дорога?!

— Будет дорога! Говорили — все по берегу, а там — просека.

— А где мешок со жратвой и одеждой?

— Бежали же, уронил, не помню...

Злой остервенело рванул зубами из бутылки газетную затычку...

— Ну тогда «семгой» закусывать будем!

— Семгой?! Давай!

— На вот, держи! — и в руках ошалело глядевшего Промота оказался спичечный корок со щепотью подмоченной соли...

Старый, не однажды стреляный лось, опасливо и осторожно переступил ножки и, кроша копытами валежины, прянул в сторону от сидевших на полянке.

— Злой, бей! Вон жратва уходит!

Веер пуль подскел лося на последнем к зарослям спасительном прыжке. До вечера эти двое отсыпались и ели дымящееся мясо. Потом снова шли. Шли под беззвездным летним небом, кляня в злобном молчании и судьбу свою со щербинной, и несчастную ту просеку, до которой за двое суток дойти никак не могут. На исходе ночи, когда ветерок с долины тронул вуаль тумана, они вдруг увидели чёрные стволы неживых деревьев, а дальше от берега ещё и ещё виднелись следы лесного пожара.

— Погарь. Вот она! Я что говорил, а? Сейчас переправимся. Тут неглубоко.

— Стой, куда ты?

Но Промот, не слушая ничего, рванулся через ивовые кусты: он не знал в ту минуту, что норовистая река круто подмыла берег и коварный уступ его адской ловушкой навис над мутными бурюнами. Гурий не слышал, как тяжело вместе с Промотом рухнула эта глыба, но странный гортанный вскрик заставил его устремиться вперед. Долго и ожесточенно рвал стволom автомата спутавшиеся ветви и вдруг услышал совсем рядом повторившийся вскрик:

— Засасывает, Гуря-а-а! — покрытые сине-зеленой вязью татуировки пальцы Промота

отчаянно рвали осклизлую глинистую глыбу. Взгляд его дикий, карабкающийся цепко, тихо и страшно, замер у ног Гурия Злого... Ни топора, ни жерди, ни веревки под руками.

— Помоги!..

Злой растерянно оглянулся, но уже через секунду в желтозубых щербинах рот несчастного Промота исчез в булькающих пузырях. От противно-липкой дрожи и суеверного страха Гурий с трудом освободился, взмахнул до тошноты накурившись, а потом осторожно побрёл вдоль берега в поисках брода.

Оперативно-розыскная группа капитана Поспелова выходила к указанному рубежу. В наступающем туманном мареве пять солдат, два офицера и взвизгивающий на коротком поводке Страж медленно двигались в торфяной жиже.

— Ведьмино, однако, место! Чуете, как газом болотным тнет? — участковый обеспокоенно оглянулся. — Я здесь проход знаю, главное — в сторону не ходить!

— Надо успеть переправиться в тумане.

— К восходу выйдем на кладку, лодка там у меня спрятана.

Просека на противоположном берегу уходила куда-то за речную террасу, и гуляло по ней эхо далёкого-далёкого кукушкиного крика.

Никого. Капитан распрямил занывшую спину. И в ушах снова зазвучали слова начальника штаба: «Ты только пресеки побег, капитан, ведь таких бед натворить могут!».

«Пресеки!» Легко говорить! Солнце уже высоко, а где вот они?

Утомлённо дышавший Страж вдруг настороженно закрутил головой и замер, уставившись в одну точку. Руки капитана снова потянулись к биноклю: нет, это испуганно перепорхнул выводок рябчиков от стайки молодых ёлочек. Ага... Вот оно, движение.

Из ельника, тяжело опираясь на палку и волоча за собой автомат, вышел человек и медленно двинулся в их направлении. Второго рядом не было.

— Внимание, группа, «в ружьё»!

Страж, спущенный с поводка, мощным приземистым махом рванулся навстречу вооружённому человеку, и через мгновенье автоматная очередь, гулко покотившаяся по просеке, оборвалась отчаянным собачьим взвизгом. Нет, не собирався отдаваться «задарма» обескровленный, но страшный ещё беглец! Однако в следующую секунду ответные очереди выскли из валуна у его ног сахарной белизны каменную пыль.

— Бросай оружие! Руки за голову!

Злой отчаянно рванул ворот, высматривая из-за камня, откуда стреляли.

«Ну вот, спалился! А если часовой мёртв — терять нечего...»

И он хладнокровно стал крошить короткими очередями корявый ствол сосны.

— А вы возьмите меня, менты поганые!

— Возьмём!

И снова в щёки Злого брызнуло выбитое пулями песчаное крошево. В ответ он снова приложился, но автомат осекся на звонком холостом щелчке. Злой в растерянности отомкнул пустой магазин. «Ну, теперь все...»

Через мгновение жесткий захват вдавил его кадык куда-то вовнутрь, и голубое небо сделалось в глазах багровым.

Люди и ковыляющая на перебинтованной лапе собака возвратились в расположение уже к ночи, и тогда Гурий Злобин узнал, что часовой жив. Когда они проходили мимо той ели с зарубками, в сознании его снова отчётливо восстал голос матери:

— Гуря, Гуря! Чего не пожилось-то тебе опять, чего натворил-то?!

МЕСТНЫЕ БЫВАЛЬЩИНЫ

СВАТЫ

*«Времена не выбирают.
В них живут и умирают».
Пословица*

ПОЦЕЛУЕВСКИЕ СВАТЫ

Когда-то давно между нынешними просёлками растерзанной Вологодчины жила-была деревенька Поцелуево. Там на приятном, солнцем обласканном взгорке угнездились по соседству два добротных пятастенка — сватов Симона и Савватия. Вместе с чадами и домочадцами многие лета кормились они честным своим хлебушком и лиха большого не знавали, покада ни случилась с ними эдакая вот история...

...Разбуженный короткими предзоровыми громами, раскатившимися где-то за лесными увалами, дядька Савватий ступил на скрипучие плахи санника:

— О-хо-хо, да о-хо-хо, да охо-хонюшки — хо-хо! — с хрустом расправил он могучие плечи и размашисто перекрестился золотоструйным лучам июльского рассвета.

Отмытые грозовым ливнем, поцелуевские дворы в дремотной тишине покоились среди благоухающего шиповникового цвета. Далекое эхо петушиного переклика протяжно гуляло над прохладными старичными озерцами. Савватий закатал портошины и ступил в росяную прохладу знакомой тропинки. «Ой, славно-то как! Не-е... Робить седня не станем! Слава те, Господи, дожили до Петрова дня! Можно и выпить как следно быть...»

Купня поцелуевских сватов стояла чуть поодаль. Не остывшее ещё горно призывно курилось из прокопченного оконца въедливым духом железного ремесла.

— Ужо, доберусь ко свату, пропустим помалёку медовушки, а там — как Бог пошлёт!

Савватий оправил собранные сыроматным пояском пряди волос и решительно направил стопы свои к дому свояка.

— Эй, Симко, Симаха! — плеснув на разгоряченное лицо холодаanky у колодезного журавля, дядька Савватий тронул кольцо неподатливой двери.

— Симахо-оу! Ты где-на? Чуешь-ли, не чуешь, а сватюня? — в ответ кобыла Редька звякнула недоуздком и фыркнула. В нос шибануло духом свежего коровяка.

Сват Симон обнаружился на сеновале. Он сидел на иссохшем чурбане в позе неприкаянного страдальца. Тёмные от вьевшейся окалины пальцы скребли растелешенную тощую Грудину.

— Ты чё, сват, не на пучине ли лихо, а?

— Да не на пучине! — сват Симон постучал себя по костистой прокаленной грудной клетке. — Этта лихо! Видать, помру я скоро!

Дядька Савватий от неожиданности замер и углубил палец в ноздрю.

— Пошто помрёшь-то? Образуется-ко давай!

— Всё, всё, зна-што — конец!

— Пошто конец-от? Вчера телеги держал, покада я колеса мазал, а ить там силушки надо — дай Бог!

— А тепере вот нету-то, силушки-то...

— А куды подевал?

Сват Симон возвел на вошедшего свояка в нешутейной тревоге округлившиеся глаза и, понизив голос до свистящего шёпота, сообщил:

— Вчерась взошёл на повесть помочиться. Помочився... Чё, думаю, сыренько на конце лапта сделалось? Церкнул спичку, гля, а напору-то нету. Дале лапта не летит...

— Да, тебе уж, буди, по ветру становиться надобно, сват, — раскатило хохотнул шестипудый дядька Савватий.

— Ржёшь, жеребец! Ишь, рожу-то нагулял, ровно часы на вокзале. А я вот говею... Грив да огурец. Пост!

— У-у! Гриб да огурец — в пузе не жалец! Ясное дело. Не по силам пост держишь. Маслицем бы постным разбавлял нашу-то, тогда и напора не потерял! Не горюй, теперь дело направим. Петров день! Подразговеться бы, а?

— Ой, не худо, не худо! Да ладно ли — до молебна-то?

— Да не горюй ты про то! По малёху-ту, дак нешто... Во славу Божью!

Уныло запавшие на утомленном лице свата Симона складки расправились в робкой улыбке:

— Ну, буди, по половинке-то, дак ладно уж...

...Эх, сваты, сваты, видно, забыли вы, что «все на свете делается милостью Божьей или глупостью человечьей!» Ну да ладно.

...Не прошло и четверти часа, как довольный дядька Савватий, счистив пятерней черёмую паутину с окладистой своей бороды, брякнул на стол объёмистую корзину.

— Звон, чё у нас есть!

Не успел сват Симон моргнуть, как четверть зелёного стекла, до цветастой завязки наполненная янтарной медовухой, утвердилось на столе.

— Гли-ко, слеза ить голбешня!

Оживившийся сват Симон пощёлкал по запотевшему стеклу чёрной каймой ногтя.

— Слеза, как, поди, не слеза!

— Ешь, плешь, наводи зад жёлобом, — довольно заприговаривал сват Савватий и с хрустом ломанул копчёную баранью лопатку.

— На-ко, милушко, а то чё-то и вправду костист стал!

Чайный стакан с игриво запузырившейся у самого рубчика медовухой дрогнул в руке дядьки Симона.

— Ой, шибко баская штуковина! Ну, спаси, Господи!

Стаканы сватов звякнули в дружном «соитии».

— Э-эх!

— Фу-у...

— Ну, какво?

— Ой, шибко дородно!

— Чё, буди, на вторую ногу?

— Пишша ваша — ложка наша, давай! — и дядька Симон запасаа увесистым куском копченого мяса.

...Солнце поднималось. Поцелуевские коровушки бодро забрякали своими колокольцами, и на дворах сленя скрипуче запели колодезные вертушки. Поцелуево просыпалось.

— Сватюня!

— О-у?..

— А в Устюге, поди, в трактире лебяжью шейку подают...

— А не с твоей харей лимоны нюхать, пей да ешь этта, каку тресцю! Каково зашбаркало-то, а? А может, на барабушки?

Сват Симон не ответил и в синеющей пелене самосадного дыма сумел-таки воткнуть острие ножа во вторую баранью лопатку:

— Вот эдак!

С погоста, что белел на суходоле, мерно и голосисто поплыл над раздольной поймой колокольный перезвон.

— Гли-ко, гли-ко, уж звонят к обедне, а мы все гулием! — Симон торопливо кусанул щербатым ртом оплывший жиром кусок и замер с вытарщенными глазами. Нижняя челюсть его выпала из сустава от непомерного гастрономического вождения...

— О-о!.. — слюна блестящей струной растянулась по исподней рубахе дядьки.

— Ты чё это, сватюня, пошто рожато у тя скособечилась, ровно у расплетушья? — Савватий отер о рубаху пятерню и грузным движением попытался задвинуть нелепо отвисшую слюнявую челюсть свата.

Такого душераздирающего вопля на поцелуевском подворье вовек не слыхивали! Сноровистый на мастеровую догадку дядька Савватий смекнул и на сей раз быстрехонько:

— Уй, ес твой нос! Рожато у тя, сват, не затворяется, идь, поди-ко, к лекарю надо...

ДОРОГА К ЛЕКАРЮ

На поцелуевских дворах не успели еще отзвенеть цепями колодезные журавли, а норови-стая кобыла Редька уже катила кошовку во весь опор к спасительной лекарской избе.

— Ну, падина, и-ип, и-ип! — свистящий кнут то и дело гулял по влажному крупу гало-пирующей лошаденки.

Растерянные, ничего не понимающие чада и домочадцы Симона так и остались с откры-тыми от изумления ртами на краю мягкого извилистого проселка... Пролетка же, обдавая зевак разящей струей конского метеоризма, с жестяным дребезжанием неслась все дальше и дальше.

— Куды это они, в церкву, что ли?

— Не-е. Чуешь, Симону неловко сделалось, дак к лекарю поскакали.

— А-а...

Между тем солнышко уже поднялось. Жалованная лучезарными небесами теплынь щедро растеклась по поцелуевским суходолам. Пора стояла сенокосная, и рой перепончато-крылой твари одолевал путников нешутейно.

Увлеченный гонкой по изъезженному проселку, сват Савватий и не заметил, какие теле-сные мученья претерпевал сват Симон. Нелепо разинутый рот его наподобие воздухозабор-ника забился несметным числом мошканы и мух. Телегу трянуло на колдобине, и страдалец, неожиданно сложившись на днище повозки, словно нож-складенец, с гортанным хлюпаньем исторг из себя все, что было недавно копчеными бараными лопатками и всяческими насе-комыми...

— О-о-о...

— Держись, сватюха, теперь уже недалеко. Ужо, лыву проскочим, а там и до лекаря не более верст пяти!

Ухлестанная лошадь боязливо остановилась перед пузырящейся «лывой».

— Но, шевелись, ну, ишо... и-ип, и-ип!

Кобылка испуганно дернулась, и повозка вместе с ездоками тяжело плюхнулась в бо-лотную жижу.

— От, ес твой двадцать!

ЛЕКАРЬ КИДАЙ-НОГА

Добрый мой читатель! Давай на минутку оставим впавших в череду злоключений поце-луевских сватов. Вооружившись в минуту сию «резцом истории», я хочу извлечь из «золотой пыли времен» доподлинные сведения о состоянии медицинского обслуживания в Велико-устюгском уезде в начале XX века.

На всем пространстве устюгских земель в ту пору существовала одна земская больница да шестнадцать фельдшерских пунктов. В них и трудились три врача, шестнадцать фельдше-ров с бабками-повитухами да помощниками.

Я не знаю, в какой из этих лекарских приютов держали свой путь мои герои. История об этом умалчивает. Да дело и не в том. Скажу я то, что в деревне, которая стояла в двенад-цати верстах от Поцелуева, вместе с фельдшером вершил дело Божье санитар Кидай-Нога. Был он вдов, бездетен и много лет уже «приживался» при фельдшерском пункте. Раньше слу-жил он санитаром на войне и ногу свою потерял при защите Порт-Артура. Незлобивые по духу селяне прозвали его Кидай-Нога, потому как липовая деревяшка его бухала и скрипела не-милосердно. Он-то и предстал перед измученными и растерянными путниками на крыльце «лекарской избы».

— Господин лекарь теперь не принимает!

— Пошто это не принимает?

— Оне убыли на оспопрививание. Шибко далеко, зна-што завтра будут!

— И...ы... — гундосно и страдальчески затянул замотанный рукотёрником сват Симон.

— Милостивец, не оставь, Христа ради, излечи! Помираем... Едва не утопли! — замер в поклоне дядька Савватий.

— Хошь добра — посыпь серебра!

— Посыплем, посыплем, милушко, ты сможешь ли харю-то у свата направить?

Дед Кидай-Нога с достоинством оправил на своей душегрейке Георгиевский крест.

— Я на войне всякие хари правил, а не токо эдакие!

Придерживая сомлевшего свояка, Симон осторожноенько двинулся за одноногим санитаром.

— Сюды, сюды, болезные, этта и стану вас лечить.

На анкуратных, выскобленных полках вдоль стен висели таблицы анатомического атласа, стояли банки с пиявками и клизмами. Поцелуевские сваты враз протрезвели наполовину...

— Звон как тута... Боязно чё-то...

Поддернув вымокшие в болоте штаны, они со смирением шатко замерли перед санитаром.

— Обожди, болезню, ужо, сперва обследуем, — Кидай-Нога со скрипом приблизился к анатомической таблице. — Тэк-с, тэк-с... Ось клявикуля, ось мандибуля...

— Какая ишшо ось, милушко? Лечи, буди, скоряя, кан взялся.

— Станови сюды страдальца! Токо не вякай мне-ка под руку боле. — Георгиевский кавалер деловито закатал рукава на своих жилистых «рычагах»...

— Ну, с Богом!

Голова свата Симона податливо дернулась и неожиданно оказалась на колене липовой ноги санитаря.

— Теперь подсунь под его бадейку!

— Пошто?

— Не пошто, а на всякий случай!

Не успев узреть таинства «лечения», сват Савватий вновь вздрогнул от душераздирающего вопля свояка. С вытаращенными глазами тот стоял в позе «жертвенного тельца», не сразу уразумев, что выпавшая челюсть его уже стоит на месте... Пораженный благим и скорым целительством увечного санитаря, сват Симон медленно стащил с головы закопченный треух:

— Век Бога благодарить стану, благодетель ты мой! Сколь я должон-то тебе?

— Рубель бы надо, да уж ладно.. Два, буди, возьму! — взбодренный неожиданным успехом лечения, Кидай-Нога принял подношение со степенным достоинством. — Ежели опеть нака ось из организму выпадет, захаживай, излажу!

Сваты долго ещё тряслись обратно в своей кошовке по разухабыстым просёлочным колеям да судили-рядили о пережитом. Кобыла Редька, неспешно семена, везла их к родимому подворью. После испытаний лихого дня поцелуевские кузнецы «первой руки» мало-помалу обретали унесенный потоком возлияния умственный достаток.

— Слышь, Симаха!

— Чё опеть тебе, токо в грех меня окунаешь!

— Да я не про то. Шибко много ты лекарю-то дал.

— Не захошь во хвори ходить — дашь и не эстолько!

— Лекарь-от по харе твоей полоротой дал разок-другой, и сразу два целковых ему, лыкодёру? Да я в эту самую ось и за полтину бы тебе ишо здоровше колонул, не надо бы и мучений эких принимать! В другой раз сам лечить тя стану! — сват Савватий хитро подмигнул свату Симону и поднес к носу его увитый натруженными жилами кулак. — Звон, не сомневайсь!

«ОСЬ ЖИЗНИ»

Старенький деревенский батюшка с подоткнутой под пояс рясой повстречался поцелуевским кузнецам у коварной «львы».

— Откуда путь держите, молодцы?

— А ось вот свату ездилы вправить у лекаря.

— Каку-таку ось?

— В челюсте, слышь, есь ось. Она и выпала у Симахи мово, батюшка, — похмельно хотнул Савватий.

— О-хо-хо-хо, и мала беда, да велик грех, верно сказано. Пошто зелья до конца поста употребили? Ось в челюсти потерять — полбеда. Ось в душе утратить — вот беда!

Не найдя ответа, сваты, сняв шапки, долго глядели вслед священнику, с посохом бредущему через зыбкую сляпину болота в далекую деревню...

БАБКИН ДЕВИШНИК

Собрались бабки на свой «девишник». Уходили воспоминаниями в ту давность, когда ещё в девках были...

Жёлтый лист, нетронутый ломкой изморозью, мягким ковром ложился на уходящую к зиме землю. На дворе стояла приятная пора бабьего лета, а потому, воротившись из церкви, тетка Симоновна и подруга ее по Охтинскому рубежу Густя, и бабка Манефа, и еще несколько седовласых владительниц «зеркала времени» собрались за старинным раздвижным столом. Старушки давно готовились к празднику, и каждая явилась с кулинарной «данью». Среди запеченной рыбы и напустников бодро сиял хрустальной гранью графинчик с «голбешным».

Ровесники и свидетели эпох свершений чинно восседали в просторной «фатере» Симоновны, предаваясь слёзной радости долгожданной встречи. Как уж водится, «впечатления бытия» речистыми ручейками сбегались, капали, струились в русло многоцветных и многозвучных воспоминаний. Грешным делом и мы с соседом Генахой на огонёк к нашей дражайшей тетке Симоновне решили заглянуть...

* * *

— Ой, Пушкариха, Ерга, Марденьга да Шшекино, Пестово, Шарденьга, — с заливым напевом и голосистым приветом встретила нас старая-престарая устюгская частушка.

— У-у, гостеньки дорогие, садитесь-ко буди к столу-то. Теперь графинчик-то восполню, ужо погодите!

Над столом стоял дух ванили и маринадов.

— На-ко те, милушко, грибочков маринованных, мамушка моя меня готовить их учила. Зна-что до революции! Звон пряжоника-то попробуй-но! — потчевали нас долго со старорусским восторгом хлебосольных хозяев, а потом перешли к рассказам.

— А вот раньше-то, поди-ко, уж и советская власть была, хаживали мы с девками на посиделки, — тетка Густя, раздурманенная глоточком «голбешного», мечтательно улыбнулась.

— Кто из ребят богаче — нас, девок, орешками угощал, а кто поскромнее, дак те — простыми семечками. А гармонист-от у нас смешливый такой был... Кадриль играл однажды, да как сосочит: «Ой, девки, чё это я сижу? Чё это я гляжу, изо штанов не вынимаю, да вас не угощаю?» Девки-то у нас от удивления было обмерли. А он из кармана-то и достает кулёк с леденцами. Вот смеху-то было!

— Бабуля! — не выдержал тут мой Генаха, — а как насчёт этого у вас было?

— Ты, милой, про чего это, а? — собеседницы наши перестали брякать вилками и сурово насторожились.

— Ну, я говорю: обнимались, целовались с парнями?

— А-а... Думать не могли, батюшка ты мой, до чего строго у нас все было. Городской какой-то повадился было лезти к девушке, дак она его частушкой враз уничтожила.

— Как это?! — раскрыл рот от удивления Генаха.

— А взяла да и спела ему при всех у подворья: «Ой, всё ты ходишь, уговариваешь — даси, даси, даси! А не ходи, не уговаривай, не дам и не проси!» Он и убежал со стыда...

— Да, совестливый народ у вас на посиделках был!

— А ты как думал!

— Штебы мы какую шалость допустили до свадьбы — спаси Бог!

— А как насчёт винца?

— Покуда новину не выкатим, да покуда не отсеемся, да покуда урожай не уберём — во рту не бывало! Во как!

— А теперь-то что творится, а? Скажи-ко ты мне, сударь мой разлюбезный! — взволнованный старческий говорок тётки Гуси дошел до пламенеющего сердечного накала. — Где стыд? Где совесть? Ну-ко девки-то голозадые да голопузые по городу среди людей ходят! А без пива уже и жить не желают, а ведь им по 17–18 лет!

— Эдак, эдак! — взволнованные старушки запостукивали по столу костяшками сухих кулаков. — Им же скоро деток рожать, дак кого нарожают?

Нам некуда было отступить от напора и натиска сурово взыскующих собеседниц, и Генаха растерянно произнес:

— Так ведь то мода, бабулечки, с голым-то пупком и ходят девки. Зато все видят, что пуп у них посередке, а не где-то сбоку. Всё нормально, можно и на жениха глаз класти. А ещё серёжку золотую пристегнут, так вообще — куда с добром! Не хошь глядеть да поглядишь!

— Ой, топере они серёжки-те не тоно на пуп, а на все, поди, места станут пристёгивать! Вот те и мода! Скоро у них будет мода — класти с огорода! — возмущенная тётка Гусья долго тыкала вилкой ускользящую на блюде маслинку. — До чего ну-ко дожили? Прости, Господи!

Не на шутку расходившихся бабулек урезонила хозяйка квартиры:

— Да успокойтесь вы! Дух-от свой поберегите! В ком есть Бог, в том есть и стыд! Не ругать, а пожалеть да научить их надо. Вот те и весь сказ!

Пока мы все судили да рядили, закипел самовар, неведомый по счёту, и тётка Симоновна утвердила в центре стола пышнейший торт-бисквит:

— Кушайте, гости дорогие! Настоящего коровьего маслица из деревни прислали, то стряпня и удалась!

Бабки снова оживились и принялись вспоминать военные годы...

А мы с Генахой потихоньку прикрыли входные двери и удалились.

КАК ТЕТКА СИМОНОВНА ЗА ОБАБКАМИ ХОДИЛА

А было это, парень, так.

Уговорились мы с Генахой на евонном «Запорожце» к якутинской телевышке за грибками съездить. Ладно, хорошо, собрались.

С вечера Генаха машину наладил, сидим у ихних гаражей, хлеба-соли кушаем да красно-го звона слушаем — мужиков-то много собралось во дворе. Кто про что — поговорить-то есть там любители!

Вдруг видим: напрямик к нам шляндает в своих столетних чунях родная Генахина тётка — Симоновна. На той неделе восемьдесят годов ей стукнуло! Пристала к нам и всё тут: возьми да возьми её за обабками в лес. Шибко, мол, за обабками охота! Мужики запосмеивались: «Да возьмите вы её, у пенька рюмашку подадите — вперед вас убежит!»

Наутро, в пять, в шестом, как следно было, подруливаю я к Генахиному гаражу в полной амуниции. Гляжу — сидит на обрубке бруса тетка Симоновна и баранку в кружке размачивает. На голове — белый платочек, на плечах — штормовка, в руках — корзина с яичком да краюшкой хлеба.

— Где Генаха-то? — спрашиваю.

— А не бывал ишо.

— Какие бывал? Время ехать!

— А хто ж знат?..

Когда тётка Симоновна одолела мочёный калач, окно Генахиной кухни на пятом этаже распахнулось, в проёме безмолвно замаячила Генахина голова со страдальчески выпученными глазами. Возведённый в какую-то пустоту Генахин взгляд поблуждал по двору и, наконец, тупо остановился на объёмной корзине тётки Симоновны:

— А... вон вы где! Всё, ребята, капец мне приходит! Обожди, ежели дойду до вас, расскажу...

Не на шутку встревожились мы с бабкой, сильно нас болезненный вид Генахин напугал. Сидим минуту-другую, ждём. Тетка Симоновна наладилась было новый калач размачивать, да отложила.

— Поди насопелся, падина, дак с похмелья карает его! У-у, ты, рожа бесстыдная, страдная! — степень тёткиного сарказма возрастала, и, когда достигла наивысшей накаленности, створки окна нухили на пятом этаже вновь распахнулись, и на этот раз из окна высунулась голова Генахиной супружницы:

— Ну, чего орёшь, да людей будишь, старая ты луковица! Да не пил он, даже вот стакашка малехотеннова не принял. Орёшь, а не знаешь, как человек мучается: и рвёт его, и с очка не сходит. Отравился! Скорую стану вызывать! — голова Генахиной супружницы гневно тряхнула кудряшками, и окно с треском захлопнулось.

— Ой ведь, ой ведь, милушко, а я-то не знала! Эвон как! Штё сташь делать? Дела — наши, а судьи — Божьи! Поделом нам, некшеним! — тетка Симоновна, развязав платочек, суетливо смахнула с кончика изящного носа дрожжащую прозрачную каплю... — А я ить вам яичков наварила, вон ишь, ишо баночку «шпротов»...

Вот тут-то Генаха наш и появился! Согнутый весь какой-то, ровно по темени его кто лолнул:

— О-о!!! Еш-то твой корень! Шпроты, говоришь? Выбрось-ко ты, бабка, эти шпроты куда подальше!!! С них-то меня и карает. Тридцать три струи сверху донизу, так всю ночь и не спал. А полбанки и съел-то на ужин. Рыбёшки чёрненькие какие-то, и масло горьковатое, вчера покупал, «свежие» — сказали. Ишь вон что получилось!

Тут Генаха наш снова глаза выпучил и быстро-быстро зашаркал тапками к своему подъезду.

— Ну штё сташь делать-то... Куды уж ему теперь ехать в Якутино! Стану другой субботы ждать, — тетка Симоновна сунула калач в корзинку и засобиравлась домой. — Ты уж, милушко, напоями ему, опять бы каких худых банок не напокупал...

Вот такая история и произошла с нами в самый разгар грибного сезона. Вот ведь как бывает, парень. Какие консервы в наших магазинах покупать станешь — гляди, Генахину ошибку не повтори...

Ну а я пождал-пождал несколько минут и пошёл домой. Перед уходом налил пластиковый стакан водочки, яичко вынул и положил всё это на сиденье Генахиного «Запорожца». Когда выйдет, пусть примет для утешенья души и исцеления недуга...

СИМАХА-ЭКСТРЕМАЛ

Воистину богата наша жизнь историями. Однако историй с благоустроением житейского сюжета становится всё меньше и меньше. Историй, исполненных «печальными впечатлениями бытия», все больше и больше. Словом, всех их случается столько, что не перечтешь и не расскажешь. А вот про ту, которая потрясла своей неповторимостью видавших виды экстремалов, стоит рассказать отдельно.

...По случаю получения «пензии» пригласила нас свояченица тётка Симоновна на «ноклеты с чаем». Ну, так вот. Сидим это, семечки жареные со сковородки щёлкаем, про бывалое и небывалое слушаем. Как вдруг и началась эта самая быть, о которой говорить, дак и нутро-то холодеет!

Наш сосед Генаха появился с таким побледневшим видом, ну вроде как ему в самолете через пять минут надо лететь!

— Какую тресцю опять надавало-то тебе, милой, а? — тетка Симоновна обеспокоенно привстала и со слезным старушечьим ожиданием тревожно засуетилась. — Ноне опять солоницу уронила, дак чё-то, поди, стряслося?

— Чё-чё! Братан в катастрофу попал!

— Это Симаха-то с Пустомолочья?

Генаха с выпученными глазами выпил ковшик воды и перевёл дух:

- Он самый. В реанимации отпыхивается со сломанной шеей...
- Ой, вот ведь некошное-то место! Вот ведь страмная-то харя! — захлёбывающейся скороговоркой заголосила Симоновна.
- Хрёстная-то верно говаривала, мол, уготовает куды-нена-будь с евонной пьянкой окаянной. В какую-некакую историю, а попадёт!
- Ну, вот и попал!
- Ой ведь, ой ведь! Вот гадская-то морда! Ну как вот из-за зданих рослетушьев опять холеностерину в жилах не накопиться, а?
- Ладно, бабка, не возбуждайся-ко, да и остальных не возбуждай! — Генаха выпил еще один ковшик клюквенной «холодянки», перепышкался маленько и, понизив голос до трагедийной ноты, сообщил:
- Пузорезова-то Киноу знаете?
- Это на угоре за Худобердихой-то живет?
- Ну...
- А хто ж ево, гарушку окаяннова, не знаё-ёт!
- Схлестнулся с братаном моим Симахой. Напились и угнали они трактор.
- Какой ишо трактор?
- Там лесная делянка. Мужики, видать, собрались «толкануть» телегу хвойной древесины на большаке, а они их опередили. Трактор завели и покатали к большаку под вечер. Стекло-то грязью заляпано, Пузорезов-то и орет Симахе: «Идём в «слепом полете», ни хрена не видать. Вылазь на подножку и курс указывай. Штурманом будешь!»
- Ой, ведь, ой, ведь! — тётка Симоновна приложила платочек к слезящемуся глазу.
- Вот штурмана-то нам ишо надавала некошнова! Куды-то и заехал поди!
- Не... — Генаха разбавил минорный настрой рассказа глотком ядрёного морса.
- А ехать-то до большака через Худобердиху не маленько, а немножко, да ишо умножко! Вот беда-то какая. Хоть и выпили, а замёрзли. Симаха-то в одной рубашонке! Посинел на ветру! Пузорезов-то и напалил на ево свой тулуп задом наперёд, и пуговицы-то на спине застегнул... Ветром холодить не стало. Симаха маленько отогрелся, ну и погнали дальше. К Худобердихе-то подъехали, спускаться на скорости стали. Пузорезов-то и орёт, мол, держись, штурман, форсаж даю! И как дал на каменюку колесом!
- В одне сторону вылетел из кабины сам, а в другую — Симаха. Башкой-то ударился и лежит, вроде как и не дышит. Пузорезов-то тоже башкой колонулся и маленько отрезвел. Стал Симаху спасать. Первым делом — водочки ему из горлышка в рот влил. Не пошла, запузырилась слюнявыми пузырями и растреклась по заросшим щекам пострадавшего «штурмана» холюдеющей синюшностью. Пузорезов испугался и стал с яростной руганью трясти Симаху за ворот тулупа. При этом он вдруг обнаружил, что голова у Симахи сделалась задом наперед...
- Какое-то время он туло и мрачно взирал на несчастного Симаху, заподававшего вдруг признаки жизни, и решил, что ему надо срочно по пуговицам на тулупе повернуть голову, покуда не «крякнул».
- Держись, земля, теперь тебе голову по пуговицам вправлять буду! — Пузорезов зарорал и с хрустом свернул Симахе шею.
- Ой ведь, ой ведь! Вот ведь водка-та штё окаянная делает! — бабульки со страху запунцовели и закапали в рюмочки «сердечные капли».
- Тётка Густя «володеющей» рукой завернула в платочек зубной протез и запричитала с горестным надрывом:
- Ишо даве говаривала мне-на хрёсная-та, мол, шибче бы надо их драть в детстве, дак смиреннее бы и выросли!
- Эдак-эдак, милая! А топеря с имя ни праха не сделать!
- Дах хорошо ишо не до конца башку-ту ему своротили! Жив слава Богу!
- А как спасли-то их?
- Участновый нашёл и на мотоциклете привёз к больнице.
- Съездить бы к нему, окаянному, да пожалеть бы.
- Бабульки зашмыгали носами и уткнулись в платочки:
- Вылечат, дах хошь бы поумнел маленько!

— Дай Бог, дай Бог!

Ну а я закончу свой рассказ словами Фёдора Достоевского, великого русского писателя:
«Скорби искал он на дне полуштофа, и вкусил, и обрёл!».

«Мне не нравится всем нравиться...»

Талина Илетнёва

Родилась я в деревне Выползово, что на берегу Сухоны, недалеко от Лодейки. Мама работала в пекарне, была уважаемым человеком.

В пять лет я оказалась в городе Устюге. Это были особенные годы в моей жизни. Меня отдали в музыкальную школу, где я впервые очутилась в какой-то сказочно-сладкой таинственной атмосфере. Больше всего на свете я полюбила на всю жизнь красавицу скрипку. «Музыкалка» была для меня лучом света. Там буквально был свет: от лампочек, стен, людей, учителей, учеников...

Закончив обе школы, поступила в музыкальное училище. Вот они — самые светлые, самые бурные в смысле познания искусства, самые интересные годы в моей жизни. Ходила в кино, театр, в библиотеку, в филармонию на все концерты, что считалось обязательным для расширения кругозора.... Вместе с подругами выпускали стенные газеты, там я помещала свои стихи, заметки. Я много читала, писала стихи, письма (которые считаю серьезным жанром литературы).

Времени на гулянки, танцульки не было. Любила баскетбол, лыжи, волейбол, хотя руки музыкантам необходимо беречь от этих видов спорта, — за что получала нагоняй от преподавателя, иногда и удаление с урока, что считалось самым постыдным. Думаю, через это надо пройти всем, чтобы познать всё разнообразие жизни, сладость успеха, восторг от победы, уверенность в себе, желание идти вперед, умение творить, отдавая другим часть своей души, согревая теплом сердца и слов...

По направлению уехала в Грязовец. Вела в музыкальной школе домру, баян, аккордеон, фортепиано, музыкальную литературу и сольфеджио в вечерней школе. В 1971 году поступила в Ленинградский институт культуры имени Крупской на заочное отделение. Приезжая на сессии, бродила все свободное время по городу, вдыхала его воздух, слушала его дыхание. Кто был

там, жил, учился или работал, знает, что такое Ленинград, и поймет мои чувства, мою любовь, мой восторг к этому чуду Земли! Но самое главное — я училась в здании, где бывал Пушкин! То-то меня тянуло туда, к этим коридорчикам, лесенкам, комнатам, переходам и закоулочкам! Как будто знала, что поэт в какое-то время заставит остановить свои дела, мысли, чувства на его особе. С тех пор мне снятся сны о местах, где был Пушкин и где бывала и я! Ведь и жила я на квартире в доме Пушкина — на Мойке, 12! Мне даже снилась однажды барская усадьба, где я за камином нашла пачку писем Натальи Гончаровой-Пушкиной, адресованных мужу и впоследствии куда-то пропавших...

В 1980 году вернулась в Устюг. Город принял меня холодно, недружелюбно. Долгие поиски работы, отчаяние, отсутствие близких, друзей, понимающих людей отбили чувство любви к родному дому... эти годы ушли на узнавание сущности человека, его мерзостей и достоинств, несовершенства существующей дикой системы политического строя, когда в порядке вещей — унижение власть имущими, алчность и вседозволенность начальников всех уровней и мастей...

В 1986 году окончила филологический факультет Вологодского педагогического института, это дало возможность впоследствии работать и заведующей детской библиотекой, и преподавателем литературы. А ещё — получать любые знания из книг, уважать и любить русский язык, постоянно совершенствуя грамотность. В 1987 году я нашла себе отличную работу! Это детская библиотека. Вот моя светлая полоса в жизни!

Считаю, что только чтение умных, нужных книг делает человека сильным, устойчивым, интересным, уверенным в себе. Можно быть в кругу шумной семьи, но духовно одиноким, а можно жить одному, но не ощущать одиночества. Самым лучшим, искренним, интересным собеседником чаще бывает человек сам себе, со своим «Я». А как общаться с этим «Я», когда у этого «я» за душой ничего нет? Скучно тогда одному...

Бог давал мне возможность побывать много где, увидеть много что, дал способность чувствовать, страдать, мыслить, творить, любить мир и людей. А самое главное — свободу выбора своего пути, что, пожалуй, самое ценное в жизни, самое необходимое, чтобы жить...

2004 год. Уход на пенсию! Слава Богу, наконец-то свобода от принуждения, правил, расписаний, обязанностей, должностования! Но тут и болезнь, затем инвалидность...

Читаю, пишу, смотрю, слушаю, размышляю, рассуждаю, встречаюсь, принимаю друзей, общаюсь с теми, кто дорог и близок. В разных жизненных ситуациях бываю то учеником, то учителем. Учеником быть веселее, так как приходится своей мешок знаний и умений постоянно держать открытым, чтобы он становился все толще и увесистее. Учителем быть ответственно: не всем твои знания и опыт необходимы в данный момент. Радует, когда рядом оказываются пытливые ученики.

В последнее время круг интересных людей значительно расширился. Наверное, это компенсация за время, проведённое в замкнутом пространстве с ограниченным общением. Рядом много друзей, хороших людей, интересных собеседников, готовых и выслушать, и помочь...

Я открытая, такая, какая есть, со множеством недостатков, грехов... Радуюсь каждому мгновению жизни земной, стараюсь быть полезной, иногда вредной, чтобы не приставали и не прилипали. Резкая и непримиримая по отношению к подлости, вранью, лести, лицемерию, фарисейству, невежеству, бескультурью, чванству... Мне не нравится всем нравиться: я — не пирожное и не модная одежда. Для меня важно, чтобы люди нравились мне, чтобы я умела любить и прощать.

В жизни, по моему разумению и интуиции, людям важны две вещи — Слово и Музыка. Слово — это разум, Музыка — это душа. Их гармоничный дуэт и вдохновляет меня на творчество. Не зря сказано, что жизнь — это книга, и у каждого человека она своя.

Верю и надеюсь, что на страницах моей книги жизни произойдут события, благодаря которым смогу подарить миру новые сказки, стихи и рассказы.

«ДАЙТЕ ДЕНЕЖКУ НА ХЛЕБ!..»

С балкона посыпалась галочья трескотня. Узрели-таки, остроглазые, остатки моей трапезы! День мягко и плавно перекачивался к вечеру, но было ещё светло и можно писать, не включая лампу. Прислушиваюсь, не звякнет ли звонок, а вслед за ним не услышится ли стук в дверь, похожий на дробь дятла...

Около года назад такой звук заставил без предварительного просмотра в глазок открыть дверь. Мальчик лет десяти судорожно выдохнул:

— Дайте денежку на хлеб! — и бросил тревожный взгляд в глубину лестничных ступенек. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, я — с интересом, он — настороженно.

— Проходи, разувайся, мой руки вон там и садись к столу.

Делая вид, что не замечаю ни старенькой, но чистой рубашки без пуговицы на рукаве, ни ногтей с «трауром по китайской императрице», ни обрешившихся краев вязаной безрукавки, ставлю на середину стола кастрюлю с горячей варёной картошкой, хлеб и соленые огурцы.

— Начнём операцию по наполнению чрева здоровой пищей.

Ел он аккуратно, аппетитно, не жадно. Моя тётка научила узнавать характер человека по тому, как он ест. Её наука, как выяснилось позже, оказалась точной.

— Ну что, Федя, наелся?

— Я не Федя, я Славка.

— Славный — значит, красивый. А я Галка.

— Птица, что ли?

— Ага, птица. Ворона в расцвете лет.

Неглубокие ямочки на щеках и большие голубые глаза, превращавшиеся при смехе в узкие лучистые ручейки, что-то всколыхнули в моей памяти, но это «что-то» тут же исчезло.

Быстро и цепко его взгляд охватил небольшое пространство кухни, задержавшись на колоде карт.

— Играете?

— Иногда. Бывает, что и гадаю. Говорят, сбывается.

— А мне можете?

— Отчего ж не погадать неожиданному гостю? Его просьба — святое в моем шалаше.

Разложив карты, говорю, что была потеря небольших денег, будет дальняя дорога, казенный король, неожиданность и любовная печаль.

Славка засмеялся — неправда, мол, и вдруг заговорщически предложил:

— Хотите фокус?

Ловко перетасовав карты, попросил снять любую верхнюю и запомнить. Как смог угадать её, тщательно перемешанную в колоде, осталось загадкой.

Мальчишка так виртуозно управлял картами, так быстро мелькали его пальцы, что вызвал неподдельное мое восхищение. Потом научил раскладывать пасьянс, объясняя очень толково и доходчиво.

— Где так наострился?

— Сергей научил. Отчим. Он на зоне срок отбывал.

Смутившись, что сказал лишнее, мальчуган замолчал. Чтобы сгладить неловкость, предложила:

— А давай-ка попьём чаю с кабачковым вареньем.

— У вас, как в сказке, все необычно и занятно. Разве из кабачка бывает варенье?

— У меня всё бывает. Попробуй, очень необычно и вкусно. Понравится — баночку маме унесёшь.

Небо сгустилось до сочной синевы. Уличный фонарь с любопытством уставился жёлтым глазом на стену дома. Славка, бросив взгляд на часы, в мгновение ока собрал карты, положил их на место и затараторил:

— Ой! Засиделся я! Мамка с работы придёт, а меня нет, ругаться будет. Надо ещё хлеба купить да Танюшку из садика забрать.

Одевшись, вдруг замер и, внимательно посмотрев на меня, тихо произнёс:

— Галка-птица, ворона в расцвете лет, дайте денежку на хлеб.

Давно я так не смеялась, откровенно и свободно. Хороший признак, заметила я, коли есть у него чувство юмора: душа, значит, добрая. Зажав в кулачке денежку, Славка выпорхнул из прихожей, задробил сапогами по ступенькам и снизу крикнул, что ещё придёт.

Так начались «славкины субботы»: со звонка, стука в дверь и фразы, ставшей своеобразным шутивым паролем: «Дайте денежку на хлеб».

Как выяснилось, кошелёк у него отобрали незнакомые ребята у магазина. Мой подъезд оказался спасением от обидчиков. Фортуна не повернулась к нему задом, когда позвонил в мою квартиру. Из бесед узнала, что живёт с мамой, отчимом и сестрой в деревянном доме. Надо и печку топить, и воду из колодца носить. Смышлёный Славка довольно быстро научился решать sudoku — японские головоломки, сделав мне комплимент, что объясняю понятно, а не как строгая математичка в школе.

— Ну, ты учителей не суди! Вас, охламонов, много, все мыслят по-своему, каждому свои мозги не дашь. В жизни всё равно придется самому иногда такие задачи решать — строгость учителей конфеткой покажется.

— Вот и Сергей это же говорит, — нисколько не обидевшись, ответил мальчик.

— Мудрый он, твой Сергей. Линию жизни своей сам вычертил, вот и тебя учит свою линию жизни вести. А папу родного помнишь? — спросила и испугалась: не встревожила ли болью ранимую детскую душу...

— Помню, но не совсем — смутно. Но руки, подкидывающие меня, маленького, к потолку, и голос, ласковый и успокаивающий, помнить буду всегда, — совсем не по-детски произнёс Славка.

Оказалось, папу деревом зашибло в лесу. Не довели до больницы, умер. Мамка сильно переживала, таблеток много выпила, долго в сознание не приходила, врачи не надеялись, что выживет. Специально в коридоре поместили, чтобы на глазах у медсестер была. Из больницы мама пришла с Сергеем. Он хороший, добрый. Вечерами рассказывает о море, которое полюбил с детства, начитавшись книг о приключениях, пиратах и мореплавателях. Песни морские поёт тихо и задумчиво. Танюшка, убаюканная пением, быстро засыпает, а они с мамой долго слушают, иногда подпевая уже знакомые мелодии. Вот и в карты научил играть, но это так, ради забавы. Строго-настроено наказал не играть с чужими и на деньги, объяснив, чем это грозит.

— Ты нарушил слово, играя со мной?

— Вы не чужая. Да и не на деньги же.

— А денежка на хлеб не считается?

— Это другое, это как бы взаимно.

Однажды Славка, постучав в дверь, не произнес пароль, а спросил:

— Я с мамой пришёл, можно?

В прихожую вошла миловидная женщина, с такими же глазами и ямочками на щеках, как у Славки. Её улыбка показалась до боли знакомой, а еще поворот головы, как у балерины, и взгляд сверху вниз.

— Надюха! Ты?!

— Галинка!

Так меня называла в детстве только она, Надюха, приезжавшая из большого города на каникулы к бабушке.

Наша дворовая компания сразу приняла веселую, с анающим говором, никогда не обижавшу-

юся по пустякам девчонку. Мы дружили без глупых ссор, с ней было интересно. Любили рисовать, ходить в библиотеку, где часто показывали диафильмы, устраивали различные литературные конкурсы. И всегда моя подруга была в числе поощряемых. Позднее я поняла ценность нашей дружбы. Часто люди не придают значения детско-юношеской дружбе, на почве которой зарождается множество способностей, талантов и лучших человеческих качеств. Жаль, что забываем подруг и школьных товарищей, погрузившись в личные проблемы и суету жизненных будней.

После окончания школы, уехав в другой город учиться, я потеряла с Надюхой связь. И вот неожиданная встреча через столько лет! Не случилась бы она, не позвони Славка в мою квартиру. Конечно, мы выпили винца за встречу, а дальше — бесконечные «а помнишь?».

Судьба круто и жёстко обошлась с ней. Заболела бабушка. Пришлось поступить в ПТУ, хотя и не нравилась предложенная профессия. Зато там кормили, одежду кой-какую иногда давали, все полегче жить. Пенсия у бабушки маленькая. После учебы работала на стройке, а как бабуси не стало, совсем трудно пришлось. Откуда-то вдруг вытаяли дальние родственники, дом продали, даже копейки не дали, и в память о бабушке ничего не предложили: вещи на машину — и поминай как звали. Хорошо, ей место дали в общежитии, материальную помощь оказали. Вскоре Анатолия встретила. На свадьбе им ключи от комнаты подарили. Потом Славичек родился. Толя очень радовался, постоянно «спасибо» говорил за сына. Раньше думала, что так бывает только в кино да в книгах, а вот и сама такое счастье нашла. Только недолгое оно было. Слышала, что нельзя очень сильно любить, можно спалить жизнь себе или любимому. Только разве об этом думаешь, когда любишь? Вот и спалила...

Надя замолчала. Тупо отстукивали секунды старые ходики. В такие моменты трудно бывает что сказать. Ничего в голову лучше не влетело, как предложение наполнить рюмки:

— Помянем.

— Давай. Добрая память и вечная любовь, единственная, неповторимая, — с каким-то театральным оттенком произнесла подруга.

О гибели мужа, о потери смысла жизни — всё поведала она мне.

В больнице Сергея встретила. Он в соседней палате лежал. К нему никто не приходил. Вот он-то, говорят, и спас её. Сядет на стул у изголовья и всё о чём-то тихо говорит, говорит. Как на зону попал, как хороших людей встретил, научившись ни на кого не обижаться, прощать, слабых поддерживать, силой духа сознание изменять, судьбу самому решать. У одного сокамерника «Библия» была, он её вслух читал. Никогда не думал, что столько мудрости в этой книге находится, на каждый вопрос ответ есть. Стал потихоньку молиться, по-своему, по-простому. Освободившись раньше срока, случайно прочитал в газете статью о северном городке, несколько раз произнес название его, почувствовал какое-то необычное желание ехать туда. Приехал, да неожиданно сердце прихватило, люди вовремя «скорую» вызвали. А когда увидел её, лежащую на кушетке в коридоре, да услышал от санитарки, что дитя малое не пожалела, жизни себя лиша, захлестнула сердце волна то ли жалости, то ли никогда не испытанной ранее боли и горечи за такое небрежное отношение к своей жизни. Знать, случилось у бабы что-то шибко уж горькое, непереносимое. Вот и стал с ней разговаривать, молиться Богородице, прося пожалеть и простить несчастную, дитя малого сиротой не оставить.

То ли лекарства помогли, то ли услышал Господь искреннюю молитву за ближнего, но однажды удивлённая медсестра, обернувшись на шорох, увидела, как больная пытается встать. Молниеносно весть о чудесном выздоровлении облетела больницу, разговоров только и было об этом. Не обошлось, конечно, без выдумок и домыслов, что якобы мужчина этот никто иной, как экстрасенс и народный целитель. Теперь смешно вспоминать...

— А выпьем-ка, Галинка, за любовь! За ту, которая человека спасает, которая не предаёт, не прыгает, как заяц, от одного объекта к другому. За верную, благодарную.

Передо мной снова была та девочка из детства, смешливая, открытая и чистая, только теперь пополневшая, с морщинками у глаз, но не утратившая самое главное качество человека — любовь и добросердечие.

К сожалению, наши пути опять разошлись. Теперь они живут у моря. Приятель отчима, тот, который в намере «Библию» читал, адрес узнал у начальника тюрьмы и позвал к себе. Сбылась заветная мечта Сергея увидеть море, искупаться в нём, насладиться солёным воздухом, послушать шёпот волн. Редко, но летят письма с далёкого юга ко мне на север. Надюшка

присылает открытки с видами южной природы, зовет в гости. Радуюсь и молюсь за маленькую дружную семью. И если невзначай в дверь постучат быстро-быстро, хочется услышать в ответ на вопрос «кто там?» притворно-жалобное: «Дайте денежку на хлеб»...

СКАЗКИ

ВОЛШЕБНЫЙ КРЮЧОК

В одном городе жила бедная вдова. Чтобы прокормить себя и дочку, работала она у торговца, получая гроши.

Как-то хозяин не разрешил уйти домой, пока товар не будет продан. Люди закупили подарки к Новому году и Рождеству. Эта ночь выдалась особенно морозной. Злой ветер раскидывал снег по улицам, залеплял окна домов и витрины магазинов. Женщина простудилась и заболела.

Дочка пошла к хозяину просить денег на лекарьство, но тот, ругаясь, прогнал её. Идёт она, плачет... Не заметила, как к церкви пришла. Стоят у входа оборванные, продрогшие нищие, милостыню просят. Встала девочка рядом со старушкой, замотанной в серый вязаный шарф, и тоже жалобно запела:

— Подайте Христа ради, люди добрые!..

К вечеру несколько монет лежало в детской ладошке, а в старческой — ни одной. Поделилась малышка с нищенкой, а та, укрывая своим шарфом озябшую малышку, тихо проговорила:

— Не смотри, что он старый и грязный, тебе пригодится. Подойди к слепому, отдай остальные денюжки и послушай, что он скажет.

Положив монетки в сумку, слепой достал коробочку и попросил её открыть. Девочка осторожно приподняла крышку и услышала нежную мелодию.

— Твоё сердце так же чисто, как эти звуки. Иди домой, ни с кем не разговаривай, никому не показывай мой подарок.

Дома, напоив маму горячим отваром из трав и подождав, когда она уснёт, девочка открыла коробочку. Там лежал золотой вязальный крючок. Зазвучала музыка. И вдруг...

Крючок дрогнул, ожил и плавно вылетел из коробочки. Подлетев к шарфу, подаренному нищенкой, волшебный крючок зацепил из него ниточку и начал вязать под звуки музыки. Он танцевал и танцевал в воздухе, и серые нитки старого шарфа превращались в яркие, как радуга, новые и крепкие разноцветные нити, и из них сами по себе вязались береты, шапки, рукавички, носки, шарфы... Скоро ими заполнилась вся комната! А шарф — удивительно! — даже не думал уменьшаться в размерах.

Как только музыка прекратилась, крючок перестал вязать и снова улегся в шкатулку. А связанные им пушистые, тёплые и очень красивые вещи утром были раскуплены у девочки очень быстро. Тем более что она продавала их совсем недорого.

Увидев это, жадный торговец пообещал малышке много-много денег за то, чтобы она работала в его лавке, но получил отказ. Тогда приказал он слугам скупить весь товар у непорочной. Решил, хитрый, перепродать изделия за большие деньги.

Скупил, выложил свой товар на прилавок, зазывает народ. Шумят, толкаются, ссорятся люди, боясь выпустить из рук красоту такую. Деньги рекой текут в карман торговца. Доволен он, что обманул девочку. Снова посылает слуг за товаром. Вдруг с криком вбежали покупатели, стали только что купленные вещи швырять. Только уже не те, пушистые и разноцветные, а серые, грязные, с дырами. Слова не может произнести торговец, не знает, как разъярённых успокоить. В это время в лавку вошли нищенка и слепой.

— Верни деньги людям. Прощения проси у вдовы, которую обидел, и у девочки, что со двора прогнал, тогда жив останешься, — строго приказала старушка.

Испугался халуга за свою жизнь, вернул деньги. На несколько замков закрылся в своем доме, боится на улицу выйти.

А город в это время готовился к рождественскому балу. Все узнали в Королеве бала бедную вдову, а в Фее — её дочку. На них были изумительно красивые платья, связанные волшебным крючком. У всего народа просил прощения торгаш. Королева надела на него тёплый шарф, а Фея — перчатки. Согрелись руки у несчастного, потеплело сердце — и растаяла в нём жадность. Вывела из толпы Фея нищенку и слепого, в ноги им поклонилась, обняла и назвала почетными людьми города. В тот же миг превратилась нищая в элегантную даму, а слепой — в зрячего статного юношу.

Никогда ещё народ так не веселился, никогда ещё не получали столько подарков и внимания сироты и вдовы! Королева стала хозяйкой города. Лавочник построил фабрику, где работницы вязали замечательные вещи. Слава о них разнеслась по всему миру. С тех пор в городе живут счастливые и добрые люди.

ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Снег уже не сыпал крупной, а валил мохнатыми хлопьями, накрывая кусты, деревья, дорожки и скамейки пушистой шалью. Дети, наигравшись, весело покидали детскую площадку городского сквера.

Любуясь алыми птицами на заиндевавшем кусте, Девочка забыла о времени. Снегири нисколько не боялись её, один даже сел на плечо... Потом стая вспорхнула, стряхнув с веток кудрявый иней, и мигом исчезла.

Темнело. Сделав несколько шагов, Девочка увидела на скамейке чью-то фигуру. Незнакомый мальчик казался таким несчастным, что пройти мимо она не смогла. Тронув мальчика за плечо, вопросительно нивнула головой: мол, что случилось?

— Очки потерял, а как искать, если плохо вижу?

Сделав успокаивающий жест рукой, Девочка обогнула скамейку, осторожно разметая ногой снег. Осмотрела дорожки, заглянула за ледяные фигурки, обошла горку, снежную крепость, деревянный домик... потери нигде не было.

Тут над головой послышался шорох. На нижней ветке старой берёзы восседала толстая ворона, зажав в клюве очки. Девочка замерла. Что сделать, чтобы птица не улетела? Как, не испугав, выманить добычу? Придумала! Размяв в кармане кусок булки, она высыпала крошки на снег и тихонько отошла в сторону. Ворона была, видно, очень голодна, потому что мигом налетела на еду.

Очки свалились в снег и вскоре переночевали на хозяйскую переносицу, отчего их хозяин сразу повеселел, стал увереннее и смелее.

— Спасибо. Меня родители назвали Алексеем, а тебя как?

Девочка прутником написала на снегу свое имя.

— Ты не говоришь?

Девочка, вздохнув, отрицательно покачала головой.

— Тогда говорить буду я. Мой папа — священник, а мама — скрипачка, в воскресной школе преподает пение, скрипку и фортепиано, — мальчик улыбнулся. — Мы жили в большом городе, сюда приехали недавно, и я пока ещё никого не знаю. Хочешь быть моим другом? Вот и отлично. А ещё у меня есть брат и сестра. Ты им понравишься, у тебя светлая улыбка и добрые глаза. Прости, но я спешу. Вот шарик, он подскажет, где меня найти, а ещё он может помочь исполнить любое желание, тем более перед Рождеством Христовым... И он скрылся в глубине аллеи.

Хрустальный шарик переливался разноцветными огоньками, освещая заснеженные кусты и деревья и отражаясь в восхищенных глазах Девочки.

...В эту ночь ей приснился удивительный сон.

Шарик, выскочив из рук, покатился по скверу, остановился у карусели, покрутился вокруг себя, подпрыгнул и очутился в седле верблюда. И верблюд вдруг открыл глаза и закачал головой. Все лошадки, львы и олени зашевелились, замахали хвостами, приглашая прокатиться. Едва Девочка села на мягкую спину тигра, как все завертелось с невероятной быстротой. Карусель помчалась вверх, к облакам, мимо туч, полных пушистого снега, мимо ярких звёзд с легкими блестящими шлейфами...

Наконец, движение прекратилось. Шарик выпрыгнул из седла и покатился по серебряной узкой дорожке — Девочка едва успевала за ним. Неожиданно их ослепил яркий свет. Что это?

Перед ними возвышался великолепный Золотой Дворец. Навстречу с поклонами вышли слуги в ярких одеждах. Они проводили земных пришельцев к Великому Повелителю Страны Утраченных Радостей.

— Ты пришла за своим Желанием, — участливо произнёс Повелитель. — Вот уже сто небесных вращений, как оно находится у меня. Сумеешь отыскать его за три космических доли — оно твоё. Нет — останется здесь навсегда. Прошу! — широким жестом он указал дорогу в залы дворца.

Сколько продолжается космическая доля и как её определить, даже шарик не знал. Он нетерпеливо заворочался в Девочкиной ладошке, запыхтел и начал толкаться, будто торопил начать поиски.

— Оглянись, чтобы Повелитель не заметил, и посмотри в окно — чуть слышно прошептал Девочке на ухо чей-то голос.

Она увидела три большие стеклянные воронки, из которых сыпались на голубое покрывало неба звездочки, и догадалась. Что это — мера космического времени.

И снова голос торопливо прошептал:

— Повелитель заразился страшными земными болезнями — завистью, лестью, жадностью и ложью. Будь осторожна, он очень хитёр и коварен, хотя сладко поёт. Многие, поверив обманщику, променяли свои Светлые Мечты и Заветные Желания на деньги, славу и власть. Что бы он ни говорил, что бы ни обещал — не слушай! Главное — не закрывай глаза, иначе лишишься живительной силы, которая нужна для поисков. Торопись и помни мои слова!

...Ищет Девочка свое Желание среди рассыпанных драгоценных украшений, мехов, одежды, игрушек, машин, конфет, фруктов, но найти не может.

А звездочки всё сыплутся с звоном и пропадают в космической дали. Ласково улыбается Повелитель, убаюкивающее звучит его вкрадчивый голос:

— Оставь своё глупое Желание... Я сделаю тебя самой красивой девочкой на свете... Ты будешь королевой всех балов и конкурсов! Имея много денег, ты увидишь весь мир, будешь богато одеваться, вкусно есть и пить, красиво отдыхать...

Очарованная прекрасной музыкой, Девочка забыла о времени. Закрывает глаза и увидела себя красавицей — все любят её и завидуют...

Утонула бы она в этом сладком сне, если бы не шарик. Он уже проверил все углы и закоулки комнат, залов, кладовок, чердаков, лестниц... Увидев свою маленькую хозяйку в таком состоянии, шарик ужасно рассердился. Он стал так сильно прыгать, что тюкнул уснувшую по голове. И Девочка проснулась. Времени на упрёки и оправдания не было. Шарик подлетел к большому шкафу и стал что есть силы в него биться. От этого дверца открылась, и оттуда вывалилось маленькое, похожее на мягкого медвежонка, существо.

Подхватив его, Девочка и шарик помчались к выходу из дворца. Вслед летели вопли Повелителя. И в то же время последняя звездочка, протяжно дзынькнув, покинула стеклянную воронку.

Вмиг исчезли и Повелитель, и Дворец, и карусель. В спящем городе хозяйничала ночь. Луна любовалась своим серебряно-голубым шарфом, расстеленным на заснеженной земле.

Никто в доме не слышал, как скрипнула входная дверь, как ей ответили половицы, как звякнул шарик, улегшись на дно хрустальной вазочки. Прижимая к груди Желание, Девочка нырнула под теплое одеяло.

...Утром кукушка, высунувшись из часового домика, прокричала сколько положено и сно-

ва спряталась. Девочка крепко спала. Пушистое существо осторожно выбралось из-под одеяла и, оттолкнувшись короткими лапками, прыгнуло в вазочку, где сверкал шарик.

Они разбудили девочку песенкой, которую она исполняла на концертах, пока не случилось несчастье: из-за осложнения после болезни у нее пропал голос. А как она мечтала стать певицей! Врачи не обещали выздоровления. Учитель вокала так переживал за любимую ученицу, что даже заболел. Только мама, не переставая молиться Богородице, истинно верила, что её услышит Тот, кто дал её дочке не только жизнь, но и талант.

Сегодня, в светлый праздник Рождества Христа, мама ощутила необычную радость в душе и легкое волнение.

И тут она услышала детский голосок — это пела её дочурка!

Мама от счастья плакала, обнимая девочку, и мысленно благодарила Бога.

...Рождество обе семьи встречали вместе. Вскоре Алёше врачи сделали операцию, и он стал хорошо видеть.

* * *

Прошло несколько лет. После окончания консерватории Екатерина стала преподавать в музыкальном училище. Старый учитель гордился своей ученицей и был самым почётным гостем на всех её концертах. Алексей окончил Духовную Академию и стал служить в храме, в котором молодые и обвенчались.

Их часто видели в сквере на детской площадке, где они когда-то встретились...

ИСТОРИЯ ПРО ПИНЮ

Однажды в одной добропорядочной муравьиной семье появился малыш. Он так быстро перебирал ножками, как будто пинался, за что его назвали Пиня. Рос он бойким, горластым и очень непослушным.

Как-то утром он вышел из дома, прихватив остаток пирога, и отправился гулять. Идёт, во весь голос орёт. Выглянул Жук из-под листочка:

— Совесь у тебя есть? Все ещё спят, а ты кричишь.

— У меня только кусочек сладкого пирога, а совести нет, — подумал Пиня, заглядывая в карман штанишек, и с визгом помчался дальше.

Заметив медленно идущего Червяка, решил подшутить. Дёрнул за листочек — вся холодная роса обрушилась из цветка на несчастного прохожего. Выронив от неожиданности тросточку, Червяк ойкнул и сжался от страха.

А Пиня прыгал вокруг дрожащего старичка и смеялся.

— Совсем совесь потерял! — сердито занужжал шмель, пытаясь хлопнуть муравьишку крылом. Испугался проказник, понёсся что было сил, не разбирая дороги, чуть в пруд не свалился. Спрятался за камешек, отдышался, заворчал с обидой:

— И ничего я не терял. А пирог — вот он.

Достал Пиня пирог и давай его уплетать. Нарядная Бабочка осторожно присела рядом, надеясь на угощение, но сладкие крошки мигом исчезли во рту муравьишки. Отдохнув, Пиня от нечего делать принялся бросать камешки в белые лилии. Ломаются с хрустом лепестки, а озорник хохочет на всю округу. Стрекоза хотела защитить нежные цветы, но камень угодил и в неё. Тут из воды Лягушка вынырнула, вслед за ней ещё несколько, да как заквакают:

— Что ты делаешь, хулиган! Невежа! Как ты смеешь обижать беззащитные цветы? Вот бросим тебя в пруд, глядишь, и совесь у тебя проснётся.

Вмиг очутился муравьишка в воде! А плавать-то не умеет. Захлебывается, маму на помощь зовёт, только спастись его никто не торопится.

На его счастье мимо пролетал Вётрушко, он-то и вытолкнул тонущего на берег. Лёг тот на песочек, еле дышит, а Вётрушко дознаётся, порхая над водой:

— Кто ты, откуда? Зачем в воду полез, коли плавать не умеешь? Почему один гуляешь? Отвечай, а то улечу, вдруг опять что-нибудь с тобой случится или обидит кто?

— Это он всех обижает! Никому от него покоя нет. Невоспитанный! Без совести живёт! — зашумели жители водоема.

— Как это без совести? Быть такого не может! — удивился Вётрушко.

— Никакой совести у меня не было, а только кусочек пирога, но я его съел. Живу я с мамой и папой, есть ещё братья и сестрички, а никакая совесть с нами не живет! — в отчаянии закричал Пиня, по привычке топая ногами и взмахивая кулачками.

На шум вышла тётя Улитка, и все наперебой стали рассказывать о случившемся. Уважаемая тетюшка покачала головой, вздохнула и, ласково поглаживая Пиню по спине, произнесла:

— Маленький ты ещё, глупый, хотя уже должен понимать, что хорошо, а что плохо. Страшно было в воде? И другим бывает страшно, когда беда наступит. Как же домой пойдёшь, солнышко скоро закатится, темнота тропинку накроет, без провожатого не обойтись. Только вот кто тебе помогать будет?

Залился малыш горячими слезами, но тут Вётрушко зашуршал:

— Ладно, провожу тётя. Родители, поди, с ног сбились, ищут тебя, непутёвого, плачут, переживают.

Вспомнил Пиня тут о маме и папе, почувствовал какой-то жар в груди и застонал.

— Это стыд жжёт, он и совесть разбудит, — сказала тихо Улитка, наклоняясь к несчастному Пине. — Надо у всех, кого обидел, прощения попросить, тогда совесть никогда не покинет тебя, тогда и жить будешь правильно, по совести.

— Я многих обидел. Успею ли до темноты всех обойти? — снова захныкал бедняга.

— Хватит хныкать! Беги за мамой! Вдвоем мигом управимся! Спасибо, добрая тётя Улитка! Спокойной ночи, друзья! — прошумел Вётрушко и полетел, увлекая за собой Пиню.

Все жители муравейника вышли встречать пропавшего малыша, а Шмель, Червяк и Жук искренне простили его. С тех пор Пиня стал послушным, добрым, а если кого-то нечаянно обижал — просил прощения, потому что в его муравьиной душе теперь жила Совесть.

КТО ГЛАВНЕЕ?

Однажды вернулся Дед Мороз из далёкой поездки домой усталый, голодный. Хотел, как обычно, снег с валенок веником смести, да того на месте не оказалось. Ну, думает, на коврик потопаясь, снег сам слетит, да только и коврик куда-то пропал. Сел дед в кресло, чтобы передохнуть да валенки снять, и чуть не упал: одна нога у кресла подкосилась. Удивился хозяин терема:

— Сколько лет здесь живу, но такое впервые случилось.

Зашел он в дом и ахнул: все вещи валяются где попало, стулья лежат вверх ногами, стол на боку, шторы на окнах — на одном крючке, цветочные горшки разбиты, растения с обломанными листьями жалко распластались на сбитом ковре, кровать сдвинута, подушки с распоротыми боками вздыхают на подоконнике, люстра тихо позвякивает отколотившимися краями хрустальных светильников, вся одежда вывалилась из шкафа...

— Что же такое здесь произошло? Почему такой беспорядок?

Тут к нему на плечо села Сова-умная голова. Она-то и поведала о том, что случилось. Оказывается, только Дед Мороз спустился с крыльца, чтобы сесть в сани и уехать по важным делам, вещи в доме стали спорить, кто главнее.

Веник зашуршал:

— Без рассуждений — я! Мне первому хозяин кланяется, первого в руки берёт, чтобы снег с ног убрать.

— Но летом я — незаменимый чистильщик обуви, — перебил его Коврик и как бы нечаянно его толкнул.

Веник заверещал, отлетев в угол и по пути задев Кресло.

— Напрасно спорите, — недовольно проворчало Кресло. — Я первый, на кого садится дедушка, когда снимает обувь и отдыхает после работы. Так что прошу всех это запомнить раз и навсегда.

— А где он обедает? А где он читает и пишет? Без меня ему нечего в тереме делать! Я все вещи, уверенные каждая в важности своего предназначения, начали громко спорить,

доказывать свою главность, толкая и пиная друг друга. Большой и тяжёлый шкаф, пользуясь своей мощностью, попытался утихомирить спорящих, но тут же об него стукнулся горшок с недавно распутившейся розой и, хрустнув осколками, сломал замок на его дверце. Шкаф тяжело вздохнул, а вывалившаяся из него одежда тоже вступила в спор. Увидев это, шкаф испуганно вздрогнул, оступился... опёрся на стену, на которой висели дедушкины часы...

Надо сказать, что часы это были особенные: они всегда очень точно показывали время. А раз в год, в 12 часов ночи 31 декабря, из узорной дверцы над циферблатом с серебряными цифрами, похожими на снежинки, и стрелками в виде двух сверкающих сосулек — одна подлиннее, другая покороче, — выглядывал снегирь с малиновой грудкой (ну впрямь, как живой!) и мелодично звенел: «С Новым годом!».

Так вот... Шкаф опёрся на стену, на которой висели дедушкины часы, от толчка часы сошлись со своего гвоздика и со звоном упали на пол.

— С Новым го... — невпопад начал свою песенку снегирь, выпав из дверцы, но не допел её и замолк, оставшись лежать на циферблате. Стрелки-сосульки выдержали удар, но несколько раз обожали кружок с цифрами и бессильно повисли обе на цифре «семь».

И сразу же наступила тишина. Вещи с ужасом смотрели на то, что натворили.

— Ах, а как же дедушка сейчас узнает, что наступил Новый год?! — выдохнула подушка облако пуха, оно метелицей пролетело по комнате и осело возле ног вошедшего в комнату Деда Мороза.

Дед Мороз укоризненно поглядел на всех участников драки и сказал:

— Я даю вам ровно двенадцать минут, чтобы вы привели себя и помещение в порядок. Кто не успеет или же будет продолжать спорить, будет отправлен в кладовую, где находятся ненужные вещи.

А сам бережно поднял часы, огорчённо покачал головой и вышел с ними прочь.

Через двенадцать минут в тереме воцарился порядок: все вещи, снова целые и невредимые, лежали, стояли и висели на своих местах — терем-то был волшебный, и вещи в нём — тоже. И Дед Мороз, вернувшись, но уже без часов, сердито сверкнул глазами:

— А сейчас хочу сказать, что каждый из вас выполняет ту работу, которую умеет и знает. Без веника не будет чистоты, без ковра — тепла и уюта, без посуды нельзя поесть и попить, без стульев и стола нельзя отдыхать и принимать гостей, без цветов в доме серо и уныло, без книг нельзя стать разумным и знающим, без одежды не выйдешь на улицу к людям, без люстры не будет света и радости. У каждой вещи своё место, своё время действия, своё назначение. Только все вместе вы можете выполнить важную миссию, предназначенную свыше. Все вы нужны, поэтому выполнять работу следует добросовестно, терпеливо и со смирением.

Все молча слушали Деда Мороза. Каждый в душе глубоко раскаялся в содеянном.

— Даже я здесь далёко не главный, — продолжал свою речь Дед Мороз. — Пусть я и хозяин этого дома, но зачем бы мы были нужны, если бы сюда не приходили и не приезжали дети и взрослые из разных городов и деревень нашей страны, чтобы поиграть, повеселиться, погулять, посетить зоосад с его замечательными питомцами?

— А как же часы? — робко пискнул Карандаш с дедушкиного стола.

— А часы мы вылечим и повесим на место, — Дед Мороз усмехнулся в усы.

Мудрая Сова сидела на плече хозяйина и, соглашаясь с ним, нивала круглой головой, немигающими глазами строго оглядывая присмиривших слушателей. Она-то давно знала, кто главный в тереме.

А вы знаете?

СКАЗКА О ГИТАРЕ

Жил-был Дирижёр. Набрал он хороших музыкантов в оркестр, который вскоре стал знаменитым, и часто выступал на концертах, конкурсах, фестивалях.

Как-то раз, приехав в другую страну, оркестранты пошли осматривать город, а инструменты оставили в маленькой комнате театра. Как всегда, ворчливый Фагот начал вздыхать и пыхтеть. Неуклюжая Туба нечаянно задела Флейту. Та взвизгнула, испугав Валторну. Комната наполнилась грохотом и криком. Не выдержал терпеливый Контрабас и загудел:

— Тихо, братцы! стыдно так себя вести! Что подумает о нас новичок?

Все замолчали. Контрабас направил смычок в угол, где в футляре лежал незнакомый инструмент.

— Ты кто? — спросил его Ксилофон. Вопрос остался без ответа.

— Может, это скрипка? — пробубнили Литавры.

— У него нет смычка и элегантной головки с завитком, как у меня, — возразила Скрипка.

— Тогда это виолончель, — просвистела Флейта.

— Разве на его деке вырезаны изящные эфы? — бархатным голосом пропела Виолончель.

— Да и шпиля нет, — подтвердил Тромбон.

— Это, наверное, гусли! Вон сколько струн! — выкрикнула Труба.

— Нет-нет-нет! — забренчали Гусли. — Посмотрите на красивую форму его корпуса, на тугие серебряные струны и ровные лады. Наверняка он имеет великолепный голос.

Вдруг за дверью послышались шаги и разговор. Это возвращались музыканты, чтобы приготовить инструменты к выступлению. Они протерли их, настроили, у смычков винтами натянули волос... Только незнакомец тихо продолжал лежать в футляре.

И вот оркестр на сцене.

Вышел Дирижёр, поклонился публике, взмахнул палочкой, и зазвучала Музыка. Каждое произведение публике награждала восторженными аплодисментами. В заключение концерта Дирижёр объявил:

— Сейчас оркестр исполнит «Фантазию для гитары с оркестром». Автор — знаменитый композитор и гитарист вашего города.

На сцену вышел молодой музыкант. В руках он бережно нёс Гитару.

Никто не заметил, как инструменты переглянулись — они узнали незнакомца из футляра.

Никогда ещё оркестр не играл так проникновенно, никогда смычковые не пели так нежно, а духовые — звонко и весело! Палочка Дирижёра рисовала узоры хрупкой красоты и четкости. А как звучала красавица Гитара! Слушатели словно втянулись в стремительный поток мелодий, ритма, огня и энергии.

Потом музыкантам дарили цветы, кричали «браво», а у гитариста просили автограф. Многие хотели погладить Гитару, задеть струны, но хозяин вежливо объяснил, что делать этого не следует.

А Гитара теперь знала, какое у неё красивое звучное имя.

С тех пор инструменты оркестра, оставшись одни, не шумели, не кричали, а вспоминали Гитару — её сильный, сочный, приятный голос, скромность и трудолюбие.

Только обладая такими качествами, можно добиться высокого мастерства в искусстве.

СКАЗКА ПРО ГЕРАНЬКУ

В одном цветочном горшочке жила-была маленькая Геранька. Всё у неё было — мягкая, теплая и влажная питательная земля, свет, чистый воздух. Казалось, живи да радуйся, но никак не могла она привыкнуть к одиночеству, часто вспоминая маму-Герань, её сильный

стебель, красивые шапки цветов... Геранька до сих пор помнит крепкие пальцы, быстро и безжалостно вырвавшие её из маминых объятий и сунувшие в стеклянную банку с водой. После появления корешков её поместили в землю, в этот горшочек, где бедное дитя все время думало о маме, горько сетуя на свою несчастную печальную судьбу.

Совсем было захирела Геранька, да случилось неожиданное.

Однажды рядом с ней свалилось семечко — толстенное, гладкое и очень важное. Разлеглось оно удобно и уснуло, просыпаясь время от времени попить водички да перевернуться на другой бочок. Заинтересовавшись неожиданным соседом, сиротка забыла про своё горе, прислушиваясь, как дышит семечко.

Прошло некоторое время. Как-то раз она услышала тихое потрескивание и, оглядевшись, увидела вместо семечка тоненький, слабый стебелёк, который испуганно и беспомощно смотрел двумя нежными листочками на незнакомый мир. Геранька вдруг ощутила к нему жалость и сострадание. Обняв и прижав к себе стебелёк, она шептала ему ласковые, ободряющие слова.

Когда тот окреп, распушил несколько листиков и уже мог самостоятельно держать спинку, Геранька осторожно спросила, кто он есть.

— Цитрус, — вежливо поклонился росточек и в ответ услышал имя соседки.

Через некоторое время они знали друг о друге всё.

— Тебе не стоит грустить, Геранька. Когда-то дети должны покинуть родителей, чтобы начать свою жизнь. У меня тоже были мама и папа, братья и сёстры, но я знал, что наступит расставание, и был готов выполнить своё предназначение — продолжить род Цитрусов. Поэтому я и водичку пью, и соки из земли вытягиваю, принимаю любую искреннюю помощь, стараясь стать крепким, здоровым и красивым.

Стыдно стало Гераньке: такая большая, а всё ещё тянется к маме, совсем не думая о своём предназначении.

С этого дня жизнь в цветочном горшочке круто изменилась. Геранька помогала подопечному сохранить новые листочки, отпугивая охочих до вкуснятины букашек, прохладными ночами закрывала своими листьями хрупкое, привыкшее к теплу тельце заморского растения. А Цитрус неустанно дарил опекушке приятные всем дамам комплименты, учил цветочному этикету — держаться прямо и гордо, изящно раскрывая резные листья, тонко источать неповторимый аромат, привлекая внимание яркими, чудесными цветами.

— Цветут только счастливые! — неустанно напоминал кавалер своей барышне.

Но однажды чуть не случилась беда.

Те пальцы, что оторвали Гераньку от мамы, стали настойчиво, хотя и осторожно, тянуть Цитрус из земли, но Геранька вцепилась в друга так крепко, что пальцы оставили росточек в покое. После такого потрясения они поняли, как нужны друг другу, и так спутали корешки, что никакая сила не могла бы их разнять.

С тех пор Цитрус и Геранька живут, помогая друг другу, радуясь каждому дню, удивляя окружающих цветами и яркой зеленью.

Они с улыбкой смотрят друг на друга и думают об одном и том же: истинная дружба и бескорыстная поддержка смогут справиться с любыми неприятностями, а главное — поверить, какой Ты неповторимый, единственный и желанный. И не важно, на каком языке ты говоришь, какие песни поёшь, какие одежды носишь. Важно знать, что Солнце одинаково светит всем, и все хотят жить, достойно выполняя своё предназначение.

«Мой мир — это огромная капля неба...»

Андрей Реутов

У него — увь! — не от первого...

Андрей Реутов — автор в этой книге особый. Он ушёл от нас рано — в возрасте 33 лет. История повторяется. Уходят талантливые люди — недопонятыми, недослушанными, недолюбившими и недолюбленными. Господь принимает всех. А нам остается лишь жалеть и страдать от осознания того, что это Мы недопоняли, недослушали, недолюбили... Жалеть и помнить.

Просто удивительно, как совмещалось всё в одном человеке — и умение заглянуть в запредельные глубины души и сознания в своих философских стихах, и способность сделать «из ничего» добрую детскую песенку, посмеяться над бытом, метко и хлестко назвав вещи своими именами, и нежно, трогательно петь о любви к родному городу.

Он участвовал в рок-фестивалях, в конкурсах авторской песни — в Великом Устюге, в Коряжме, в Новгороде, и всегда привозил домой дипломы лауреата. Особенно он пленил зрителей игрой на флейте. Оказалось, что у Андрея готова рок-опера на так любимые им древнескандинавские мотивы — о суровых викингах, но никому уже не суждено её услышать, лишь отдельные песни остались в домашних аудиозаписях, всё остальное автор унёс с собой.

Наверное, наполненная солнечным сиянием предосенняя пронзительность спелого августа 1968 года, когда появился на свет этот талантливый человек, наделили его голос и музыкальные узоры его песен особым светом и теплотой.

Жизнь не дала Андрею времени на признание. Он шутил над собой: «Я — автор, широко известный в узких кругах и на местных кухнях».

Были друзья, хвалили песни, любили за добрый и компанейский характер, за щедрую душу...

А он, настоящий, был закрыт — его глубинная сущность была тайной для других. В эту глубину я заглянула только после его смерти (прости, Андрей, без твоего разрешения) — через дневники, которые он никому не показывал... Там — накал, предел, острие вперемежку с собственными комплексами...

Поэтому «От первого лица» — это следующие страницы — страницы из дневника Андрея Реутова...

«ВРЕМЯ — ПТИЦА-СИНИЦА...»

Выдержки из дневника

27.01.93

«Поражает одно: психологический статус среды, которая на равных условиях со всеми двадцать четыре года назад породила и меня. Люди моей родины — словно племя физиологических единиц, объединённых конкретным качеством, этаной тотальной всепоглощающей характеристикой — счастливым неведением, — живут, как в лесу, по канонам придуманной ими изощрённой и дремучей нравственности...»

04.02.93

«Истинный мужик есть колоссальный механизм торможения внутренних реакций... Я обладаю жутким предрассудком по отношению к главному, самому, пожалуй, основному аргументу — дать лишний раз человеку по морде и без комментариев. Просто для того, чтобы это произошло, моему мозгу нужно привести в движение целый ряд внутренних шестерёнок. Какое счастье быть жлобом: никаких тебе возвышенных разговоров, осторожности и трезвой оценки действительности. «Как!» — словно птичка. И всё. Поэтому я смотрю на эти физиономии, посаженные на кожаное широкоплечее основание, и становится, мягко говоря, хреново...»

18.02.93

«За что меня любить? Я очень часто задаю себе этот вопрос. Приходишь к оглушительному выводу: не за что. Просто какой-то совершенно абстрактный, изуродованный комплексом склад психики независимо от рассудка давит своим объёмом на окружающих — и с такой силой, что последние шарахаются в сторону. Огромное внутреннее напряжение неизбежно оказывается на свободе, образуя вокруг тела нездоровую астральную оболочку, которая, в свою очередь, своей жёсткой энергией подавляет энергетический потенциал других людей. Глухое раздражение, встречаемое мною среди своих знакомых, казалось бы, совсем не обоснованное и беспочвенное — прямое следствие подорванного биоэнергетического баланса.»

19.02.93

«...Мой мир — это огромная капля неба, всепоглощающая своей синевой, бьющей в глаза... Это маленький зверёк Сплюшка, мохнатый, тоже с пронзительно синими глазами... Это ослепительно белая церковь Вознесения в черёмуховой роще...»

«...Каждый человек, если он обладает фантазией, создаёт у себя некоторый идеал, систему координат, микромир, понятный только ему самому. В эту святую страну не допускаются даже самые близкие люди. Он с ним и умирает. А тот жалкий объём, оставленный нам знаменитостями всех времен и народов, есть оправдание человечества перед собой в своей неспособности хранить кровью и потом доставшиеся ценности Духа и Опыта...»

26.02.93

«Российская нация творит чудеса благодаря своей инертности. Поэтому такое понятие,

как терпение, приняло в наши гипертрофированные времена совершенно извращённое значение. Странная физиология, холопская наследственность, генетическая мутация нескольких десятков поколений — идеальное следование библейской аксиоме: «Не противься. Если ударили по одной щеке, подставь другую». Не это ли все и рождало тоталитарные режимы и кидало из одной крайности в другую, когда прав оказывался тот, кто громче кричит? Чудовищная прорва, в которую государство, словно слепого котёнка, бросило народ, есть неизбежная плата за нашу собственную круглоголовость и консерватизм...»

01.03.93

«Вся творческая шушера делится на две категории — «светлые» и «чёрные». «Светлый» — это Санька Егоров со своей эстетской поэзией, а «чёрный» — это я, некий конгломерат реальности, меланхолии и самопогребения».

27.03.93

«Не верю, что в наше время холостякам проще, хотя очень многое зависит от внутреннего статуса. Я говорю к тому, что есть порода одиноких людей, которые не осознают даже того, что они одни. Конфуций сказал: «Да не уподобься толпе, и будешь велик». Но трагедия, когда ты один, да еще, слава богу, с мозгами.»

29.03.93

«Одной даме, моей хорошей знакомой, жутко не нравилась моя способность обобщать происходящие вокруг вещи. Я до определённого времени таким вопросом даже и не задавался. Слыть и быть философом — довольно-таки специфическое занятие, но очень, ко всему, простое. Складывать из одного понятия пирамиды, совершенно не воспринимаемые другими. Уметь говорить. Это полная импровизация, со временем переходящая в привычку...»

20.05.93

«Как-то странно происходит: душа под напластованиями предрассудков и жизненных стабилизаторов вдруг освобождается из-под ороговевшей корки. Куски раздвигаются, и эта бьющаяся в порывах розовая масса становится беззащитной перед жизнью. Последняя, как огромный плотоядный и перемалывающий всё на своем пути механизм, устремляется в образовавшиеся щели, причиняя боль. Я сам на себе чувствую подобное действие, испытывая страх перед присутствующей близостью агрессией. Это даже не страх, это не обоснованная ничем осторожность, источник внутреннего колебания в самом стержне. Стержне, который есть основа любого настоящего мужика...»

07.06.93

«Это страшная штука, когда рядом нет подруги. Сам факт присутствия близости женщины, её теплое свечение, эмоциональная струя, исходящая из её телесной формы, для меня значит много больше, чем сенсуальное влечение. Хотя последнее тоже не маловажно. Уже полгода идет лихорадочный поиск своей потенциальной половины. На каждую свою беседуницу неизменно примеряешь критерий будущей жены. С первой попавшейся уже не общаешься — просто закончилось то время, когда знакомишься с человеком для совместного поиска развлечений. Мужичьей базе, находящейся во мне, нужна мягкая и добрая основа, которую, получив, я должен оберегать. И жаль, что моя светлая ещё об этом и не догадывается».

09.06.93

«Бессонница — тотальное, идущее вразнос состояние организма. Когда человек в течение нескольких часов оказывается под покровом темноты, происходит взрыв в объёме головы; мысли, словно брызги невидимого фейерверка, начинают носиться по комнате, но не гаснут, а перемещаются в одном им ведомом движении, неизбежно сталкиваясь с телом. Тело реагирует по-своему, побуждая разгорячённое сознание к действию. Внутреннее зрение воссоздаёт образы еле различимые, прозрачно-радужные и не вполне объяснимые, благодаря

их неземному, космическому происхождению. Цветы, горящий дом, нагая девчонка, тоннель, черёмухи, снег на лице, полёт вниз... Все это складывается в цепь, не понятную даже мне...»

19.06.93

«Время лечит всё. Я один и еще немного — свихнусь от безысходности и одиночества. Внешне подобное состояние ничем не выражено: у меня всё как бы нормально. Но кому надо копать внутри меня? «Одиноче и страшной тому, кто черпает из глубины». Это на самом деле так. Обычно тонкий и духовный человек обречён на неприятие толпы, каким бы огромным и широким не был его потенциал. Боже мой, в какое дикое время мы живём...»

01.07.93

«Вот и всё. Целый месяц лета исчез из поля зрения природы. Прохладный и ветреный июнь оставил мне только разочарование, которое — по здоровой логике — должно завершиться новой, свежей деятельностью. Миновали романтические «белые ночи», день начал свой обратный отсчёт, чтобы когда-нибудь сжаться в декабре от холода до крохотного семичасового отрезка. Странно происходит: то, что раньше воспринималось искренним и добрым, сейчас настолько рационализировалось и поблёкло, что уже ничему не удивляешься. Ни зелёной липовой бездне за окном, ни воробьиному шараханью на подоконнике, ни солнцу, струящемуся сквозь хаотичные отверстия между стволами... Возраст съел всё...»

30.08.93

«Человек начинает понимать окружающее совершенно в другом измерении, если он периодически лишается чего-то, и это становится впоследствии источником дискомфорта. Мир становится прозрачным и свежим благодаря тому, что ты слегка недоспал, слегка недоел, тебе немного холодно или ты хочешь женщину. Рассудок всегда пасует перед физиологией — такова человеческая природа. Но природой правит Бог. Потому если тебе чего-то не хватает, тебе за это воздастся. Манна небесная посыпаться не сможет, но через страдания придёт душевное равновесие, ведь невозможно, лишаясь, не обретаť того же самого в будущем...»

13.11.93

«Прозрачно-морозная выпуклая плоскость... Капля сомнения с дребезжащим звоном срывается с её края и разбивается об НИЧТО. Грязно-розовые тени, луковые мушки и пространство, ограниченное протяжённостью логики. Мысли, словно силуэты невидимых оракулов, бродят по вокзальной гулкости мозга и пропадают, не воплотившись в действие. Словно через вату доносится музыка. Грозди нот, слипшихся в изошрённой симфонической мелодии. Старик Брамс хорошо думал головой, сочиняя свои вещи... Но вдруг пространство вскипает сотнями ледяных частиц, мерное тиканье будильника переходит в набат. Но уже не сосредоточиться — я открыл глаза...»

«Краеведение увлекло...»

Талина Сухинская

Я родилась весной. 15 марта 1954 года. Родилась уже после смерти моего отца, мамочка ничего не говорила мне о нём. Ей было очень трудно. Теперь, став взрослой и мудрой, я её понимаю. Чтобы зарабатывать на жизнь, моя мама увезла меня в далёкую лесную воломскую деревушку Мартыниха к своим старым родителям. Они для меня стали моими родителями до окончания Воломской малокомплектной начальной школы. Мама приезжала только на четыре зимних месяца. Эти годы из моего детства, проведённые на Воломах, остались в памяти. Они приходят в снах — яркими картинками на протяжении долгих лет.

В 1965 году я закончила четыре класса и должна была продолжать учёбу в школе-интернате в Полдарсе, но летом умер дед, Максим Афанасьевич. И мама увезла меня в другой интернат — в посёлке Кузино, недалеко от Великого Устюга. Это был мой первый «детский дом», правда, не надолго. Жила там и ждала встречи с мамой и очень тосковала по своей «бамаме» — милой бабушке Дарье Васильевне. Закончив десять классов средней школы № 13, я поступила в Тихвинский политехникум, получила распределение в город Подпорожье Ленинградской области, работала там сначала приёмщиком на лесозаводе, затем освобождённым секретарём комсомольской организации.

Там вышла замуж, там родился первенец, но замужество не принесло счастья. В 1980 году вернулась домой, в Кузино, где жила мама с отчимом. Через год снова вышла замуж. Родила двух дочерей. Работала в Кузинском механическом заводе, на художественном участке — художником росписи по финифти.

1982 год — самый страшный год моей жизни. В возрасте 28 лет я стала почти инвалидом по зрению: тяжёлая травма лишила меня зрения на один глаз и любимой работы художником. Осталась живая... Стала работать в техотделе, писала техпаспорта художественных изделий, затем — в отделе главного

механика. Вела общественную работу на заводе в качестве секретаря парткома. К концу 80-х завод стало лихорадить, говорили о сокращении штатов, о закрытии некоторых участков.

По субботам вела кружки в школе, где раньше училась сама, а теперь учился сын. В 1990 году директор школы пригласила работать школьным библиотенарем. Вот этот период своей трудовой деятельности был для меня стартом в творческую жизнь. С головой ушла в эту интересную работу. Книги всегда интересовали меня больше всего. Но школа дала возможность работать с детьми, я взяла классное руководство. Через два года меня перевели на должность педагога-организатора, а в школьной библиотеке я работала по совместительству. Занялась организацией школьного краеведческого музея.

В этом же году впервые с ребятами школы приняли участие в краеведческой конференции, и каждый год брали тему по истории посёлка Кузино, выступали на конференции с докладом. В 2001 году наша работа «Улица в моей судьбе» заняла первое место, и с тех пор с призовых мест мы не уходили. Краеведение увлекло.

Увлекла мысль — создать детскую организацию в школе, и вскоре «Планета детства» в количестве 27 ребят работала по трём направлениям — шефское, экологическое и краеведческое.

В последний год перед пенсией на обсуждение творческой группы Поселкового совета вынесла проект развития посёлка по теме: «Посёлок Кузино — родина домовёнка Кузи». Проект рассмотрен и одобрен, но продолжения не получил.

В 2009 году вышла на пенсию. У меня шесть внуков.

ГАЛИНКА

Отрывок из повести

— Дедушко, пошто снял зыбку? Я спать хочу-у! — сонно тянет беленькая девочка лет четырёх

— Не стыдно тебе, Галинка, в зыбке-то качаться? Скоро, глянь, замуж отдавать. Иди, на печь залезай, подсоблю. А то на полати?

Дед встаёт с неизменного места у окна, из которого видна речка, луг и далекие очертания деревни Погост, помогает девочке залезть по приступочкам печки на полати. Галинка устраивается на толстом ватном одеяле из лоскутков.

Лоскутки разные. Этот — от дедовой рубахи, которая порвалась, когда дед рубил новую избу. А этот лоскуток красивой всех — это рубашка мамы. Девочке начинает казаться с высоких полатей, что она раскачивается в тесной зыбке, слышны голоса бабушки «О-о-о... Спи, дитяtko, спи...»

Гале снится большая река... нет, она очень большая — много больше Кичменгя! По реке идёт пароход, но он чуть больше лодки. В лодке сидит мама и ещё какие-то люди. Они машут Гале рукой, кричат что-то, им весело. Но лодка быстро исчезает в молочном тумане... Теперь Галя бежит по дороге, дорога широкая, кругом лето, цветы, птицы поют, рожь высокая. Хорошо-то как! Взмахнёшь руками и... полетишь!.. И летит она над своей деревней, над полем, к другой деревне со старой чёрной мельницей, где чистая вода и плавают угри, тёмные, длинные и жуткие рыбы. А ей не страшно, ей хочется обнять всё внизу и крикнуть всем: «Вот она, я! Я высоко, мне хорошо!..»

«Галя-а-а!» — что это? кто зовёт её? Это бабушка:

— Вставай, паужнать будем. Глянь, кого Максимко принёс.

На полу у печи, неуклюже подвернув голову с красной короной, лежала большая тёмная птица. Дед часто ходил в лес, проверял поставленные силки и ловушки. В них попадались зайцы, тетёрки, даже лоси. Осторожные глухари и тетерева попадались редко. Гладкое на ощупь перо птицы хотелось потрогать, но смущала завёрнутая неловко голова. Галя попыталась её исправить, чтобы птице было удобно лежать. Неподвижный взгляд птичьих глаз ударил, как пуля. Девочка выронила голову, она стукнулась об пол, испугав её ещё сильнее. Галя залезла на колени к деду и отсюда с содроганием следила, как бабушка ощипывает перья птицы и складывает их в корзину. И вот уже то, что осталось, совсем не похожее на птицу, голое и тощее, белое и в мурашиках, бабушка уносит в кут. Слышны туканье и звон чугунов, плеск воды и треск поленьев. Сейчас она поставит чугуны в печь, и к ужину будет готово вкусное жаркое из птицы.

А пока бабушка выносит кринку молока и большую буханку белого хлеба с красивой коричневой корочкой. Помолившись на иконы, сели в красный угол за стол. Дед никогда не пил молоко, он хлебал его ложкой. Накрошив хлеб в миску, ел аккуратно, небольшими порциями. Но и это причиняло ему неудобства. Дело в том, что с прошлой войны у него остался шрам от виска по всей щеке до подбородка. Тонкое место щеки было перерезано насквозь. Рана зарубцевалась, остался красный шрам и небольшое отверстие в щеке. Жидкая пища просачивалась, причиняя неудобства. Поэтому дед постоянно носил белую повязку, завязанную на голове узлом. У незнакомого человека могла возникнуть мысль, что у него болят зубы.

Здесь деда знали все, Галя гордилась своим дедушкой и очень его любила. Она часто просила рассказать ей о войне, и дед, в который уже раз, рассказывал ей, как они с тёзкой, пулемётом «Максим» громили врагов, пока их обоих не накрыл вражеский снаряд. И оба сразу пришли в негодность. Его покорёженный «Максим» остался лежать на поле, засыпанный землей и гильзами, а пулемётчик Максим попал в госпиталь, где его попытались спасти. Осколки снаряда и пулемёта изрешетили верхнюю часть его тела. Из тела осколки удалось извлечь, а из головы не решились. Она пострадала больше всего: один осколок безобразно разрезал щеку, другой перебил нерв глаза. Глаз его не видел и не закрывался ночью, когда дед спал. Было жутко: казалось, дед постоянно следит, даже во сне. А третий осколок так и остался в голове. Раны долго гноились, шов на щеке не срастался, мокнул, еда застревала в ране, мешала излечению, превращалась в гнойное место. Врачи ничего не могли сделать — это ведь не рука, которую можно отрезать. Сообщение о его пребывании в госпитале шло долго, едва отыскав затерянную в лесах деревушку Мартыниха. Бабушка, получив известие, собралась в дорогу. Где на лошади, где пешком, где пароходом добралась она до госпиталя, где лежал её раненый муж. Врачи отдали его под расписку, что нет к ним претензий, и не будет. Они сделали всё, что могли. И если он умрёт от ран, не доехав до дому, или через неделю — дома, это не их вина.

— И вылечила меня моя ведунья! — сообщает с радостью дед.

— Дедушко, а почему её ещё колдуньей зовут? — осмелев, спросила Галя. Она знала, что бабушка лечит, но чтобы она колдовала, она никогда не видела. Когда приезжала мама и привозила Гале книги, она читала про колдунов и ведьм. Но они были злые и ужасные. А бабушка была строгая, но справедливая, даже мягкая и чуткая.

Дед перестал есть, оглянувшись на кут, куда ушла бабушка за горячей картошкой, тихо сказал:

— От колдуньи у неё разве что тёмные глаза да чёрные выющиеся волосы, а остальное от ведуньи. Она всё знает и ведаёт, хотя почти неграмотная. А ведаёт словом и травами, знает молитвы и заговоры, знает, когда и какую траву собрать и отчего эта трава помогает. Вот врачи отпустили меня умирать домой. Спасибо им за это. Дома всё легче, чем на чужой стороне. А она, Дарья Васильевна, голубушка моя, ручками меня погладила, слово твёрдое сказала: «Вот погоди ужо, я тебя на ноги поставлю. Худо мне без мужика в деревне». И заваривала, настаивала, поила, прикладывала... Спать стал спокойно, раны после рук её не болели, голова переставала гудеть звуками войны. Даже когда не мог спать, заставляла одним словом «Спи!». И я спал, спал как младенец и чувствовал, что она даёт мне силу и я наполняюсь желанием жить и быть полезным в хозяйстве. Она клала меня на правый бок, кормила с ложки, а я старался жевать за правой щекой и проглатывать жидкую пищу. Полоскание травяными отварами, деревенская еда и сон сделали своё дело. Вскоре я мог держать топор, ходить за скотом, ловить рыбу в реке и дичь в лесу. Но это было давно, когда мне было 39 лет, а сейчас скоро 60. Вот и считай, сколько я живу...

Галя мысленно представила деда молодым и красивым, но теперешний его образ стоял перед глазами.

Галя очень любила рисовать. У неё получались дома, деревья, небо, солнце и деревянные качели, чуть похуже получались животные и люди. Но желание рисовать захватывало её всё больше и больше. Рисовать было не на чем. Дед снимал лампу, опускал её ниже с помощью крючков и зажигал фитиль. Фитиль коптил сажей и дымом. Пузатое стекло, протёртое чистой тряпочкой, хватало огонь в ловушку, и тот переставал коптить, затаил и только еле заметная струйка тепла выходила с верхнего узкого конца лампы. Лампа висела над столом в красном углу перед иконами. По бокам избы — лавки с двух сторон. Огоньки лампы отражались в посудном шкафу, поблёскивая в стёклах. В нижних ящиках шкафа лежали Галины вещи. Здесь были рисунки, книжки, которые привозила мама.

Мама! Тёплое, ласковое слово, далёкое и нежное.

Бабушка... Бабушка — вот она рядом, родная и близкая. Дедушко Максим добрый и интереснейший. А мама... Лицо мамы Галя пытается изобразить на обложке старой книжки, но оно уплывает из сознания. Мама скоро приедет. Скоро октябрьские праздники, и дед вспоминает революцию семнадцатого года. Галя многое не понимает, но одно она точно знает, что после

праздников приедет мама. Вот и бабушка садится рядом и заводит разговор о приезде дочери, глядя Галю по светлой головке с длинными, но тоненькими косичками. Косички бабушка не расплетает Гале на ночь, чтобы не «заполститься», а то соседко свои косы заплетет.

— Скоро мама приедет. Забыла, поди-ко, маму-то, Галя?

И видя, что девочка молчит, притихнув под бабушкиной ласковой рукой, продолжила:

— В чемодане с серебряными уголочками тебе подарки привезёт. Куклу или может книжки, а может обновку каку ни есть...

Галя бежит к кровати, берёт в руки куклу и снова садится рядом с бабушкой. Куклу ей привезла мама. До этого у неё были игрушки, которые делал ей дед из чурбачков и веточек, а бабушка — из соломы. А эта кукла была настоящая с ручками, с ножками, как ребёнок. Но только похожа она была на мальчика. Галя назвала куклу Коля. У Коли были голубые глаза, светлые волосы. Волос, правда, не было — кукла была гладкая, литая. Но руки, ноги и голова двигались, внутри они были связаны резиночками. Как здорово, что кукла могла сидеть, стоять, поднимать ручки! Это была единственная отрада, потому что в деревне детей больше не было и иногда было очень скучно. А Коля слушал её рассказы, смотрел её рисунки и никогда не обижался. Галя любила его — пеленала, носила гулять.

Кроме Коли был ещё кот Васька. Но он не всегда слушался и был очень ленивый. Когда кот лежал и еле открывал глаза после еды, его можно было пеленать, укладывать спать в зыбку, в деревянную тележку, а то и в корзине носить. Завёрнутый в платок, зажмуренный, без ушей, он выглядел очень смешным. Но в самый разгар игры он вдруг вскакивал, стаскивал лапой платки и убегал по своим делам, волоча за собой тряпки. Убегал на печь, если надоедало, мяукал и просился на улицу у дверей, летом прыгал в окно. Убегал он и после того, как она учила его ходить на задних лапах. Он не хотел идти один. Пока она вела его за передние лапы, просила «Шагай, Вася!», Васька смешно переставлял лапы, как человек, но как только она отпускала, он убегал на всех четверех на печь.

— Знать бы, когда приедет, встретили бы, — вслух произнесла бабушка, думая о своём.

— Поди, тяжело ведь ей, отец, чемодан-то нести. Пешком верст тридцать надо идти. Ох, дитяtko моё, привыкла ко всему. Домой — не из дому, ноги сами несут, ноша не тянет.

Осень была поздняя. Река долго не замерзала. Прошли октябрьские праздники, а лёд на реке был только у берегов. Но вот ударили морозы, посыпал снег, снова мороз.

...Галя сидит за столом, на лавке и рисует мамин чемодан. Бабушкины разговоры о маме заставляют сжиматься маленькое сердце девочки. Но мысли о чемодане почему-то занимают больше, чем сама мама. Лицо мамы почти забылось, ведь Галя не видела её с весны. Она ушла работать на свой пароход. А чемодан Галя запомнила. В нём мама привозит игрушки, книги с картинками.

Чемодан получился похож на большую коричневую коробку. Только чемодан кожаный, как дедовы хромовые сапоги. На уголках чемодана светлые стальные уголки прибиты. Дед объяснил — чтобы углы не бились. Уголочки блестят, и замок в чемодане есть, тоже блестящий. И ключик есть маленький, на тонкой веревочке, но настоящий.

...Вдруг дед отрывается от окна и говорит:

— Идёт кто-то, может, Калиста?

Распахиваются двери, и с клубами холодного воздуха в избу торопливо входит молодая женщина, светлая от мороза, весёлая от предстоящей встречи, одновременно уставшая, судя по стукнувшему об пол чемодану и большому заплочному мешку. Бабушка всплещивает руками, помогает снять мешок, который, как назло, не снимается. Он втянулся в плечи от дальней дороги, оставив вмятины на пальто. Обнимаются. Дед поднимает чемодан с пола на лавку. Мама подходит к дочке...

Галя сидит, не вставая с места, не зная, что делать. Бабушка суетится, толкает её с лавки к маме. Галя прижимается к матери, такой холодной, незнакомой, пахнувшей морозом и ещё чем-то незнакомым. Бабушка несёт на стол самовар, мама достаёт подарки, продукты, которых не купишь здесь, в магазине на Погосте. Бабушке — новый платок, мамино платье — хорошее, тёмное в цветочек, из толстого материала, деду — курительную трубку. Он просил её давно, вспоминал, надеялся, что не забудет. Не забыла! Дед дует в трубку, пробует пальцем. Бежит за табаком, набивает трубку, садится на лавку к окну и пытается прикурить.

И уже молча, с удовольствием потягивая, посасывая конец трубки, наблюдает за происходящим. Бабушка ворчит на него:

— За стол надо садиться, а он дым пускает.

Мама с довольной улыбкой успокаивает её:

— Пусть немножко покурит в своё удовольствие.

Дед крикает, цокает языком и благодарит маму:

— Ну, спасибо! Теперь будет у меня приятное занятие, посидеть и покурить без мусороу табачного. А то кручу, кручу, а табак всё равно сыплется — руки не те стали. На, покури, Дарья. Тоже, поди, охота.

Бабушка отмахивается:

— Не теперь...

А мама уже достаёт и протягивает бабушке маленькую красивую коробочку, как сундучок.

— И што знто? — удивлённо спрашивает бабушка. — Красивая накая... Драгоценностей мне не надо.

— А ты открой! — говорит мама улыбаясь.

Бабушка открывает очень осторожно, потом, потягивая ноздрями воздух, тихо говорит:

— Пахнет-то как!

— Вот это подарок! — разглядев, произносит она, окая нареспев.

И взяв щепотку из коробочки, сует в нос. Сначала в одну ноздрю, потом в другую и поднимает голову. Глаза её закрываются от удовольствия, нос втягивает оставшийся аромат, рот широко раскрывается, и бабушка громко, протяжно, от всей души чихает, как будто ахает от удовольствия.

Когда-то бабушка рассказывала Гале, что почти никогда не бывала у врачей, лечила сама. Но свою «большую золотуху» (так она называла пихосуху на ноге) никак не могла вылечить. Только вылечит, болезнь отступит — и опять сильный зуд в стиге стопы рвёт, заставляет чесать кожу до крови. И вот ради интереса решила зайти в больницу в одну из редких поездок в город. Врач осмотрел ногу, спросил, как и чем лечила, помолчал, покачал головой. Затем-то посмотрел руки, язык, зубы. Уверенно спросил:

— И давно курите?

— Да уж годов десять-двадцать.

— Курить не надо, нельзя. А уж если очень хочется, то я пропишу нюхательный табак. Нюхайте, он очень приятный и голова светлая будет. Выкупите мазь от экземы и смазывайте в период обострения. Попробуйте определить, после чего обычно начинает чесаться. Может, это аллергическое?

Бабушка поняла не со слов, а по наитию. Теперь все для неё стало ясно. Она сама теперь знает, чем и как лечить. Мазь она выкупила в аптеке в городе, а вот нюхательного табаку в аптеке не оказалось. Рецепт отдала дочери, и вот надо же, привезла, не забыла.

Галя смотрела на них во все глаза. Дед кричал, бабушка чихала, мама смеялась. Ей тоже стало вдруг так просто, весело. Она запрыгала и заглянула в заветный чемоданчик. Мама присела рядом и вытащила откуда-то снизу, со дна, стопку книг. Галя прижала их к себе руками и, стараясь не уронить, понесла к столу. Стол был высокий, и книги съехали по животу на лавку. Она забралась на лавку сама и переложила книги по одной на стол.

Девочка не умела читать, но мир в книгах был такой интересный и необычный, а книг было так мало! Мама доставала ещё что-то красивое, вкусное и шуршащее. Но то, что было изображено на картинке, так привлекало её внимание, что она ничего уже не слышала. На картинках жили удивительные звери, которых она никогда не видела, с длинными носами, огромные и толстые. На них сидели маленькие чёрные человечки. И эти огромные животные брали носом толстое бревно, как спичку. Деревья, люди, животные — всё было другое, чужое и странное, но интересное. Вот бы узнать, прочитать! В другой книге картинки были цветные, понятные. Здесь жили принцессы в красивых платьях с коронами на головах. А третья книжка была толстая, твёрдая и тяжёлая. Наверное, очень серьёзная книга.

Галя отвела взгляд от книги, позвала деда и ткнула пальчиком в большие красивые буквы.

— «Букварь», — прочитал дед. — Хорошая, умная книжка. На две зимы нам с тобой хватит. А там, глядишь, и в школу пойдёшь.

С книжками были ещё два альбома для рисования и цветные карандаши. Мама знала про страсть дочки к рисованию. Она доставала из чемодана красивые платья, шёлковые и атласные бантики, тёплые шаровары с начёсом, такую же тёплую кофточку, сладости. Стали пить чай. Взрослые говорили, перебивая, переспрашивая, уточняя непонятное. Засиделись долго.

После чая на столе появилась бутылка. Взрослые выпили, громко заговорили. Бабушка запела. Голос у неё звонкий, сильный, поплыл по тихой деревне. И был услышан. В дом протянулись немногочисленные соседи — Фрол, Онисья, Аксинья, Марфа. Стало весело. С книжками в руках Галя убежала на большую деревянную кровать, но света от лампы здесь почти не было, и она стала смотреть на этих дорогих ей людей...

И вдруг все обернулись на неё. Бабушка подошла, взяла её на руки, кто-то подставил табуреточку. Уже в который раз она читала им стихи наизусть.

— Сейчас я расскажу вам стихотворение Некрасова «Однажды в студеную зимнюю пору...» — начала она.

И замолкли мужики, а бабы, взяв уголок платка, прикрыли рот и иногда вытирали глаза. Бабушка светилась от счастья и гордости. А серьёзное лицо деда говорило: «Вот как наши-то!». Мама смотрела, не отрываясь, лицо её побледнело, она подалась вперёд, всматриваясь в лицо дочки, которая выговаривала трудные слова, не понимая их смысла.

Потом все «Генерал Топтыгин», потом Пушкин — «...выпьем с горя, где же кружка, сердцу будет веселей». А потом долго и от души хлопали, а Галя кланялась, наклоняя одну голову, боялась упасть с табуретки. Мама хлопала громче всех. Дед Фрол хвалил деда Максима за то, что научил внучку. Грамотных в деревне не было. Дед отнекивался, кивал на Галю, мол, сама всё.

Галя устала. Залезла на кровать снова и, обняв кучу подарков, незаметно заснула.

Проснулась рано. Деда на печке уже не было, бабушка гремела ухватками у печи. Мама спала рядом, обняв Галю рукой, большая и тёплая. Галя ощутила мамин запах — вот оно родное. Только теперь по запаху она узнала маму. Совсем маленькая, когда-то она забиралась маме «под мышку» и тонкими маленькими пальчиками перебирала волосинки, вдыхая мамин аромат пота. Он был для неё любимым, он запомнился и теперь вошёл в неё с чувством чего-то родного. Галя прижалась к тёплой маминной груди, как раньше, закрыв глаза, и слушала, как бьётся мамино сердце. Мама проснулась, поцеловала головку дочки и стала одеваться. Наступал новый день. Так повторялось из года в год...

Весной мама снова засобиралась в дорогу, в город на заработки, на пароход — в деревне работы не было. Довольно большая масса людей работала на речном транспорте.

А в деревне появился мальчик. Его мама купила дом. И переехала жить из более отдалённой деревни Дор, поближе к школе. Его мать все звали Танька, она была грубая и крикливая женщина. Мальчишку все звали «Колька Танец». Был он бойкий, рос без отца. Мать часто орала на него, и Колька убегал, стараясь не попадать ей под горячую руку.

Хоть это и был Колька, но он был совсем не похож на Галину кучку с тем же именем. Колька был драчливый и сопливый пацан, но с ним можно было поиграть.

Они вместе бегали на речку, ловили «подкамушников». Эти маленькие рыбки жили под камнями в речке. Отвернёшь камушек, а там — рыбка, и не уплывает сразу, а крутится на месте, ищет свой дом, свою крышу. А руки ребят — вот они, тут как тут! Скользящая колючая рыбёшка с большой головой и маленьким хвостиком отправлялась в банку. Она станет едой для кота Васьки. Васька, поскольку был старым, то уже не ловил мышей, лежал на солнышке и спал. Но его надо было кормить.

И Галя старалась, бегала от камушка к камушку. В её банке было больше рыбок, чем у Кольки. И Колька отреагировал очень неприятно: взял и выбил банку из рук у Гали. Банка упала в речку, рыбки бросились в рассыпную. Галя отвернулась от него, ушла подальше. Слезы текли по её щекам. Долго ещё искала она «подкамушников», но их было слишком мало.

Кот ждал на завалинке. Привычно мяукав, потёрся об её ноги и потянулся носом к банке. Галя вылила рыбок на травку, кот съел и, облизнувшись, посмотрел на девочку: «Мяу-мало».

Галя виновато улыбнулась. Кот сел на крыльцо и стал умываться. Вышел дед и, увидев кота, сказал:

— Гостей намывает.

Кот сидел мордой к двери, лапой как бы приглашая в дом.

Взглянув на Галя, дед сразу всё понял:

— Чего нос красный и брови тоже? Опять Колька обидел? Я ему когда-нибудь крапивы в штаны напихаю!

Собрал её сопли в свой кулак. Он редко видел внучку плачущей. Из глаз капало, из носа текло, а ни звука.

Дома Галя села у окна. Дед взял сеть, примостился рядышком с внучкой и стал завязывать дырки. Он часто ходил на речку Кичменьгу, чтобы набродить рыбы.

— Васька сытый, пора и нам рыбки поесть. Ишь, опять гостей намывает! Да откуда гости-то? — балагурил дед.

— А вот и гость... — он ткнул пальцем в окно, и из глаз его брызнул смех.

Бабушка удивилась, подскочила к окну и всплеснула руками:

— Срам-то какой!

Колька, сняв свои старые штаны, крутил голым задом перед окнами. Услышав вскрик бабушки, он торопливо надёрнул штаны, успел показать язык, и его голые пятки уже сверкали по дороге в конец деревни.

— Вот обормот! Отца у него нет, надрать бы ремнём по голой заднице, может, не вертел бы налево-направо!

— Теперь дня три не придёт, — подала голос бабушка.

— Ну и шут с ним. Ну-ко, внучка, покажи картинки да расскажи, что тут нарисовано, — заговорил дед, а сам плёл свою паутину, заделывая дырку за дыркой.

— Я сегодня на качелях качалась... они меня долго не слушались, большие очень и тяжёлые. А когда раскачалась, ветер откуда-то появился, дышать мешал. А высоко совсем не страшно, как будто летишь. А я часто во сне летаю...

— Это ты растёшь во сне...

— Мне кажется, что я стала высокая-высокая. И расту, расту... Вот крышу нашего дома вижу, речку, лес за рекой, а если ещё сильнее раскататься — видно церковь и избы Погоста. Я сегодня всё это нарисовала. Вот посмотри!

Дед откладывает уток, берёт в руки рисунок, цепляет на нос очки и внимательно рассматривает рисунок.

— Здесь всё понятно, очень хорошо! А вот это что такое? Там за лесом точно не Мокеиха, дома не наши.

— Это город большой и дома большие! Мне мама рассказывала, что там за Мокеихой есть дорога в город. Я не знаю, какой он, но дома там, наверное, выше леса. Вот их и видно.

— Нет, с качели их точно не увидеть. Ну да ладно. Вырастешь — увидишь.

— Расскажи, что там за лесом? — пристаёт Галя к деду.

— За лесом ещё лес, деревни кое-где, потом снова лес. Зимой и дороги-то нет, одна тропиночка. Ребятишки из интерната с Полдарсы домой бегают на выходные. Пешком тридцать километров. Да в мороз...

— А зачем в Полдарсу? На Погосте тоже школа есть, я туда пойду учиться.

— На Погост или в Полдарсу?

— Сначала на Погост, потом в Полдарсу. Здесь ведь только четыре класса.

— А сколько надо?

— А надо восемь классов, а может, и больше теперь. Ты у меня гляди, какая вострая. Тебе ещё многому надо учиться.

— Я, дед, не хочу в Полдарсу, а как же вы с бабушкой одни будете? Со скотом бабушка как одна будет?

— Ишь, какая заботливая. Она и сейчас одна, без тебя управляется.

— А забыл, на Берёзкин день как было? — смутила деда своим замечанием Галинка.

И дед вспомнил этот день.

Ушёл он на Петров день в Погост за хлебом, да и загулял. Выпил с другом-товарищем

и про всё забыл. Бабушка ждала к обеду его и хлебушек, да ни деда, ни обеда. А время идет, паузнуть пора. Собралась бабушка и отправилась за ним, оставила Галю с котом Васькой да с курами во дворе. Ушла и тоже пропала. Время идёт, часы тикают, гирьки опускаются до полу, а никого нет. Солнце к вечеру пожелтело. Вот уж овцы прибежали, Галя застала их в загородке во хлеве. Чернуха брякнула боталом-колокольчиком, призывно промычала: «Пришла я, хозяйюшка, чего не встречаешь?»

— Иду, иду, ласковая моя, — пропела девочка, подражая бабушке.

Чернуха удивлённо сосила большой чёрный глаз на маленькую хозяйку, неторопливо переступила порог хлева, бережно неся своё полное молоко вымя. Закрыла Галя корову, загнала кур, села на крылечко и стала смотреть за реку.

Дом их на высоком угоре. Внизу течёт Кичменьга, за ней чистый луг, потом редкий проросок, а за ним другая деревня — Погост. Это центр. Там есть магазин, пекарня, школа, почта, клуб и ещё старая церковь.

Подперев кулачком щеку, смотрела Галя в темнеющее небо. Лес на другом берегу казался больше и шире. Чернуха ревела всё громче и призывней. И Галя не выдержала. Заскочила в избу, схватила подойник, баночку с тёплой водой, тряпочку — всё, как делала бабушка. В хлеву было тепло и пахло навозом, но быстро темнело, на небе ходили тучки. Открыв двери хлева настежь, Галя нашла маленькую скамеечку и поставила её рядом с коровой. Чернуха удивленно оглянулась и замычала. Галя погладила её по задней ноге, а потом легонько погладила вымя. Оно было большое и твёрдое, с голубыми жилами. Молоко почти лилось из сосков.

— Ей, наверное, больно, — вслух подумала Галя и села на скамеечку.

Со скамеечки корова казалась огромной тушей, и Галя почувствовала себя крошечной. Казалось, ступит корова на неё и раздавит. Чернуха снова призывно и жалобно замычала, прогоняя Галин страх и вселяя уверенность. Из баночки тёплой водичкой Галя вымыла соски у коровы. Они тоже были толстые, но тёплые и мягкие. Обтёрла тряпочкой лишнюю воду, взяла подойник. Маленькие колени еле удерживали большое светлое ведро. Ведро мешало дотянуться до вымени коровы. Галя поставила его на пол под корову.

— Сейчас, милая, сейчас золотая моя! — уговаривала она корову.

Двумя руками взялась за сосок и потянула на себя. Тугая струя брызнула на её голые коленки, мимо ведра. Корова нервно переступила, чуть не опрокинув ведро. Хвост больно ударил по лицу.

— Ну, чего дерёшься? Успокойся, я же тихонечко, — уговаривала она корову и себя. Обеими руками, но осторожно, направляя струю в ведро, девочка доила корову.

«Первые два соска выдою, а задние мне не достать» — подумала она.

Пока молоко лилось легко, бежало как будто само. Потом стало труднее, сил в руках уже не было. Затекли плечи, руки задрожали. Корова переступала с ноги на ногу и вот, задев ведро, она опрокинула его на табуреточку. Звякнув дужкой, ведро выплеснуло с трудом надоенное молоко в навозную жижу. Галя смотрела на это широко открытыми от ужаса глазами, из которых брызнули слёзы отчаяния. Она выскочила на улицу, встала на берегу, сложила руки ладошками внутрь у рта и, как в рупор, закричала:

— Ба-а-абу-у-ушка-а-а!

Эхо донесло длинное, тоненькое «а-а-а-а» с плачем пополам и вернулось:

— Иду-у-у-у! Галя, я иду-у-у-у!

А потом следом сразу же звонкая песня ворвалась в тихое пространство наступившего вечера:

— Имел бы я золотые горы и реки, полные вина, всё отдал бы за ласки, взоры, чтоб ты владела мной одна...

Не зная, радоваться или огорчаться из-за того, что дед и бабушка выпили, Галя побежала снова в хлев. Подняла подойник, успокоила Чернуху и помчалась встречать бабушку с дедушкой. Они шли, обнявшись, покачиваясь. Галя боялась одного: как они перейдут лавы — два брошенных через реку толстых строганных бревна без перил.

Но всё обошлось хорошо. Бабушка подоила корову, так и не заметив, что два соска наполовину пустые.

Но девочка познала ещё один урок жизни: надо быть сильной и самостоятельной.

Утром дед спросил, как она одна справилась, не обидела ли корова.

— Да нет, что ты! — отвернулась она.

И дед понял: девочка не умела врать.

...И вот теперь, неловко теребя концы кисета с табаком, дед захотел покурить.

Значит, вспомнил...

«Мил сердцу родной деревенский пейзаж...»

Татьяна Ядрихинская

Родилась я в деревне Коровинская Вожегодского района. В многодетной семье, где было пятеро детей, стала четвёртым ребёнком.

Как мил сердцу родной деревенский пейзаж: поля, засеянные рожью с небесными глазами васильков, росные луговые травы, пахнущие мятой и цветами, неугомонная, звенящая, каменистая речка Прудна, ранний петушиный крик и мычание коров, сизокрылый дымок над печными трубами, пахнущая пирогами изба... А какие замечательные люди жили в нашей деревне! Случись у кого-то беда — все идут на помощь. Сына кто-то в армию провожает — каждый житель несёт ему в дорогу что может: кто денег, кто пирогов... Картошку сажаят всем миром и копают до тех пор, пока у последнего жителя деревни она не будет выкопана.

Всё это оставило неизгладимый отпечаток в моей душе. И хоть детство моё было не из лёгких, я умела видеть прекрасное, радоваться жизни и была счастлива.

Благодаря старшей сестре, я рано научилась читать и писать. Школьный букварь еще до занятий в школе был выучен мной почти наизусть. Начальную школу, четыре класса, что была в нашей деревне, я закончила с отличием. Мне была дана путевка во Всесоюзный пионерский лагерь «Орлёнок». Но мама только руками развела: «В чём же я тебя туда отправлю?». Так и не состоялась моя поездка к Черному морю.

С 5 по 8-й класс я училась в райцентре, в Вожегодской средней школе, что в двенадцати километрах от моего дома. Как и все школьники из дальних деревень, целую неделю до выходного я жила в интернате.

В детстве любили читать книги (особенно о войне, так как мой отец был участником Великой Отечественной). Когда отца не стало, мне было всего три года.

Очень любила животных. Насколько я себя помню, у нас всегда была корова, куры, кролики. Может, поэтому и выбрала я в дальнейшем Великоустюгский сельскохозяйственный техни-

кум, где поступила учиться на зоотехника. Любимыми предметами были литература и рисование. Я была художником в интернативской стенгазете, школьной и в общетехникумовской. На втором курсе техникумовской учёбы была избрана в состав городского комсомольского «Прожектора», иногда к рисункам в стенгазету сочиняла четверостишия. Первые два стихотворения написала в техникуме, когда влюбилась в своего будущего мужа.

После окончания учёбы молодым специалистом пришла в совхоз «Красное Знамя», на Морозовицу. Была принята на работу бригадиром. Морозовица стала для меня второй родиной. Красота и ширь заливного Красного острова, величие храма Троице-Гледенского монастыря, панорама набережной Великого Устюга, что видна с Морозовского угора, вдохновили меня вновь взяться за перо.

Всю дальнейшую жизнь я трудилась только на Морозовице, была секретарём, зоотехником по племенному учёту, весовщицом, диспетчером и т. д. В настоящее время являюсь ветераном труда, нахожусь на заслуженном отдыхе

ОПРОХА

Рассказ

Бабка Апроксинья, или Опроха, как называли её в деревне, стояла в своём огороде, опёршись на большую палку, — грузная, с выцветшими от слёз и возраста глазами — и командовала нами, малышней, пришедшей садить ей картошку.

— Да не части, не части так, Танюшка, ровненько сади картовку-то, старайся посередке...

Кое-как передвинувшись чуть подальше (ходила она тяжело, больные ноги её постоянно ныли), Опроха продолжала:

— Серёженька, росточек-то кверху старайся высунуть, да не поломай смотри!

Сегодня Пашка-бригадир выделил Опрохе лошадь, и дядя Вася Опаницын, лучший пахарь на три деревни, пахал участок бабки Апроксиньи.

Бабка Апроксинья жила в большом старинном двухэтажном доме. От времени дом посерел, покосился, и малюсенькие окна его нижнего этажа почти вросли в землю. Со стороны он выглядел мрачным, неуютным, вызывающим жалость, как и сама бабка Апроксинья. Жила она исключительно на первом этаже одна-одинёшенька. На второй этаж никогда не ходила и никого туда не впускала. Может, из-за больных ног не поднималась на второй этаж, а может, пол там слишком прохудился. Три сына бабки Апроксиньи сгнули в войну, а муж и того раньше — на лесоповале нечаянно бревном придавило. После получения похоронок на сынов Опроха совсем занемогла — отказывали слушаться опухшие ноги, а вес её и вовсе мешал передвигаться. Зимой и летом она ходила в валенках с калошами.

Вся деревня помогала Опрохе. Вот и сейчас мать, придя с колхозной разнарядки, командовала нам:

— Берите, девки, зобеньки и быстро к Опрохе, к ней сегодня пахарь приедет, картошку садить надо.

Мы с радостью бежали помогать бабке Апроксинье, так как знали: она отблагодарит каждого. Была она щедрая, незлобивая, всех нас называла ласково.

...Вот до конца своего участка доковыляла Опроха и снова поучает:

— Ты, Коленька, не бросай картовку-то в борозду, а то она долго не выйдет, а в отвороченный пласт тычь... Земелька-то у меня мягкая, как пух... Старайся, дитятко, старайся.

И мы старались, потому что по конфете каждому выдавала бабка Апроксинья за работу, у неё для такого случая всегда припас был. Поговаривали, родственница какая-то с Калининграда регулярно ей продукты высылала — жалела, видать, старую. Мы постоянно ходили к бабке Апроксинье за фантиками, разглаживали их, клали в коробку и хранили как дорогие реликвии, иной раз обменивались с подружками, если у тех было два одинаковых фантика.

Рада Опроха, что опять её не забыли, что никогда не забывали. Знала, что осенью налетят на её огород деревенские ребята-грачата и соберут ей весь нехитрый урожай. Да и зимой школьный учитель Дмитрий Арсентьевич шефство над бабкой Апроксиньей организовывал. Ученики носили ей дрова, воду, убирали снег. Рада была Опроха такой заботе, приглубит, приласкает каждого. Нет-нет, да и сунет нам припасённый пряник, а то невесть откуда взявшееся у неё яблоко.

...Тот осенний день выдался на редкость хмурым, дождливым, ветреным. Апроксинин город уже опустел — всё было прибрано.

Чёрная весть вмиг облетела деревню — «Опроха умерла!»

Мы, деревенская ребятня, не пошли смотреть неподвижную бабку Апроксиныю. Не то что боялись — доброго человека никогда не нужно бояться, даже мёртвого. Просто нам не хотелось верить, что Опрохи больше нет, что мы никогда не услышим её мягкого, бархатистого голоса и не получим в награду её щедрого подарка...

Свезли на погост Опроху. Только покосившийся серый, вросший в землю дом её ещё долго смотрел на нас тоскливыми пустыми глазницами окон, так похожими на выцветшие от времени глаза его бывшей хозяйки...

САМЫЙ ГОРЬКИЙ САХАР

Рассказ

День выдался на редкость солнечный, хотя шла последняя неделя августа. На берегу реки Прудны трава уже пожелтела, и только редкие белые ромашки украшали высокий берег.

Я и моя лучшая подруга Верка перепрыгивали с камушка на камушка мелководной Прудны и всматривались в её чистое русло, чтобы увидеть промелькнувшую, как молния, рыбёшку. Купаться нам не хотелось — вода была уже холодная.

Напрыгавшись и наигравшись, мы расстелили свои платица на берегу и стали загорать. Еще неделя — и мы с Веркой обе пойдём первый раз в первый класс.

— Тебе купишь школьное платье? — спросила я подругу.

— Нет, я надену платье старшей сестры, а вот белый фартук и ленты мне купили. Новые. А тебе?

— Мне только ленты, — вздохнула я. — А платье, фартук и портфель — старшей сестры... но они почти новые, — добавила я, как бы оправдываясь.

— А давай сядем за первую парту, — предложила Верка, которая была ниже меня на целую голову. Я пожала плечами: «Не знаю».

Верка, перевернувшись на спину, смотрела в чистое, бездонное небо. Кожа на всём её теле была какая-то грубая, сухая, всё время шелушившаяся. То ли от недостатка витаминов, то ли ещё отчего, но нос Верки был всегда красным и облупленным. Большие зелёные глаза и немного крупноватый рот делали её похожей на маленького лягушонка. Однако свет, льющийся из её глаз, излучал такую нежность и доброту, что напрочь перекрывал все недостатки её внешности, поэтому Верка, как две капли воды похожая на свою мать, казалась сущим ангелом во плоти.

Тетя Нюра, мать Верки, была кроткой и услужливой женщиной, которая никогда не перчила своему мужу Поликарпу. Главенствующим в их доме был Поликарп, пришедший с войны об одной ноге и носивший протез. При ходьбе он как-то странно закидывал ногу и опирался на клюшку. Он перенёс блокаду Ленинграда и, может быть, поэтому был скуповат в еде. Покупая в магазине хлеб, он никогда не брал баранок или пряников. «Они выти не заменяют, баловство это одно», — любил повторять Поликарп. И только мать украдкой баловала своих четверых девчонок чем-нибудь сладеньким и вкусеньким.

— Пойдём ромашки собирать, — предложила я.

И мы пошли вдоль берега, срывая ромашки и бережно прижимая их к себе.

— Скорей бы уж в школу! — вздохнула Верка.

И вот оно, первое сентября, наконец настало. В школьной коричневой форме и белых фартуках, с атласными белыми лентами в косах мы выглядели великолепно!

Начальная школа была тут же, в нашей деревне, но вечно занятые родители не провожали нас, и первый раз в первый класс мы, как обычно, пошли вдвоём.

Школьная уборщица тётя Зоя, попав навстречу, предупредила: «Рано!»

— Пойдём к черёмухам! — позвала я Верку.

Большие развесистые черёмухи были усыпаны блестящими чёрными ягодами. Мы увлеклись, забыв, что нужно идти в школу...

Вспомнили, когда подходил к концу первый урок.

...Дмитрий Арсентьевич, единственный школьный учитель, взглянув на нас, всё понял и отправил к умывальнику. Сели мы за самую первую парту, так как все другие были заняты...

Так начался первый в нашей жизни школьный день.

Придя из школы домой, мы поставили портфели, переоделись и вскоре снова были вместе. Бегая и лазая по повети в нашем доме, мы нечаянно обнаружили, что ларь, в котором мать хранит муку и сахар, открыт. Обычно висевшего замка на нём не было. А внутри ларя, в уголке, лежали четыре куска сахара.

Мы не могли оторвать глаз от увиденного и, как замороженные, смотрели на сахар.

— А давай разделим и съедем один кусок, — выдохнула я, глотая слюну.

Верка кивнула и, подумав, добавила:

— А когда я сумею дома незаметно взять кусок сахара, потом и его разделим.

На том и порешили.

С сахаром мы побежали за колхозный амбар, не чувствуя обжигающую нас крапиву, которая окружала амбар. Отыскав на поле два камушка, мы раскололи ими кусок, и стали торопливо, с наслаждением лизать мелкие белые кусочки...

Но нас видела моя младшая сестра.

Она подошла к нам, когда сахар был уже съеден, лишь на камушках, которыми мы его кололи, остались крошки. В глазах сестры застыл ужас от увиденного.

И почему-то мне стало очень жалко её. Привкус от съеденного сахара сразу стал невыносимо горьким, а к горлу тяжёлым комом подступила тошнота. К вечеру обе матери знали о случившемся. Тётя Нюра, мать Верки, принесла небольшой кусок сахара и отдала нашей маме. Садясь за стол, я видела, что сахар лежал разложенный, как обычно, на шесть равных кусочков — и на меня тоже. Но при виде его у меня во рту появился тот же горький его привкус...

Несколько дней подряд я выходила из-за стола, так и не притронувшись к сахару.

Прошли годы, но мне никогда не забыть ужаса, застывшего в глазах сестры.

Вот и сейчас, вспомнив об этом, я наяву ощутила невыносимо горький привкус того, из нашего голодного детства, сахара...

РАДУГА ИГРАЛА...

Рассказ

Я помогала своей лучшей подруге Верке мыть на речке бидоны. Забрав подолаи платьев и завязав их в узел, мы по колено в воде стояли в Прунде и натирали щётками светлые, алюминевые бока бидонов.

— Давай быстрее, — торопила я подругу, — а то не успеем за черникой до Олексинского болота сбегать.

— Фу-у! Всё! — облегченно вздохнула Верка.

Мы вдвоем вынесли тяжёлый бидон на берег и опрокинули на деревянный стеллаж.

— Много мы сегодня намыли — восемнадцать штук, — сосчитала бидоны подруга. — А вечером семнадцать было... Это хорошо, значит, коровы молоко прибавляют.

Отец Верки, Поликарп Матвеевич, работал молокоприёмщиком, но мыть бидоны ему

было несподручно, так как одна нога его была на протезе. Бидоны за него мыли дочери. Хорошо, что приёмный пункт располагался на самой речке Прудне.

Край мелководной речушки был пригорожен к приёмному пункту, и Поликарп Матвеевич, приняв молоко, выливал его в поставленные в речку бидоны охлаждаться. Молоко носили деревенские жители и доярки фермы Степаниха. Тем самым быстрая, каменистая и звенящая Прудна оказывала неоценимую услугу колхозу в охлаждении молока. Затем молоко увозили на машине в райцентр за двенадцать километров, а пустые бидоны привозили и сгружали прямо в речку или оставляли на берегу.

За занятием мы не заметили, как со стороны деревни Короли на нас надвинулась огромная синяя туча.

Раздался резкий удар грома — как молотом по наковальне.

— Ух ты! — испуганно выдохнула Верка. — Вот и сходили за черникой.

Росчерк большой зигзагообразной молнии осветил край неба, откуда-то налетел вихрь, задрал наши подолы, и ещё более оглушительный удар грома прокатился над речкой. По земле застучали первые, крупные капли дождя.

Не успеем до дома добежать, факт! И мы, что есть духу, помчались в баню бабки Палашихи, которая, как и все деревенские бани, стояла у речки, но была к нам ближе всех. Забежав в предбанник, мы плотно закрыли за собой дверь. На улице бушевала стихия. Единственное махонькое банное оконце поливало снаружи как из ведра.

Верка все дальше и дальше отодвигалась от окошка.

— Ты что, грозы боишься? — удивилась я. — Ты не бойся, вот у речки опасно, когда гремит и сверкает, потому что вода молнию притягивает, а в бане-то чего бояться? Здесь нас молния не достанет.

И чтобы отвлечь её внимание, спросила:

— А ты, Верка, с чем больше пироги любишь?

— С черникой, — дрожащим голосом ответила насмерть перепуганная подруга.

— А я больше всех люблю солоomatники, но только мамка редко их печёт, больше по праздникам. Но и с черникой люблю, и луковники...

— Чего-то стихло... — Верка выглянула в окошко.

Гроза как-то разом прекратилась, а огромная синяя туча уплыла к Ухтомице, за Филисихин лес.

Мы вышли из бани. Над деревней и над речкой Прудной снова светило яркое солнце. Вся трава и листья на деревьях сверкали дождевыми каплями, словно усыпанные бисером. Вода в речке приобрела перламутровый отлив, а прямо над нами в небе висела огромная радуга-дуга, один конец которой опускался чуть не до самой речки.

— Смотри-ка, — восторженно воскликнула Верка.

И вдруг мы обе явственно услышали откуда-то доносившуюся мелодию, выводимую гармошкой. Тихая, плавная эта музыка лилась на сияющие мокрые деревья, на траву, на деревню, на речку и на нас с Веркой.

— Это радуга играет, — непроизвольно вырвалось у меня, потрясенной прекрасным зрелищем.

— Нет, — трезво возразила Верка, не разделяя моих фантазий. — Это, наверное, Сашка Люси-почтальонки сидит на крыльце и играет, а сюда доносится.

— Так далеко не донеслось бы! — мне очень хотелось, чтобы Верка оказалась права. — А помнишь, я тебе книгу показывала, в которой всякие чудеса описаны: молнии, как шары над землей летают, звездные дожди идут, цветные осадки выпадают, только редко кому такие чудеса увидеть доводится.

— Помню, — кивнула Верка. Помолчала и добавила задумчиво:

— А у Сашкиной гармонии и впрямь несколько лемехов посередине, как радуга-дуга разными цветами разукрашены...

— Вот видишь, Верка, тот мастер, что Сашкину гармонию мастерил, первый услышал, как радуга играла, а мы с тобой вторые! Смотри, смотри! Полоски у радуги-то уже становятся, товширь расходятся!

— Точно, — как замороженная, крепко прижавшись ко мне, прошептала Верка. — И правда, радуга играет...

ПРО ЛЕТО, ЗВЁЗДНЫЙ ДОЖДЬ И ЗЕМЛЯНИКУ

Рассказ

Было раннее утро. Я гнала нашу Белянку на пастбище.

Деревня наполнялась мычанием коров, пением петухов. Кое-где над трубами изб шел дым. Поднявшись, он словно приклеивался прямо к облакам... Вот почему редкие облака становились толще и гуще!

Вот и луг, где уже ходили несколько деревенских коров, пощипывая траву. Рядом стояла, опершись на палку, пастушиха тётка Фаина.

Я последний раз махнула прутиком на Белянку.

На обратной дороге домой я думала, что мама обязательно сготовит что-нибудь вкусненькое, потому что сегодня нашей семье пришёл черёд кормить тётку Фаину (пастушиху кормили по очереди все деревенские, чьих коров она пасла). Утром я видела, как мать складывала в её суконную котомку обед — яйца, зеленый лук, молоко в бутылке, хлеб, намазанный густой сметаной. А на завтрак тётка Фаина вместе с нами ела пшённую кашу, залитую молоком. Чай пить не стала, но прихватила с собой большую глызу сахара — такого куска нам бы хватило на целый день всей семье. Для нас сахар мать колола сахарными щипчиками и раскладывала на шесть маленьких равных кучек — на каждого члена семьи.

...Дома уже всю хозяйничала моя старшая сестра, она подметала некрашенные полы свежим листовым березовым веником. Наскоро перекусив и взяв литровую берестяную набирушку, я побежала к подружкам, чтобы идти за лесной земляникой. Как вкусна она, истолчённая и залитая молоком!

Возле ручья, разделяющего деревню и поле, на цветущем лугу мы стали срывать распушившиеся одуванчики. Дунешь — и серебристые шарики рассыпаются, если смотреть сквозь них на солнце, множеством сверкающих брызг.

— Как маленькие парашютики! — восторженно воскликнула моя подружка Верка.

— Нет, как мелкий звёздный дождь! — возразила я. — У нас дома есть книга, которую подарили сестре на школьном вечере. Называется «Необычное в обычном». В ней про всякие чудеса написано: где-то выпал жёлтый снег, где-то молнии, как шары, летали, где-то шёл звёздный дождь...

Благодаря сестре я уже умела читать и писать, и потёртый старый букварь был выучен мною почти наизусть. Читала я и мудрёную книгу про чудеса, но не всё понимала, зато картинки часто и подолгу рассматривала. Особенно мне нравилась та, где был нарисован звёздный дождь. Падающие с неба звездочки излучали какое-то неземное свечение, располагались строго по рядам, как косые линии дождя. С тех пор, как эта книга появилась в нашем доме, я всё время ждала чуда из числа тех, что описаны в книжке. Но единственным чудом была разноцветная радуга-дуга. Однако надежда на то, что когда-нибудь я увижу что-нибудь необыкновенное, не покидала меня.

— А можно, мы придем и тоже посмотрим эту книгу? — спросила Люська.

— Конечно, — кивнула я.

Тут у края поля мы увидели спелую землянику и, позабыв обо всем на свете, бросились собирать её.

А книгу ту я помню до сих пор...

ЗЕМЛЯНИЧНЫЙ ОКОП

Рассказ

Зимой уроки физкультуры в нашей школе проходили на поле, которое называлось почему-то «немецкое кладбище». Большое поле раскинулось одним высоким бугром... Какое-то время я не задумывалась над его названием, но однажды спросила об этом маму.

— В войну в Вожеге был немецкий госпиталь, — рассказала мама. — Раненые пленные немцы, выйдя из него, работали на железнодорожных путях, на стройке, в лесу. Многие из тяжело раненых умирали. Вот и отвели им это поле под кладбище...

...Я учусь в районной школе, а в железнодорожной, где во время войны находился немецкий госпиталь, учатся дети, чьи родители работают на железной дороге. Тут же представляю двухэтажное добротное каменное здание и удивляюсь:

— Госпиталь? Для немцев?

Прочитав много книг о войне к тому времени, я знала о зверствах фашистов.

— Мама, они же Освенцим строили, крематории, газовые камеры! А мы их в госпитале лечили? — возмущаюсь я. — А после войны куда этих пленных вражеских солдат дели?

— После войны был обмен пленными. Мы им их пленных вернули, а они нам наших, — тихо отвечает мама.

Моё воображение рисует картину: весь этот большущий угор — одна сплошная могила, где сложены все фашисты, погибшие в войну. Однако понимаю, что это не так. Нет на этом поле крестов, да и холмиков не видно — гладкое снежное поле, перечерченное лыжнёй.

...На уроке физкультуры мой одноклассник Валерка говорит мне хвастливо:

— А я знаю, почему это поле зовут «немецкое кладбище»! Здесь и правда немцы похоронены.

— Знаю, — отзываюсь я. — Они первые напали на нашу страну, вот и пусть сейчас лежат здесь — неизвестные и бесславные.

В нашем огороде, там, где росла картошка, возвышалась небольшая горка, мы называли ее горушкой. Посредине горушки шла заросшая канава. Зимой мы, маленькие, любили кататься здесь на санках, играть в снежки, лепить снежную бабу.

Весной, когда снежное покрывало зимы сползло и потихоньку таяло, наша горушка первая сверкала своим рыжим пятачком. Птицы, присевшие на нее, звонким щебетаньем напоминали нам о близком приходе лета. Скоро вся горушка покрывалась мелкими белыми цветочками земляники. Трава с горушки снашивалась корове, а земляничник так и оставался из года в год и радовал ребятню. Мы с нетерпением ждали земляничной поры. В то время не сажали на грядку клубнику, лакомствами с огорода были морковь, репа да «галанка» (брюква).

От мамы я узнала, что это никакая не горушка, а обыкновенный солдатский окоп. В войну в нашу деревню привозили солдат на ученья перед тем, как через неделю-другую отправить на фронт. Солдаты и соорудили этот окоп. Военных размещали по летним избам. Солдатики меняли у местных на махорку свой сахар, а ребятню кусочком-другим угощали.

— Много перебывало их в нашей деревне за время войны. Жалко нам их было очень — молоденькие такие... — вздыхала мама.

Много лет прошло с тех пор. Насыпь нашего окопа, некогда угощавшего сладкой земляникой, стала намного ниже, окоп как бы втиснулся в землю глубже. Не растут на нём больше ягоды — всё затянуло бурьяном...

Однако он остался в моей памяти маленьким свидетельством той большой войны. И светлым уголком моего детства.

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Рассказ

— Запомните это имя, ребята, — говорил он, — это первый человек, облетевший вокруг Земли. Недалеко то время, когда люди полетят на Луну, на Марс. И вы, возможно, будете свидетелями этих полётов. Не исключено, что где-то там, на других планетах есть такие же люди, как мы с вами, есть такая же жизнь. Наука не стоит на месте, она движется вперёд, и прямое подтверждение этому — полёт первого в мире космонавта...

Все четыре класса начальной школы, в том числе и мы, первоклассники, затаив дыхание, слушали старого учителя. На перемене мальчишки, выбежав на улицу, бурно обсуждали небывалое событие, пуская бумажные кораблики по дорожным ручьям. Яркий апрельский день без единого облачка сверкала своим праздничным величием.

Рядом, рассевшись на деревьях школьного сада, как бы подражая мальчишкам, щебетало громко и без умолку «воробьиное застолье». Мы с Веркой стояли на школьном крыльце и смотрели в лазурно-голубое небо. Уже в то время мне нравилось смотреть на облака, на звёзды, на радугу-дугу, думать и мечтать о других планетах, поэтому данное событие потрясло меня до глубины души.

Придя из школы домой, я не отходила от радиоприёмника. Ещё висела в красном углу нашей избы неросиновая лампа, освещая посеребрённые лики святых. Электричество в деревню провели намного позже, но уже в каждом доме к тому времени пело, играло и звенело настоящее радио — большая чёрная тарелка. По радио звучали веселые и патриотические песни того времени. Я слушала выступление Юрия Алексеевича Гагарина, его знаменитое «Поехали!» и многотысячные рукоплескания первому в мире космонавту.

Всеобщая радость и приподнятое настроение царила вокруг. Всюду обсуждалось произошедшее событие. Стоя в деревенском магазине в очереди за хлебом, я, как губка, впитывала в себя высказывания сельчан по этому поводу. Санко, по прозвищу Старшина, как всегда, немного «под мухой», громогласно провозглашал:

— Что нам сейчас германец — тыфу на него! Мы войну выиграли и в космос первые полетели. Сейчас уж они не сунутся к нам с оружием — факт.

Многие, стоявшие в очереди, соглашались с его мнением.

— Надо же, вокруг Земли облетел! — продолжал восхищаться Санко. Но тут в разговор вступила набожная Машка Доришна.

— Чего ж хорошего-то, в небо полетел? Кто его туда звал? Бог его пока к себе не призвал, так и нечего туда соваться, без его воли в небо лезть.

— Т-т-так это, нету Б-бога, Мария Дормид-донтовна, н-наукой д-д-доказано, — произнёс, заикаясь, Алик из деревни Королю. — Да вот и Га-га-гарин его не видел.

— Тыфу тебе на шары-то! — отрещивалась от него Доришна, — гневаешь Бога, а не думаешь, что потом в геенне огненной кипеть будешь за мысли свои антихристовы, в котлах вариться.

— А может, котлов этих нету и геенны этой огненной тоже, — вступился за Алика похожий на цыгана деревенский плотник Николай Шишов. — Может, придёт время, такую машину изобретут, — продолжал он, — что всю землю насковозь пробурят и докажут, что там нет никакого ада, никаких котлов кипящих. А что вокруг Земли облетели, так, может, сейчас и внутрь надо заглянуть...

— Бурите, бурите, выпускайте бесово племя на свободу! В пьянке да в блюду все погибнет, никаких войн не надо будет. Я-то, слава Богу, до тех времён не доживу, — то и дело осеняя себя крестом, не унималась тётка Марья.

— А может, мы на Марсе или на Луне земли осваивать будем и поля засеивать, — вступил снова в разговор Санко-старшина.

— Да где же народу-то столько возьмут? Вон целину поднимать надо, — ответила вопросом на вопрос ему худощавая голубоглазая Софья. — Вчера, говорят, Витька Цибалёнок туда уехал.

— А чего ему не ехать-то, у него ни кола, ни двора, одна изба, да и у той зад на подпорках, — встряла в разговор стоявшая сзади всех Евфалия.

В то время действительно многие из нашего сельского совета уехали на целину. Молодёжь из колхозов рвалась туда, но их удерживали, не выдавая паспортов. Моя старшая сестра Валентина, родившаяся в марте 1941 года, уже была там.

В наступившей в какой-то момент тишине трогательно и проникновенно заговорила школьная уборщица тётя Зоя:

— Господи, да как же это он насмелился так высоко подняться и вокруг Земли облететь? Как же его сердце-то не разорвалось от страха? Такой-то молодой да красивый на газетной фотографии!.. Как же он не побоялся жёнку-то вдовушкой да деток махоньких сиротками оставить? Всякое же могло случиться!

Я протянула продавщице деньги и стала складывать хлеб в большую синюю сетку. Стоявший за мной в очереди бывший фронтовик Поликарп Матвеевич, который по воле судьбы оказался в осаждённом Ленинграде и перенёс все ужасы блокады, поскрипывая протезом и постукивая клюшкой об пол, покивал головой:

— Да-а, какую же силу воли нужно иметь человеку, какую железную выдержку и какое мужество, чтобы совершить этот подвиг! Да, да, подвиг! — повторил он. — И что бы о нём сейчас ни говорили — всё одно, это Человек с большой буквы!

ВКУСНЫЙ СОН

Рассказ

Я помогала Люське уговаривать трёхгодовалую её сестру Гальку, чтоб та не плакала:

— Ну, не реви ты, рёвушка-коровушка! Хочешь, мы тебя на спине покатаем?

И, посадив Гальку на закрошки, поочередно, вприпрыжку таскаем её. Галька всё равно продолжает хныкать.

— А давай мы тебя на санях или на телеге прокатим?

Галька утвердительно кивает головой.

Галькина и Люськина мать работала конюхом, поэтому возле дома всегда стояло множество телег, саней, тарантасов. Тётка Лидия, по прозвищу Тролетиха, одна воспитывала троих детей. Отца у них никогда не было. Жили они очень бедно.

...Галька всё равно продолжает капризничать.

— Чего с ней? — интересуюсь я. — Может, заболела?

— Не, — мотает головой Люська. — Она есть хочет, утром мамка её только титькой покормила, сказала: быстро приду. А чего-то задерживается.

И тут мы обе почувствовали, что от дома Ухановых, который стоял рядом с домом Тролетихи, попахивает вкусным дымком. Над печной трубой дребезжал тонкий, прозрачный дым, труба явно была не докрыта.

— Наверное, опять суп из баранины варят, — кивнула я в сторону дома Ухановых. — Ты бы, Люська, почаще к ним ходила. Тётка Мамельфа добрая, завсегда за стол со своими ребятишками посадит или угостит чем.

— Не, не пойду, — хмуро ответила Люська. — Мамка не велит у чужих столоваться.

Однако запах из трубы назойливо бередил воображение обеих.

По сравнению с другими семья Ухановых жила справно. Тётка Мамельфа была на фронте, поэтому в их доме много фотографий, где она одна или с боевыми подругами в шапке-ушанке и в шинели. Мамельфа переболела оспой и всё её красноватое лицо было покрыто ямочками. Однако её добрые глаза, мягкий голос и улыбка, которая всегда присутствовала при разговоре, делали Мамельфу красивой и женственной. Трудилась она в колхозе. Её муж Генаша

был, наоборот, скупой и прижимистый. Работал он в райцентре, в МТС (машинно-тракторной станции). Детей в семье тогда было только двое, поэтому одеты и обуты были лучше других в деревне.

Галья совсем разревелась.

— Ну что с ней делать? Ума не приложу. Скорей бы уже мамка пришла! — вздохнула Люська.

— А давай принесём от Мамельфы немного супа и накормим Гальку? — предложила я.

— У них же никого дома нет, видишь — палка в скобе. Они на сенокос ушли, я видела, — запротестовала Люська.

— Тогда сходим потихоньку, чтоб никто не видел, а Мамельфа подумает, что суп выгорел, — убеждала я подружку.

— Не знаю... — ныла Люська, — если мамка узнает, прибьёт, факт.

— Не узнает, — разозлилась я на трусиху-Люську. — Пошли!

Затащив зарёванную Гальку в дом, мы взяли пустое блюдо, прикрыли его от чужих глаз головным платком и пошли к Ухановым.

Озираясь по сторонам, чтоб не увидела тетка Ефалия, которая жила по соседству, мы прошмыгнули к Ухановым и двором, где все было открыто для коровы, проникли в дом. Я отложила печную заслонку в сторону, взяв ухват, попыталась сдвинуть большой чугун с места. У меня ничего не получилось.

— Тяжёлый, давай вдвоём, только осторожно, чтоб не пролить.

Вдвоем мы кое-как вытащили чёрный чугун на шесток. Нас опажнуло вкусным, захватывающим духом наваристого супа.

— Поддай поварёшку! — скомандовала я.

Люська молча повиновалась. Я отчерпнула немного супа из чугуна, прихватив побольше картошин и чуть-чуть — мяса. Подумав, еще немного добавила жижицы в блюдо.

Люська не отрывала жадных глаз от чугуна:

— Может, побольше нальём и сами поедим?

— Нет! — замотала я головой. — Будет видно, что суп брали, а так подумают, что выкипел. — Мы с тобой, Люська, за кислицей сбегает. В низине у речки на торфянике её страсть как много, и вся такая сочная!

— Ладно, — нехотя согласилась Люська, торопливо отрезая от початого мягкого, укрытого полотенцем, небольшой резень хлеба.

Снова двором мы вышли на улицу и направились к дому Тролетихи. Галья, урёванная, стояла у дверей.

— Не реви, дура, мы тебе ись принесли, — начала вытирать сестре слёзы Люська.

Я накрошила в суп хлеба и стала кормить Гальку.

— Вкусно? — спрашивала Люська.

Галья утвердительно кивала, широко открывая рот. Бледная Люська стояла рядом и тянула испуганно, оглядываясь на дверь:

— Хоть бы мамка сейчас не зашла, а то и мне, и тебе вожжами попадёт... как пить дать попадёт...

— Не бойсь, — успокаивала я подругу. — А ты, Галюня, лопай скорей, ещё немножко осталось.

Довольная Галья быстро уничтожила всё, что ей принесли.

— Умница, — погладила я Гальку по голове, — ты сейчас посиди одна, а мы за кислицей сбегает и тебе принесем, ты только не реви, ладно?

Галья кивнула, дожёвывая кусок. Люська сунула в руки сестры куклу с нарисованным чернилами лицом, и мы быстро выбежали на улицу.

— Хорошо, что мамка не пришла, — выпалила побелевшими губами подруга, — у меня чуть душа в пятки от страха не ушла.

— У меня тоже, — выдохнула я.

Быстрая речка Прунда пела свою звенящую, неугомонную песню, несла чистые воды в Ухтумку.

— А тебе нравится наша речка? — поинтересовалась Люська.

— Конечно! Пусть не глубокая она, каменная, но вода в ней чистая и рыбы много.

Вот и торфяник, где уже несколько деревенских мальчишек и девчонок собирали кислицу. Её действительно было много — мы быстрехонько насобирали по увесистой охапке стелей с сочными листьями.

— А знаешь, Люська, чуть подальше, там, где речка небольшое ответвление делает, потом снова сходится, парни запруду из камней сделали, лишь по серединке оставили небольшой проток. Там деревенские мальчишки рыбу ловят, один стоит с ведром или решетом, проток закрывает, другие рыбу загоняют. Хоть рыба там мелкая — мальки да пескари. Но всё равно вкусная. Брат вчера принёс, — похвасталась я. — Пойдём, посмотрим.

— Нет, домой пора, — Люська с тревогой посмотрела в сторону деревни. — Может, мамка пришла и опять будет ругаться, что я снова Гальку одну оставила.

— Мы быстро, мне тоже надо грядку полоть! — вспомнила, наконец, я об утреннем задании матери.

Запруда была действительно сделана добросовестно. Немало тут потрудились деревенские мальчишки, таская тяжелые камни. Косяки мелкой рыбешки, сверкая на солнце, как молнии порхали, то удаляясь от нас, то снова приближаясь. Пожалев о том, что мы не прихватили ведро для ловли мелочи, пошли в сторону деревни.

В доме Тролетихи стояла полная тишина.

— Мамка, наверное, так и не приходила... — Люська укоризненно покачала головой.

Мы разом посмотрели на спящую Гальку. Та спала на соломенном матрасе, крепко прижав к себе куклу. Она не слышала жужжащих над ней мух. На щеках играл румянец. Маленький ротик был слегка приоткрыт, Галька улыбалась. Светло-русые волосы рассыпались на замызганной, выдавшей вида подушке...

— Сон хороший видит, — прошептала я.

— Вкусный! — добавила Люська.

ОБУВКА — ДЕЛО ХОРОШЕЕ

Рассказ

Я неотрывно смотрю на красный патефон Виссариона Степановича, из которого доносится мягкий, бархатистый голос Руслановой: «Валенки, валенки, ох да не подшиты, стареньки...»

— Ну, девки, какую вам ещё музыку поставить? — спрашивает Виссарион Степанович меня и еще пятерых моих подружек, пришедших послушать песни. «Девки» сидят в рядок на широкой лавке Виссариона Степановича.

— «Синенький скромный платочек», — подсказывает бойкая черноглазая Зойка.

Виссарион Степанович долго крутит ручку патефона, ставит пластинку и плавно опускает головку с иглой:

— Ну вот, готово, слушайте, девки, «платочек»...

И мы, затаив дыхание, слушаем песню в исполнении Клавдии Шульженко.

Патефон стоит на очень низеньком самоделочном столике, рядом — низенький стул с положенной на него подушкой, на которой сидит Виссарион Степанович. Столик, на котором разложен незатейливый инструмент, тоже невысокий. Виссарион Степанович шьёт и чинит обувь.

— А сейчас, девки, мою любимую послушаем! — И он ставит новую пластинку.

«По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах...» — доносится из патефона.

Виссарион Степанович откладывает инструмент в сторону, кладёт жилистые руки на стол и неотрывно смотрит в одну точку. Задубелое и давно небритое его лицо становится серьёзным, сосредоточенным.

«Идти дальше нету уж мочи — пред ним расстился Байкал...» — звучит грустная песня, и по впаолой сцене Виссариона Степановича скатывается крупная слеза.

Чуть не до самых колен нет ног у Виссариона Степановича. Протезов у него тоже нет, поэтому ходит он на коленках. Штанины брюк его укорочены и зашиты, а там, где колени, пришито по большой кожаной заплате. «Вместо сапог», — шутит он иногда.

Вся деревня зовёт его уважительно по имени-отчеству: может, за заслуги его военные, а может, потому что мастер сапожный он исключительный, а может, за то и другое вместе. Всю войну прошел Виссарион Степанович, много наград заслужил, да вот не повезло ему перед самым концом войны — потерял обе ноги. Хвастать боевыми заслугами он не любит. Непьющий, он только 9 Мая, надевая свой военный китель вместе со всем боевым «иконостасом», наливает себе большой стакан водки, чтобы помянуть боевых товарищей.

Тихая, кроткая жена его Марья преданно и верно во всём помогает мужу. Единственный их сын, косоглазый Венька, был моложе меня на целый год. Родители души не чаяли в своём отпрыске, и рос он избалованным и капризным. Жаль, в 18-летнем возрасте застрелился из-за девки...

— Чего это, Танюшка, у тебя валенок-то каши просит? — обращается ко мне Виссарион Степанович. — Сымай-ко его давай! Пока вы песни слушаете, я его и зашью.

— Не, — отмахиваюсь я, — мамка сама зашьёт.

— Да сымай, сымай! — не отступает Виссарион Степанович, — денег я с тебя не возьму. Да ты матери-то ничего и не говори.

— Ладно, — соглашаюсь я.

Он ставит новую пластинку и ловко управляетя с моим дырявым валенком.

— Ну вот, Танюшка, пластинка кончилась, и валенок твой готов.

Я обуваясь.

— Не помнишь отца-то, поди? Да где тебе, мала была... А младшая-то у вас, поди, в зыбке качалась, когда отец помер? Да-а, я хорошо знал твоего отца, Танюшка. И до войны, когда он счетоводом работал, и после. Надо же, — сокрушённо качает он головой, — всю войну старшиной разведки прошёл, орденов и медалей сколько заслужил, а тут вот в мирное время помер... Шутка ли — пятеро детей оставил, эку груду!

Когда все пластинки прослушаны, я прошу Виссариона Степановича:

— Расскажите о войне.

Он на секунду задумывается, глядя поверх наших голов:

— Нет, девки, не надо вам знать о войне: страшная она, эта война, нехорошая, не буду я вам о ней рассказывать. Вы лучше музыку слушайте. Песни пойте, может, и из вас артистка какая знатная выйдет — голосистая, как Русланова. Она ведь тоже маленькой была и не сразу артисткой стала. Мы, девки, кровь проливали за то, чтобы жизнь вам счастливую сделать, так что живите, радуйтесь да музыку слушайте... А давайте, я вам еще напоследок песню поставлю. Вижу, Танюшка, она тебе больше всех нравится, да и мне тоже.

И вот уже снова из патефона несётся удивительный, неповторимый голос Руслановой: «Валенки, валенки, ох да не подшиты, стареньки...», а Виссарион Степанович задумчиво смотрит на замёрзшее окно. Потом поворачивается ко мне и улыбается:

— Обувка — она завсегда дело хорошее. Так, Танюшка? — и хитровато подмигивает.

МАРУСЬКА-ПРОКАЗНИЦА

Рассказ

— Маруська, Маруська! — звала тетка Марфа тоненьким, писклявым голоском.

Маруська — здоровенная, как баржа, корова чёрно-пёстрой масти с массивными, увесистыми, загнутыми вверх рогами шла степенно и важно. И почему только Марфа назвала

свою кормилицу человеческим именем? Может, потому, что замуж она никогда не выходила, так как жениха её, гармониста и весельчака Гришаньку, убили в первый год войны. Так и дожила Марфа до седины в старых девах, а после смерти престарелого отца и совсем одна-одинёшенька осталась — ни деток, ни внуков не нажила на своём веку. А тут Маруся — живая, родная душа рядом. Холила, лелеяла её Марфа, как могла, и разговаривала с ней на равных — как с подружкой.

Я с ненавистью взглянула на проплывавшую возле себя «баржу». «Обжора ненасытная» — ругала я про себя соседскую бурёнку, только что получив от матери взбучку за неубранное вовремя с огорода бельё. В этот раз не хватило моего зелёного, с белыми ромашками ситцевого платья. Неделей позже мы недосчитались расшитого умелыми руками сестры белого вафельного полотенца, съеденного коровой.

Страдала от Маруськиных проделок не только наша семья, а и вся деревня. Намедни тетя Софья не нашла парадно-выходной мужниной рубашки, а Мамельфа Уханова обнаружила у огорода изжёванное и втопанное в грязь байковое одеяло.

Взбунтовавшиеся деревенские жители неоднократно высказывали Марфе свои претензии, потрясая в воздухе не поддающиеся никакому восстановлению вещи. Кричали, угрожали, требовали, чтоб Марфа встречала с пастбища свою пакостницу-животину. Но Марфа лишь разводила руками — дескать, я-то что подеваю. Она кормила и пасла колхозных телят и приходила домой поздно, поэтому беспризорная Маруся бродила от дома к дому и проказничала. С исчезновением очередной вещи думалось, что завернёт коровьи кишки от съеденного, но проходило время, а прожорливая корова также вальяжно ходила по деревне.

Все попытки жителей деревни, в том числе и нас, детворы, по загону капризной коровы во двор ни разу не увенчались успехом. Тут уж Марусяка всем показывала свой крутой нрав — мы едва успевали отскочить в сторону.

Однажды мой брат и его дружок Валька Симин сидели на берегу речки и ловили рыбу.

Увлёкшись рыбалкой, они не заметили бродившую около них зловередную скотину. А та, улучив момент, незаметно подошла к Вальке и, сдернув с его головы кепку, мгновенно её проглотила. Валька поблдевел:

— Там же крючки, вся кепка изнутри в крючках, а два большущие! — произнес он побелевшими губами. Но крючки, как и всё остальное съеденное, не принесло Марусяке никакого вреда. «Как заговорённая», — начали головами односельчане.

Иногда «заговорённая» приносила хозяйке в зубах недожжёванный, а то и вовсе целёхонький трофей.

— Полно тебе, дура глупая, ерундой-то заниматься, — то ли журила, то ли ласкала корову Марфа, хлопая по её крутым бокам. — Разве плохо я тебя кормлю?

А кормила её Марфа, надо сказать, хорошо, так как души не чаяла в своей животине.

Как-то искупавшись вечером с подружками на речке, мы шли в сторону дома, собирая сильные колокольчики, похожие на юбочку Дюймовочки. На попившую из речки Марфину корову и на деда Феодосия, занимавшегося ремонтом бани, мы не обратили ни малейшего внимания.

Не дойдя до деревни, мы услышали за своей спиной вопль деда Феодосия:

— Стой, чертова bestия, отдай гвозди, кому говорят!

Обернувшись, мы увидели, как Марусяка, шествуя парадной поступью и помахивая хвостом, несла в зубах суконную сумку. За ней, потрясая в воздухе костлявым, жилистым кулаком, трусцой бежал дед Феодосий. Сделав небольшой крюк, новый пострадавший оказался впереди обидчицы и вдруг — то ли запнулся обо что-то, то ли выдохся и силы покинули его — рухнул, распластался перед самой коровьей мордой, возле передних её копыт. Мы замерли. Не ожидая такого поворота событий, Марусяка опешила. Ну никто перед ней никогда в жизни ниц не падал, с таким земным поклоном к ней не подходил. А тут сам дед Феодосий, бывший фронтовик, кавалер трёх орденов Славы!

От удивления Марусяка открыла рот...

— Дзынь! — суконная сумка почти с двумя килограммами гвоздей рухнула на буйную голову деда Феодосия. Очухавшись, охая и ахая, держась за ушибленный затылок, ругая на чём свет стоит рогатую bestию, дед торопливо стал собирать из травы рассыпанные гвозди. А Марусяка с присущим ей достоинством, степенно и важно пошла в сторону деревни на доносившийся издали зов своей хозяйки.

*Авторы
об авторах*
ПУБЛИЦИСТИКА

Николай Алешинцев

УКРОТИТЬ МОЛНИЮ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТВОРЧЕСТВЕ

С незапамятных времён искусство было светильником, позволяющим даже в самые трудные годы войн, голода, разрухи выбирать правильные ориентиры и оставаться людьми в высшем понимании этого слова.

Бог за семь дней сотворил Землю и заселил её. Оценивая результаты своего труда, он так был восхищён, что воскликнул: «И это хорошо!», но задумался: а кто раснажет устающим людям, добывающим в поте лица хлеб свой, о красоте деяния его и кто защитит это великолепие от разрушительных тёмных сил? Тогда и вложил он в души некоторых людей свою, божью, искру того восхищения, которое испытал сам.

Так появились художники, поэты, музыканты.

С тех пор даже самый далёкий от искусства человек, услышав талантливые стихи, задушевные песни, открывал в душе такие качества, такие чувства, какие не в состоянии открыть точные и изощрённые науки. Светлела душа, светлел мир.

Нам в Великоустюгском районе несколько повезло, мы благодарны администрации за поддержку и понимание наших проблем. Только хотелось, чтобы эта поддержка была не разовой, а выражалась отдельной строкой в районном бюджете.

Перечислять все трудности, которые испытывает наше литературное объединение, наверное, не стоит. В других районах и областях они схожи. Но есть совестливое качество каждого талантливого человека — стесняться своего творчества, беспокоиться о том, так ли оно хорошо и так ли нужно обществу. И это право не позволяет ему кричать о себе, ставить свои действительно существенные проблемы перед обществом и властью.

Результат печален: зачастую очень талантливый человек и живёт в нищете, и напечататься не может и в конечном счёте просто теряется в серых буднях вечных проблем. Даже ребёнок может просить, люди искусства этого и стесняются, и не умеют. Я надеюсь, что представители власти возьмут данный факт себе на заметку.

Со своей стороны, наше литобъединение всегда готово пойти навстречу тем, для кого в трудное время русское поэтическое слово является противоядием против экранной и книжной пошлости, непомерной жестокости и цинизма.

Я глубоко убеждён: ни один национальный проект не добьётся желаемого результата при человеке, ни во что не верящем, с большой душой... Кто или что способно излечить человеческую душу?

Встречи с учащимися, встречи с трудовыми коллективами показывают, как постепенно теплеет в зале от общения с поэтами, появляется заинтересованность и вера в то, что многое преодолимо.

Но как редко мы это делаем! Жаль, что такой мощный положительный ресурс используется плохо. И ещё причина — транспортная. Красавинских,

исключительной одарённости поэтов Веру Багрецову, Андрея Климова слышат очень редко в Устюге из-за трёхсот рублей, необходимых на их доставку.

Невелика и роль Домов культуры в создании условий для встреч местных авторов с жителями города и района. Больно от этого и хочется сказать: «Очнитесь, господа! Сегодня песен, волнующих душу и очищающих путь для любви к родному краю, созданных местными поэтами и композиторами, предостаточно. Предостаточно и юмористических рассказов, хорошей прозы. Обратите на них внимание!».

А почему нет ни одной строки об участии местных писателей и художников в программе «Великий Устюг — родина Деда Мороза»?

Слава Богу, есть другие примеры.

Интервью на телестудии «Провинция» с поэтом Василием Харламповичем Ситниковым вызвало у устюжан не только понимание, но и очень большой интерес, одобрение.

За годы деятельности литературного объединения наряду с признанными авторами Анатолием Мартюковым, Василием Ситниковым успешно работают Ольга Кульневская, Вера Багрецова, Андрей Климов, Юрий Опалёв, Татьяна Ядрихинская, Елена Виноградова и Галина Плетнёва. У каждого из них — свой оригинальный путь к вершинам мастерства. Это очень успешный, очень честный и трудный путь, требующий особой чувствительности, полной самоотдачи и нестандартности мышления.

Трудно переоценить такое явление, как фестиваль «Славяне Поюжья». Общение с талантливыми, умными людьми из Архангельской, Кировской областей, из северо-восточных районов нашей области заставляет верить: жива Россия.

Есть мудрое выражение: «Глупец из друга делает врага, умный врага превратит в друга». Судя по количеству наших друзей, легко сделать вывод: наше литературное объединение и здесь на правильном пути. Учитывая всё расширяющуюся географию фестиваля и дружеские отношения, в нём преобладающие, ему уже смело можно присвоить звание «Братья-славяне».

Не столь часто, как хотелось бы, вспоминают о нас в Вологодской писательской организации. Но приезд на нашу землю её руководства, поэтов, писателей из областного центра был для нас важным и нужным событием. Мы надеемся, что дружеские и деловые связи укрепятся в будущем и, несомненно, будут иметь соответствующий результат.

У нас есть всё — могущественная и добрая Родина, природа, виды которой щемят русское сердце, у нас есть люди, в войнах, репрессиях, беззакониях сохранившие редкое чувство доброты и отзывчивости. У нас есть великий русский язык. И есть на кого равняться: проникновенная поэзия Николая Михайловича Рубцова, ручейком звенящее родное слово нашей милой Ольги Александровны Фокиной, правдивая, выжимающая слезу проза Василия Ивановича Белова.

На мой взгляд, поэзия, проза, музыка, изобразительное искусство и всё то, что вообще делается искусно, — это пойманная молния. Божьей волей кому-то удаётся это сделать. Другой вопрос: сможет ли этот человек, объединив чувства, ум, трудолюбие и мужество, укротить небесную энергию до возможности понимания её на земле.

Вы спросите: почему «мужество»? Да потому, что оголить свое сердце и добровольно посадить себя на скамью подсудимых, где судей — миллионы, каждому ли дано?

Но делать это все-таки надо.

Слав Божьего дара и энергии обязательно будет кем-то понят, осветит чью-то душу. А это значит, что и в целом на Земле будет светлее. Наверное, именно для этого и дано удержать молнию избранным.

Я желаю всем: крепче держите её!

Пусть светит!

Зера Багрецова

«О ЖИЗНЬ МОЯ, ТРОПИНУШКА!..»

О ТВОРЧЕСТВЕ ВАЛЕНТИНЫ СИНЯКОВОЙ

Валентине Синяковой 15 мая 2010 года исполнилось бы шестьдесят. Сколько бы чудесных стихов она могла написать! Но жизнь распорядилась по-своему...

*Много ли, мало
жизнь счастья давала —
Валюшка-Валя,
Всё забывала, обиды прощала —
Валя!
Книги читала, о лучшем мечтала —
Валя!
Что ты видала, чему горевала —
Валя!
С садом цвела
и цветы целовала —
Валя!
Ветру смеялась, коней рисовала —
Валя!
В поле бежала, так рано вставала —
Валя!
Мир, какой есть,
ты с добром принимала,
Валя!*

Летом 1978 года не стало талантливой поэтессы Вали Синяковой.

С того рокового дня прошло много лет. Кто мог подумать тогда, что озеро родной деревни станет для неё роковым местом гибели!

Валентина Георгиевна Синякова родилась 15 мая 1950 года в деревне Большая Синяга, выросла в дружной интеллигентной семье. Её мама, школьная учительница Мария Павловна Синякова, пользовалась в деревне всеобщим уважением. Валя была старшей из троих детей.

Мария Павловна рассказывала:

— По причине болезни дочь пошла в школу в возрасте девяти лет. К этому времени она хорошо читала и считала. Учебка Вале давалась легко. Она увлекалась рисованием, особенно любила рисовать животных. Играла в шахматы. В начальной школе в шахматно-шашечном турнире заняла второе место. Рано начала писать стихи.

Авторы об авторах

*...Любимый зимний снежный край,
Тебя я воспеваю редко!
Луна, как свежий каравай,
На звездной голубой салфетке...*

Мария Павловна тонко чувствовала душевную восприимчивость дочери, поддерживала её поэтические начинания. Именно мать раскрыла Вале всю красоту мира природы, окружила теплом и вниманием, садила роскошные цветы вокруг дома, читала детям сказки, показывала диафильмы.

М. П. Сняжкова вспоминала:

— Здоровье у Вали было слабое, много приходилось лечиться в районных и областных больницах. В связи с этим из восьмого класса Вале пришлось уйти.

В своём дневнике девочка пишет: «В восьмом классе кончились мои университеты».

Она много внимания уделяла самообразованию, читала, читала, читала. В доме имелась неплохая библиотека. Валя любила стихи русских поэтов и писала свои:

*...О жизнь моя, тропинушка...
В какую даль бежишь?
О красная рябинушка,
Ты для кого горишь?..*

Первые стихи Валентины Сняжковой были опубликованы в «Советской мысли» в 1970 году. С тех пор интерес к её творчеству не ослабевал. Поэтесса познала силу и красоту слова, чувствовала мелодию своих стихов, всегда реально оценивала себя, хотя была известна в районе и области. Мы жили в одной деревне, ходили по одной улице.

Какой она была? Я запомнила Валю улыбчивой. Смеялась она заразительно, откинув назад голову с шапкой блестящих чёрных волос. Помню умные выразительные глаза — зелёные, как крыжовник, с карими крапинками у зрачков. Всё её тонкое, чувствительное, очень подвижное лицо с правильными чертами было настолько притягивающим, что обязательно хотелось подойти, побыть рядом. Говорить Вале было тяжело, незнакомые её мало понимали, свои же деревенские охотно общались. Её очень любили дети. Закрываю глаза и вижу Валю в свитере, брюках, с поводком в руке. Она любила гулять со своей собакой, любила бродить по широким берегам Северной Двины.

*О Север! Родина моя,
Дай взглядом всё твоё окинуть!*

В декабре 1977 года нас пригласили в Дом культуры города Красавино на вечер с этим названием — строчкой из Валиного стихотворения. «А Сняжкова не пришла», — сказали в зале, сказали очень казённо, и было обидно за Валю.

Мы встречались с Валей часто, реже говорили о стихах, она имела на всё своё мнение.

Когда в литературном объединении «Северок» был выпущен сборник «За северным перевалом», посвящённый памяти Вали Сняжковой, мы собрались в доме её матери за большим столом. Вася Ситников, Андрей Климов, Оля Черноричица, Галя Плетнёва... Все тогда понимали, что издать Валины

стихи отдельным сборником — это наш долг! И книга вышла! Помню, через год, придя на могилу Вали, я увидела бережно обернутую от дождя в целлофан книжечку «Жаворонки». Её принес Вале поэт Василий Ситников.

Стихи Валентины Сияяковой для нынешних школьников входят уже в школьную программу. Не случайно в Васильевской средней школе нашлись энтузиасты, которые сняли любительский фильм о деревне Большая Синега. В фильме Мария Павловна Сияякова рассказывает о своей дочери-поэтессе (он демонстрировался в Великом Устюге).

Поэтам дано предвидение. Представляла ли Валя свою судьбу?

*Жить бы да жить
и ни о чём не помнить...
Тихо луна дрожит —
страшно скатиться в омут.
Страшно не выбраться вновь
в синее небо.
Вот и прошла любовь!
Был ты иль не был?
Может, приснился лишь,
как в бреду, этой ночью?
Что же в глазах стоишь?..
Жизнь всё короче.*

2010 год

Андрей Климов

КОЛОКОЛ ЗА ЛЕСОМ

О ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ФОКИНА

Нет с нами русского поэта, члена Союза писателей России — Николая Фокина, который успел издать при жизни только одну свою книжку. Но мы знаем его стихи по публикациям в областных газетах, сборниках Великоустюгского литобъединения и других изданиях.

Его поэзия проста. Нет в ней изящных образов, броских метафор, громких эпитетов, но есть в ней главное — горькая правда жизни. Николай Фокин по натуре своей бродяга, и вся судьба его отражена в стихах. Будь то Геленджик или Вологда, Москва или родная Нюксеница.

Нюксеница...

Это ей посвятил поэт такие строки:

*И я несколько не пугаюсь
В глуши однажды умереть,
Лишь только здесь,
Греша и каюсь,
Ещё возможно уцелеть.*

Жизнь не раз била его, проверяя на прочность, но он всегда залечивал раны воздухом Родины, который, пожалуй, самое лучшее лекарство на свете. И об этом знали и Николай Фокин, и Николай Рубцов...

Рубцов и Фокин... Это, казалось бы, два совершенно разных поэта, но в их судьбах есть много сходных черт: оба рано потеряли своих родителей, обоим не повезло с любимыми.

Вот стихотворение Рубцова «Расплата»:

*Я забыл, что такое любовь,
И под лунным над городом светом
Столько выпалил клятвенных слов,
Что мрачнее, как вспомню об этом.
И однажды, прижатый к стене
Безобразьем, идущим по следу,
Одиноко я вскрикну во сне
И проснусь, и уйду, и уеду...
Поздно ночью откроется дверь,
Невеселая будет минута.
У порога я встану, как зверь,
Захотевший любви и уюта.
Побледнеет и скажет: — Уйди!
Наша дружба теперь позади!*

Авторы об авторах

*Ничего для тебя я не значу!
Уходи! Не гляди, что я плачу!..
И опять по дороге лесной
Там, где свадьбы, бывало, летели,
Неприкаянный, мрачный, ночной,
Я тревожно уйду по метели...*

Думаю, что под этими строчками мог бы подписаться и Николай Фокин. И вообще у обоих поэтов было очень развито чувство дороги. Вот у Фокина: «Всё душой скитальческой любя, исходив земное бездорожье, ставил я не дешево себя — только жизнь была меня дороже». У Рубцова: «Всю пройду дороженьку до Устюга через город Тотьму и леса, топ да топ от кустика до кустика — неплохая в жизни полоса!». Можно привести ещё много примеров.

Конечно, Фокин не избежал, как и многие вологодские, мощного влияния стихов Николая Рубцова. Но это, как говорится, болезнь роста. И в последние годы жизни он написал свои, неповторимые фокинские стихи.

*Я живу, не накопив рубля
На свои бедняцкие поминки.
Как умру, богатые друзья,
Скиньтесь на дешёвые ботинки.*

Надо бы богатым друзьям скидываться уже не на дешёвые ботинки, а на памятник тебе или хотя бы на новую книгу стихов. Приведу строчки из стихотворения устюжанина Василия Ситникова:

*Только зря не утверждай,
Что на всю Россию
Чудотворец Николай
Да святой Василий.
Нам ли, стукнув по груди,
Рассыпаться бесом...
Чу, не твой ли там гудит
Колокол за лесом?*

Нет, не отзывал в январе 1995 года колокол поэзии Николая Фокина, мне кажется, он только набирает силу, и его звон услышит вся страна и поклонится русскому поэту.

1995 год

Ольга Жульневская

СКАЗОЧНЫЙ ВЕЛИКИЙ УСТЮГ О КНИГЕ ЛЮБОВИ ДАНИЛОВОЙ

Все книги о Великом Устюге, наверное, сегодня сложно сосчитать — столько их вышло в свет. А если добавить к этому числу литературу о нашем белобородом земляке — то и вообще набирается внушительная библиотека. Очередное издание — «Великий Устюг. Родина Деда Мороза», автор которого устюжанка Любовь Данилова, появилось летом 2009 года.

Вряд ли многие успели познакомиться с этой книгой. Вот и я только недавно увидела её. И восхитилась так, как давно не восхищалась!

Книга, вышедшая в серии «История России», выпущена столичным издательством «Белый город» тиражом четыре тысячи экземпляров и предназначена для среднего школьного возраста. Её отличает великолепное оформление, интересные фотографии (автор которых — тоже Любовь Данилова), иллюстрации — копии картин русских художников. А главное — замечательный художественный — «сказочный» — и грамотный язык!

Любовь Николаевна — педагог по образованию, чувство литературного языка у неё удивительное, а отношение к нему — чуткое, почтительное... Прошу Любовь Николаевну рассказать о своей книге.

— Любовь Николаевна, как вы пришли к созданию этой книги?

— В 2008 году было несколько моих публикаций в альманахе «Отечество», в том числе и о Великом Устюге (материал в июльском номере), а в ноябрьском номере был напечатан «Сказ о маленьком сердце». Редактор издательства «Белый город», кандидат филологических наук, автор многих книг Ольга Еремина, уже получив представление о моих возможностях, предложила сделать книгу. У меня были материалы о Дедушке Морозе, написанные в сказочном стиле, о Великом Устюге. Действительно, почему бы не собрать это всё воедино и не сделать книгу для детей, тем более что литературы о нашем городе именно для детского возраста практически нет.

— И что вошло в очередное издание?

— Главы, написанные в стиле русской сказки, повествуют о строительстве и защите Устюга, о Прокопии Праведном — святом заступнике города, о подвигах устюжан, которые совершили великие географические открытия и раздвинули пределы Российского государства. Книга знакомит детей со знаменитыми народными промыслами Устюга, с северным рукоделием. Рассказы о вотчине Деда Мороза помогают читателям — не только детям, но и их родителям — окунуться в сказочный мир детства и новогоднего волшебства.

«История России» — серия книг для детей, наиболее полно раскрывающая перед юным читателем уникальный мир русской истории. Начиная

с 1998 года вышло более сотни книг разного направления — «Герои русской истории», «Православная культура», «Русский быт», «Русская словесность», «Изобразительное искусство»... Моя книга вышла в цикле «Записки путешественника», рассказывающем об отдельных регионах и территориях. Из 21 книги этого цикла лишь одна — о Санкт-Петербурге, пять — о Москве... И вот первая и пока единственная — о малом российском городе. О других городах пока нет.

— Такая красивая и самобытная книга не должна была остаться незамеченной...

— Да, осенью я, к великой радости, узнала, что книга вошла в шорт-лист (список финалистов, своеобразный каталог лучших изданий) ежегодного национального конкурса «КНИГА ГОДА». Эту премию называют еще «книжным «Оскаром». Её смысл совсем не в денежном призе, это премия престижа.

В дни работы XXII Московской международной книжной выставки-ярмарки были подведены итоги конкурса «КНИГА ГОДА–2009», учреждённого Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям в 1999 году в целях поддержки российского книгоиздания, поощрения лучших образцов книжного искусства и полиграфии, а также пропаганды чтения в России. Конкурс «Книга года» призван содействовать продолжению отечественных традиций книжной культуры, повышению роли книги в общественном сознании, популяризации современных тенденций в оформлении книги и развитию тематических направлений российского книгоиздания.

В 2009-м, юбилейном для конкурса году, издатели продемонстрировали особенное стремление участвовать в нём: на конкурс поступило более 1200 изданий (в то время как обычно на него представляется около одной тысячи изданий) от более чем 250 издательств из 75 регионов Российской Федерации. В конкурсе приняли участие национальные республики в составе России (Татарстан, Башкортостан, Коми, Мордовия, Марий-Эл, Карелия), автономные округа — Эвенкийский, Ямало-Ненецкий), а также традиционные города-участники конкурса — Архангельск, Курск, Смоленск, Воронеж, Волгоград, Екатеринбург, Новосибирск, Тюмень, Иркутск, Владивосток, Хабаровск и многие другие. Издания, поступившие на конкурс, рассматривались в десяти номинациях: «Проза года», «Поэзия года», «Дебют» (к Году молодежи), «Вместе с книгой мы растём», «Учебник XXI века», «HUMANITAS», «Столестиковый лотос» (к Году Индии в России), «ART-книга», «Отпечатано в России», «Книга года».

В состав жюри конкурса под председательством руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаила Сеславинского вошли ведущие российские литературоведы, критики, художники-иллюстраторы, графики, сотрудники Роспечати и Московского полиграфического института. В результате проведённого жюри конкурсного отбора в шорт-лист конкурса и была включена моя книга «Великий Устюг. Родина Деда Мороза», представившая вместе с двумя другими изданиями серию «История России» в номинации «Вместе с книгой мы растём».

— И как ощущения после такого достижения?

— Рада, конечно. Но это налагает определенные обязательства: надо соответствовать заявленному уровню.

— Когда можно ждать новой книги? О чём она будет?

— Готова и передана Ольге Ереминой рукопись моей книги «Вологодчина» — в той же серии «История России». Когда выйдет в свет, пока сложно сказать.

— Рады за вас, Любовь Николаевна! Творческого настроения вам и новых успехов!

2010 год

«Я — ТРАВА, КРАПИВА Я — ЖГУЧАЯ, НЕЗЛОБИВАЯ...»

О СТИХАХ ГАЛИНЫ ПЛЕТНЁВОЙ

Существует мнение: не стоит ассоциировать автора стихов с его лирическим героем. Мол, стихи — это стихи, а жизнь — это жизнь...

Про Галину Плетнёву такого сказать нельзя — её лирическая героиня, которую мы видим и чувствуем в стихах, совпадает с реальной Галиной Плетнёвой до последней, самой маленькой чёрточки характера.

И в стихах, и в жизни она искренняя, порой даже резкая в своей искренности («Я — трава, Крапива я, Жгучая, Незлобивая...»), порой мудрая и спокойная («Принимайте своё одиночество Без обиды на жизнь и судьбу...»), а то вдруг мятущаяся её душа, не желая мириться с тихим течением будней, бунтует («Тоскуй, тоскуй, остуженное сердце! Пусть нет причины — просто так стучи!») ... Она не раскрывается первому встречному, охраняя своё внутреннее пространство («Лепестки души плотнее Вмиг сомкну в тугой бутончик...»), и готова выпустить «ноготки» («...Довольно резкими словами Себя умею защитить...»).

Волею судьбы связана её физическая свобода недугом, и жизнь не всегда поворачивается светлой стороной, заставляя страдать и тело, и душу. Но и тут автор находит необходимую для себя интонацию: «...Только бы сердце твоё не черствело, Значит — живая душа, раз болит...».

В страданиях душа становится мудрее. Нам не даётся таких испытаний, с которыми мы не в силах справиться. Вот и Галина Плетнёва учится справляться. И, только читая её стихи, понимаешь, о чём она тоскует: «...Нельзя над землёю крылом распластаться И крикнуть в восторге свободную песню...», или «...Взметнусь я однажды, Как ласточка, в синее небо, Вскричу от восторга — меня не услышит никто...», или «...Вот бы мне крылья — взметнулась бы ввысь...», или «...Там, на орлином излете, Дух от восторга замрёт, Крылья застынут в полёте, Тело вздохнёт от забот...»

Что бы ни пришлось пережить автору — она не сетует, не досадует, наоборот — радуется, скрывая боль и умея отыскивать хорошее в каждом дне: «Кажется, всё получила В жизни нелёгкой сполна. Только б душа не остыла, Сердцу бы пела весна!» Или: «Мне на жизнь обижаться нельзя — Она щедро дарила рассветы, Рассыпая богатство земли...»

В чём видит смысл жизни Галина Плетнёва? Ответ — в её стихах:

*В зеленеющих нитях
Беспросветных дождей
Виджу чистые листья
Тополиных кудрей,
Полукруг свежих радуг
Над далёкой рекой...
Что ещё сердцу надо...*

Но есть ещё одно светлое утешение в её каждодневном бытии:

*Вот дойти б до ближайшего храма
И не встретить знакомых людей,
Сбросив тяжесть житейского хлама,
Молча встать у открытых дверей...*

И в этом утешении — её источник силы, надежды и вдохновения:

*...Я знаю, Он меня простит
И разрешит к стопам склониться,
И мудрым словом озарит,
И даст живой воды напиться...*

Поэтические образы автора предельно просты — без искусственной замысловатости, без наигранной многозначительности словесных хитросплетений, но именно этой душевной простотой они подкупают, заставляя искренне сострадать автору, откликаться на его чувства и с удивлением узнавать в этих чувствах собственные переживания.

Вот такая она — «трава-крапива» Галина Плетнёва...

НАПИТЬСЯ ИЗ ЧИСТОГО РОДНИКА

ИНТЕРВЬЮ С ВЕРОЙ БАГРЕЦОВОЙ

Вера Багрецова — тонкий лирический поэт, автор нескольких поэтических книг. Стихи её с 1976 года публикуются в районных, областных газетах и журналах, в поэтических сборниках и литературных альманахах районного, областного и регионального уровня; она — создатель красавинского литературного клуба «Лирика». Это профессиональный художник (за её плечами — художественный факультет Московского текстильного института), автор изящной графики, оформившая более десятка книг, в том числе и книг своих коллег по перу. Кто знаком с её творчеством — не перестаёт удивляться тому, как глубоко проникает её поэтический взгляд в глубины окружающего мира, как чутко воспринимает, улавливая самые нежные, самые тайные переливы этого мира — сладкие и горькие, как тонко отражает их свежим серебряным созвучием своих строк или прихотливой игрой чёрно-белого в своей графике!

А ещё это журналист, краевед и знаток истории, автор многочисленных краеведческих материалов в местной прессе. Это, наконец, интеллигентный человек, умный собеседник, а по должности — заведующая просветительским центром «Светоч» (единственным подобным в области) при Доме культуры и спорта города Красавино.

— Вера Васильевна, сегодня, в век далеко шагнувшей техники, так ли уж нужна поэзия?

— Люди не замечают, что окружены стихами. Стихи — в песнях, пословицах, поговорках, в молитвах... Очень многие не умеют читать стихи, и поэтому поэзия их пугает. Каждое стихотворение — это открытие. Если я читаю и не нахожу открытия, значит, стихотворение для меня не состоялось. Всегда ищу эту тайну в чужой поэзии. Хорошие стихи доставляют удовольствие, как хорошая музыка, как хорошая картина художника, как хорошее вино.

Меня всегда поражает, когда вижу чьи-то сегодняшние слабые стихи: неужели не было ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Фета? Читайте, учитесь! Впрочем, как существует музыкальный слух, так, считаю, есть и слух литературный, но и его надо развивать. Необходимо во всех школах, а не только

в гимназии и других элитных школах, преподавать какие-то творческие уроки, уроки, развивающие творческие способности. Посмотрите, весь XIX век наполнен поэзией, он требовал хорошего вкуса, и вкус этот воспитывался с детства. А сейчас сдвиг не в пользу поэзии: стихи стали лишними, а пишущие их — это узкая группа чудаков.

— Таланту надо помогать, или он сам пробьётся?

— Помогать обязательно. Я никогда не пропущу талантливое стихотворение: опубликую, отправлю дальше, прочитаю другим. Хорошие стихи собираю, как драгоценные камешки. Обидно, что сегодня автор, издающий книгу стихов, не получает гонорар, а наоборот, сам ищет деньги на издание.

— Творчество помогает вам жить или, напротив, отвлекает от дел?

— Конечно, помогает. В тяжёлых ситуациях я отвлекаюсь от горестей. Стихи меня всегда спасали. И до сих пор творчество — и литературное, и изобразительное — помогает жить. Вообще-то я счастливый человек: творчество превратила в свою постоянную работу. И здорово, что мою «работу» в свое время «выдумали» в Доме культуры специально под меня — заведу просветительским центром с 1996 года.

— Вера Васильевна, как относитесь к чтению? Понятно, что для такого интеллектуала, как вы, вопрос смешной, и ответ заранее известен, но все-таки...

— Читаю каждый день, но не как обычный читатель, а как читатель квалифицированный: а как бы написала эту фразу? как бы осмыслила? Перечитываю «Войну и мир» Толстого, и кое-что бы исправила, а вот у Пушкина, Лермонтова ничего бы не правила — там идеальный язык. Очень интересна история, и не просто события и факты, а взаимоотношения людей, повлиявшие на события. Я прочитала весь многотомник «История» Соловьева, сейчас читаю «Русскую историю» Василия Ключевского, нравится его юмор, его отношение к факту. Считаю, что лучше Ключевского никто русскую историю не описал.

— Сегодня у очень многих телевидение вызывает неприятие. А как вы относитесь к передачам из «ящика»?

— Смотрю только телеканал «Культура». И, кстати, оцениваю увиденное с точки зрения своих истин. Некоторые передачи — даты, хроники, новости — смотрю с ручкой в руках. Главный вопрос, который у меня возникает вообще в связи с телевидением: как мирится с тем, что бурным потоком льётся с экрана, православная церковь?

— Деньги... Являются ли они, на ваш взгляд, признаком успеха?

— Нет, не все богатые счастливы. По жизни вышло, что я никогда не была богатой, но Бог меня не оставлял. Рисовать начала рано и, к счастью, никогда не имела дефицита бумаги, красок и кистей. Закончила столичный вуз, покупала дорогие книги, посетила практически все крупнейшие музеи бывшего СССР. Почти десять лет отработала в художественной мастерской льнокомбината, мои рисунки разошлись по свету, они в США, Италии, Германии. Сейчас занимаюсь работой, которая мне нравится. И знаю, что это мой долг — заниматься с архивами, работать с начинающими авторами. И центр мой называется просветительским. Круг общения у меня широкий, и не только в Красавине.

— Наверное, это и есть главный успех — удовлетворение от сделанного и признание окружающих. И вообще, работа в сфере культуры всегда интересна и далеко не так легка, как представляется многим, далеким от этого людям. А культурный человек — он какой?

— Если честно, то даже в сфере культуры немного людей истинно культурных. Это ведь не только образование — это состояние души, особый строй жизни, особый такт, интуиция: как обратиться к человеку, как его понять.

Развитие человечества идет на всех этапах жизни, в любой сфере, но только не в отношениях друг с другом, здесь у нас — пещерный век, человек не хочет развиваться. Почему у нас нет партии культуры? Ни в какие партии никогда не вступала, а в эту вступила бы!

— Как-то на телепрограмме «Культурная революция» обсуждался вопрос: «Нужен ли России институт благородных девиц?». Быть может, раздельное обучение пошло бы на пользу воспитанию культуры подрастающего поколения? Как вы думаете?

— Мужчина и женщина — разные «национальности», раздельное обучение их необходимо. Отношение к другому полу будет формироваться иное — не обыденное, если хотите — трепетное. Предметы по культуре должны быть, обязательно — «История искусства»! У мальчиков должна быть мужская рука в воспитании, которой зачастую нет в семье, в детском саду, в школе. А в армии начинают «воспитывать» своеобразными методами. Жаль, благородства в жизни мало — в нашей коммунальной России не до благородства сегодня. Не компьютер надо в каждую семью, а ванную с горячей водой, нормальное жилье! У нас в деревянном коммунальном Красавине сегодня баня работает один день в неделю, помыться негде, до культуры ли?

Если говорить о работе, то раньше в штате просветительского центра было восемь человек, даже профессионалы-художники были — супруги Преминины, ведь каждая выставка — это многодельное оформление; был филолог — Ольга Чернорицкая. Велись занятия юного журналиста, юного поэта, писателя, в «Красавинском вестнике» была «Детская страничка» для юных авторов. Сегодня этого нет, в штате центра вместе со мной — всего трое. Часами, зачастую ночью, просиживаешь над литературой, по крупицам выискиваешь информацию в тундре. Просвещение и прибыль — понятия несовместимые!

— Вера Васильевна, можно долго говорить о проблемах сегодняшнего общества. Давайте завершим наш разговор приятными словами. Вот впечатление посетителей центра (из последних записей в книге отзывов) от встречи с вами: «Встреча с человеком, общение с которым — это как напиток воды из чистого родника в жаркий день».

От имени всех читателей желаю вам: пусть не иссякает живой родник, пусть несёт свет знаний, сердечности и искреннего участия всем нуждающимся в этом. Добра вам и здоровья, вдохновения и новых творческих работ!

2011 год

КОСТРЫ В МАМИНЫХ ТУФЛЯХ

ОТКЛИК НА ШЕСТУЮ КНИГУ СТИХОВ И. Б.

Тот, кто следит за местной литературной жизнью, вероятно, заметил информацию в газете «Советская мысль» о выходе в свет шестой по счёту книги вологжанина, автора-любителя И. Б. (позволю себе не называть его имя в этой книге, поскольку не оно важно, а отношение к творчеству) под названием «Последние костры», где стихи — на 217 страницах. Всего год назад при помощи Великоустюгского землячества в Вологде появилась предыдущая его книжка — «Великий Устюг — город вдохновения», в которой 163

страницы. И книжки изданы на мелованной, дорогой, бумаге, с цветными фотографиями... Что и говорить, автор плодovitый и деятельный.

Время от времени И. Б. навещает малую родину — Великий Устюг, с уверенностью признанного поэта обходит учебные заведения, снисходительно принимая восторги в свой адрес.

«Последние костры» — книга, надо понимать, весьма дорогая по затратам, но сомнительно, стоит ли она тех затрат? Кроме как искренность чувств, в ней и похвалить-то больше нечего. А достоинство это отмечают обычно (чтобы сильно не обидеть) у начинающих и неумелых, не владеющих ни рифмой, ни ритмом, ни образностью выражений.

Кстати сказать, член Союза писателей РФ Анатолий Мартюков в своём предисловии к книге называя И. Б. поэтом, делает это скорее с целью педагогической, чтобы поддержать старания автора в надежде на его дальнейший творческий рост. Но, увы, даже мудрый и миролюбивый Анатолий Сергеевич не находит больше ни одного повода для повторения слова «поэт» и производных от него.

Но вот чего в избытке у автора «Последних костров», так это, простите, самомнения. И лишних запятых тоже (что, впрочем, вина корректора-непрофессионала).

Вот пример — стихотворение в четыре строки:

Господь, прости за перлы,
Ведь ты свидетель истины:
Я был, средь прочих, первым,
Она была — единственной.

Постоянное недовольство дураками, окружающими автора, сентиментальные посвящения дочкам, внучкам, сыновьям... Складывается впечатление, что И. Б. собирает в книгу всё, что ему когда-либо пришло в голову, боясь оставить за рамками книги любую строчку, абсолютно не подкрепив свои «перлы» ни критике, ни какому-то ни было отбору. Но это у Пушкина любая строчка, когда-то и где-то им оброненная, — на вес золота для всех нас. Но И. Б., к сожалению, не Пушкин. Хотя... что-то общее с курчавым покорителем дамских сердец у нашего вологжанина есть («Я любил всех баб подряд», — говорит он про себя в стихотворении «Ты заметишь усталость в лире...»).

Не потому ли сегодня «Судьба глушает тучи: Опять стою на круче Один с самим собой. И выбор есть. Что лучше? Шагнуть мне с этой кручи Иль в омут с головой?»

Не надо с кручи, уважаемый И. Б., тем более что в Вологде таких круч и нет вовсе. Лучше подумайте, стоит ли навязывать читателю свои творения, например, такие:

Есть у нас уже Марина,
А Татьяна сплошной завал;
Мне милы Екатерины —
Дочь свою я так назвал.

Ну, прямо как в широко известном «Муха села на варенье, вот и всё стихотворенье». Нам слезу утереть от умиления после такого опуса?

Думаю, со мной согласятся все члены нашего литературного объединения, и вовсе не из зависти к большому количеству изданных И. Б. книг. Больно и несправедливо то, что землякам нашим, в том числе и юным, его творчество преподносится как настоящая поэзия, и тем самым у них формируется очень низкий художественный вкус (вернее, полное отсутствие оного).

Не знаю, насколько приятно принимать похвалу в свой адрес от людей, не смыслящих в законах стихосложения и приходящих в восторг от рифмы «палка — галка». Но, думаю, куда ценнее для умного и стремящегося к совершенствованию автора строгая критика тех, кто в поэзии разбирается и способен отличить «зёрна от плевел».

Только вот, похоже, что И. Б. такая критика не нужна, ему вполне достаточно собственного мнения о себе, любимом, издавшем столько книжек!

Право слово, уважаемый И. Б., неловко смотреть на то, как Вы стараетесь казаться великим.

Так пятилетняя девочка, влезая в мамины праздничные туфли, мажет губы маминой помадой и мнит себя взрослой. Однако даже она понимает, что это понарошку...

2004 год

Талина Илетнёва

ВЛАДЕЯ СЛОВОМ

О ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ КЛИМОВА

Стихи — это не только удачная рифма, выдержанный ритм, четкость слога и образность слова. Стихи — это те драгоценные зерна, которые обязательно прорастают чудесными всходами в душах людей.

Умение владеть словом, находить в нём мудрость, красоту, силу — это особый дар, данный свыше поэтам, которым всегда есть что сказать миру.

Уже давно своими стихами побуждает читателей по-доброму относиться друг к другу, видеть рядом нуждающихся в поддержке и помощи, заставляет задуматься о вечных нравственных ценностях — Добrote, Милосердии, Сострадании, Любви — поэт из города Красавино Великоустюгского района Андрей Климов. Он видит мир таким, каков он есть, без прикрас, порой с откровенной обнаженностью показывая его неприглядные стороны, подлость и равнодушие живущих рядом.

Но это и тонкий лирик, умеющий ценить чувства, дорожить каждым моментом любви, верности, дружбы, знающий язык природы и искренне любящий свой родной край.

Этому скромному, немногословному в беседе человеку дан бесценный дар владеть поэтическим словом, и автору есть что сказать.

«Провинция всегда интересна — так мыслит Андрей Климов, — ведь это же Россия! Убери Питер и Москву, останется провинция. Здесь другая жизнь и другая литература, которая отражает эту жизнь...»

Я уверена, что литературный мир станет богаче, ярче, если пополнится еще одной книгой — новым сборником стихов Андрея Климова. Книгу с нетерпением ждут любители поэзии, многочисленные почитатели творчества красавинского поэта, но особенно дорога, своевременна и ценна она будет для самого автора — как поддержка и признание, что всегда так необходимы любому творческому человеку.

Василий Ситников

ПОМИНАЛЬНОЕ ВИНО

О ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ФОКИНА

Вечер выдался холодным и ветреным. Кое-где в промежутках облаков проглядывали звёзды. Пуржило, но онамыш тропинки снег не задерживал. Идти было легко и радостно. Скоро войду в родительский дом, растоплю печь, выпьем с соседом на Рождество по рюмке водки, посидим до полуночи за разговорами, строя планы на будущее...

И вдруг этот угрожающий звук, который всё усиливается и усиливается. Я понял: реактивный самолёт. Казалось, он пролетел над самой головой, оставив за собой сотрясённый воздух и чувство страха. Это чувство не покидало весь вечер, пока не лёг спать.

Не спалось. Всё казалось, кто-то по избе ходит.

...Он любил так ходить и раньше, когда был живой. Двигался медленно — скрипели под его грузной фигурой старые половицы. Часто курил, иногда бубнил малоразборчивые фразы.

Впрочем, так было не всегда. Я его помню разным: весёлым и компанейским, хмурым и озабоченным. Бич по образу жизни и поэт по призванию, он мне дорог таким, каким был.

Мы познакомились с Николаем Фокиным в Вологде в 1981 году на семинаре молодых писателей. Он был явно с похмела. Семинар шёл однобоко, руководителям мероприятия было далеко не до нас. Мы обменялись адресами, потом разъехались, он — в Сокол, я — в свою «берлогу» на Морозовицу.

Приехал он ко мне спустя восемь месяцев — в июне следующего года. Приехал не один, а с тремя такими же бичами, как и он сам. Первое время жили у меня, а потом в одной из совхозных изб. Взяли трудовой подряд и тянули к совхозным новостройкам паровое отопление.

Мне доводилось с ним видеться часто. Иногда по несколько раз в день. Ходили вместе на рыбалку, в лес, купаться. Он был импульсивен, на многие события и природные явления откликался стихами. Пошли купаться — Коля выдал: «Войду в реку и встану на колени...» Попали под грозу — Коля пишет стихотворение о грозе. Он органически сливался с той действительностью, которая его окружала. Мне кажется, Морозовица стала для Николая местом, где он на какое-то время обрёл душу. Дышал в полную фокинскую грудь этим чистым воздухом над Красным островом, любовался бескрайними просторами, слушал соловьиные трели. Очень подружился с моими родителями. Любил слушать, как мать играет на гармошке и гитаре. Но пил довольно часто.

Как-то рано утром со своими сабутьниками он зашёл в магазин. Водку тогда отпускали с 11 часов. Коля представился: «Я Фокин Николай». Если иметь в виду Ольгу Александровну Фокину, то фамилия довольно известна. Продавцы пошушукались и отпустили Коле товар. В знак благодарности

Коля попросил «Книгу жалоб и предложений» и записал что-то наподобие: «Спасибо вам, что в трудный час...» и т. д. Вечером запись обнаружила заведующая магазином и стала ругать продавцов. В это время пол подметала уборщица. Ей стало жаль девок. Вот она метёт и приговаривает: «Ох, Фокин, ох, уж этот Фокин, Пушкин бы так не сделал». Потом, когда Коле рассказали этот эпизод, он долго смеялся.

В сентябре он получил деньги. Так как на себя не надеялся, решил сразу же их истратить на покупку пальто. Я зашёл на огонёк. Коля занимался примеркой обновы. «Ну как?» — вопрошающе глянул на меня Николай. Не дожидаясь ответа, он стряхнул с ворсин нитку и самодовольно изрёк: «Как Максим Горький». Я его хлопнул по плечу и возразил: «Николай — как Демьян Бедный». Все грохнули. Коля какое-то время недоумённо смотрел на окружающих, потом расплылся в медленной улыбке.

У него, как и у всякого пьющего, постоянно была нехватка денег, но займы брал нечасто: знал, что не отдать. Понимал, что и не выбраться из этого болота. Событийников своих жалел, но не уважал. Иногда приходил ко мне под вечер, и тогда мы до поздней ночи шастали окольными тропами, обострённо внимая ночным звукам, вспоминая Александра Швецова, Лиду Теплову, Валерия Ельтипифорова. Большое внимание на формирование Колиных и моих взглядов оказал Александр Николаевич Рачков. И Николай к нему тянулся. Особенно любил читать стихотворение, которое понравилось Александру Николаевичу:

*Раскричались вороны
Над сторонкой родной,
Разнесли во все стороны,
Будто я не живой.
Что укрытый чужбиною
Мой дремучий погост,
Репеём и крапивою
Безобразно оброс.
Полно, вороны грозные,
Каркать лихо не в срон,
Мне живётся небоязно
В переменах дорог.
Широка исполнинная
Вологодчина — мать,
Ещё долго, родимая,
По тебе мне шагать.
Ляг, дороженька, скатертью —
Будет трудно шагать —
На погост к своей матери
Мы придем умирать.*

Стихи Коля читал самозабвенно, как бы преподнося себя. Ему всегда хотелось выпустить свою книгу. На мой взгляд, вологодская писательская организация до сих пор полностью не оценила его творчество.

Уехал Николай с Морозовицы неожиданно, как и приехал. За несколько дней до отъезда пришёл ко мне пропитой и голодный. Я дал ему кое-какую одежонку, шапку, которая едва прикрывала верх большой фокинской головы.

Вновь встретились мы в июле следующего года. Николай приезжал на Яшинский праздник и по пути завернул ко мне. Праздник запомнился своим многолюдьем, красочностью одежд. Но мы были на нём как бы лишними. И только воодушевляло то, что давно не виделись, было о чём поговорить.

Позднее он бывал у меня много раз. Иногда проездом, иногда задерживался на несколько дней. Мы шли на Морозовицу, распивали бутылку, которой не всегда хватало, оговаривали новости, изменения в личной жизни.

Я знал, что он женился, у него растёт сын и что он пишет, пишет, пишет...

Я же в своем творчестве часто обращался к Николаю. Только в книге «Побережья» наберётся десяток стихов, посвящённых ему или касающихся его. Но уже в 1982 году я знал, что он долго не проживёт.

*Где тебя оплачут,
Мой бродячий друг?
Где с тобой простятся
И в какой избе,
Тяжело сдуваются
Думы о тебе?*

В 1993 году в Великоустюгской типографии был напечатан сборник стихов «За северным перевалом». В него вошли и стихи Николая. В июле он приехал на «обмывание» книги. Привёз с собой жену Валентину и сына Леонида. Леониду крестили в церкви Прокопия Праведного у отца Ярослава, крёстным записали меня. Коля знал, что готовится к выпуску моя книга «Побережья», а в плане книга Валентины Синяковой «Жаворонки». Я уверен, что Валиных стихов он никогда не читал, поэтому так пренебрежительно спросил: «Вася, нельзя ли с её книгой подождать, а напечатать мою?»

Не знаю, что он уловил в моём взгляде, но больше к этой теме не возвращался.

Перед отъездом я ему подарил сапоги и меховые рукавицы. Через год он стоял передо мной и размахивал своей книгой: «Вася, меня в твоих сапогах в Союз писателей принимали». Мы обнялись.

Он читал стихи, бил в грудь кулаком и пил, пил, пил. Если б только это. Я заметил, что стихаря он глотает какие-то таблетки, и всё понял. На четвёртый день он стал невыносим. В полубреду что-то бубнил, мычал, метался, опрокидывая стакан за стаканом, на какое-то время забывался и снова вымогал спиртное. Назавтра рано утром я его еле поднял с постели и проводил на «Зарю», отправлявшуюся на Нюксеницу. Расставаясь на причале, он обнял меня и сказал: «Вася, Василий Ситников, наверное, больше не увидимся». Я припал к его плечу и ответил: «Похоже, Коля, похоже». Он заплакал. Не знаю, что в нём в тот миг говорило — вино или ощущение безысходности.

За три-четыре месяца до его смерти газета «Советская мысль» поместила моё стихотворение, в котором были строки, обращённые к нему:

*Старый друг, очумев от отравы,
Что ты бьёшь кулаком себя в грудь?
У какой-нибудь сточной канавы
Твой последний закончится путь.
Грех хвалиться, что мы духом стойки,
Когда пропито всё на Руси,
А уйд и предателей столько,
Что на всех вряд ли хватит осин.*

Коли не стало 3 января 1995 года. Его было не спасти, ибо приговор ему судьба подписала давно. И всё же Фокин Николай — это светлое пятно не только моей жизни. А для меня это ещё и друг. Его душа иногда спускается ко мне. И тогда я чувствую, что всё не так уж и страшно, и что есть продолжение этой грешной и бесценной жизни.

Мария Цвеченко

Автор иллюстраций в нашей книге — человек молодой, с небольшим пока ещё профессиональным опытом — это выпускница художественно-графического факультета Череповецкого педагогического университета устюжанка Мария Цвеченко. Сейчас Мария заочно учится в Санкт-Петербургской Академии художеств и скоро получит специальность искусствоведа.

— Я ещё не художник, я только учусь! — скромно заявляет Мария.

Тем не менее пусть небольшой, но опыт иллюстрирования книг у неё уже есть. Несколько графических работ сопровождают стихи красноборского автора Елены Пиликиной в книге «Капельки любви»; кроме того, макет поэтического сборника устюжанки Ольги Кульневской «Всему свой свет...» стал для Марии в 2010 году дипломной работой в Череповецком педуниверситете (скажем по секрету: работа была оценена экзаменаторами высшим баллом).

«Колокол за лесом» — третья книга молодой художницы и, верится, далеко не последняя, поскольку графика её, наполненная какой-то особой музыкой и поэзией, выразительна и трогательна.

Пожелаем Марии успехов!

Оглавление

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	3
ПОКЛОН ВАМ, ЛЮДИ ДОБРЫЕ. Проза.	
Николай Алешинцев	7
Вера Багрецова	25
Тайлера Бологова	33
Любовь Данилова	43
Андрей Климов	53
Ольга Кульневская	57
Юрий Опалев	77
Галина Плетнёва	109
Андрей Реутов	123
Галина Сухинская	127
Татьяна Ядрихинская	137
АВТОРЫ ОБ АВТОРАХ. Публицистика.	
Николай Алешинцев	155
Вера Багрецова	157
Андрей Климов	160
Ольга Кульневская	162
Галина Плетнёва	170
Василий Ситников	171
О ХУДОЖНИКЕ	174

ТИРАЖ 1000 экз.

ПЕЧАТЬ
ООО «Типография №2»

163002, Архангельск,
пр. Новгородский, 32,
корпус «ОМ-медиа»
тел./факс (8182) 20-4444

[120p]

04.04.2019 ОКС
11.08.2019 Фвент. ОКС
05.09.2019 Фвент. ОКС
11.11.21 О-Р

ТИРАЖ 1000 экз.

ПЕЧАТЬ
ООО «Типография №2»

163002, Архангельск,
пр. Новгородский, 32,
корпус «ОМ-медиа»
тел./факс (8182) 20-4444

**Великий Устюг
2012 год**